Я СМОТРЮ ХОККЕЙ

БОРИС МАЙОРОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания и дневниковые записи талантливого советского хоккеиста.

- Борис Майоров
  -
  - От автора
  - День первый
  - День второй
  - День третий
  - День четвертый
  - День пятый
  - День шестой
  - День седьмой
  - День восьмой
  - День девятый
  - День десятый
  - День одиннадцатый
  - День двенадцатый
  - День тринадцатый
  - День четырнадцатый
  - День пятнадцатый
  - День шестнадцатый

Борис Майоров
Я смотрю хоккей

литературная запись Е. Рубина

От автора

Я уже не играю в хоккей. Я — тренер. Мой стаж игрока — 14 лет, или почти половина жизни. Мой тренерский стаж исчисляется несколькими месяцами.

Я бреду ощупью, спотыкаюсь, падаю, отхожу назад в поисках правильной дороги и снова ошибаюсь. Я пытаюсь мысленно обобщить опыт своих учителей, среди которых были такие выдающиеся хоккейные педагоги, как Аркадий Иванович Чернышев и Анатолий Владимирович Тарасов. Но, видно, в тренерском деле, как в любом другом, пока сам не обожжешься на чем-то, до истины не докопаешься.

Быть может, пройдут годы, много лет, и я снова возьмусь за книгу, чтобы попытаться в ней взглянуть на хоккейную жизнь глазами тренера. Но если я и получу когда-то моральное право написать такую книгу, то уж наверняка очень не скоро, да и будет та книга совсем непохожа на эту.

Мне кажется, что заметки игрока-хоккеиста, пусть даже не претендующие на особую теоретическую глубину и большие обобщения, могут представить интерес для читателя. Недаром же за нашими выступлениями следят миллионы людей. Недаром о спорте и спортсменах пишут романы и исследования, снимают полнометражные фильмы и читают лекции. Недаром десятки тысяч людей во всем мире отдают большому спорту лучшие годы жизни, отрывая их у семьи, учебы, жертвуя ради спорта отдыхом и развлечениями.

Я прошел в большом хоккее путь от подножья до вершины.

У меня немало наград: олимпийских, мировых, европейских, всесоюзных… Но не меньше было в моей спортивной биографии и выговоров и дисквалификаций. Меня избирали и капитаном «Спартака» и сборной СССР и разжаловали из капитанов обеих команд. Я начал играть в хоккей школьником, а закончил взрослым человеком, отцом семейства. Будучи хоккеистом, я объездил всю странунений, почему Майорова не было в Стокгольме в составе сборной. От своих приятелей и из почты редакций я узнал такое количество версий моего отсутствия в сборной, что готов был впасть в отчаянье. По одним я выглядел трусом, решившим «вовремя смыться», едва почувствовав, что в Стокгольме придется трудно, по другим выходило, что я герой, принесший себя в жертву ради блага других, по третьим я просто-напросто черствый эгоист, безразличный к интересам сборной, думающий только о себе, четвертые утверждали, что Майоров «вообще списан» из большого хоккея за ненадобностью.

Я не собираюсь здесь с кем-то спорить, кого-то опровергать. Каждый человек волен толковать любой факт по-своему. Но факты-то должны быть известны!

Сказать, что я хотел, что я мечтал играть на чемпионате, — значит еще ничего не сказать. Ошибается тот, кто думает, будто стать чемпионом в первый раз слаще, чем во второй, третий, а тем более в седьмой.

Тогда перед отъездом в Стокгольм на чемпионат мира 1969 года совсем немного оставалось «шестикратных» чемпионов, которым светила возможность стать «семикратными». Всего пятеро. Пятеро на всю страну. И я один из них. А ведь каждый из тех, кто готовился в путь за седьмой золотой медалью, надеялся в глубине души остаться в сборной еще на год, стать «восьмикратным», может, единственным вообще…

Нет, смею вас заверить, для того, кто вкусил от древа славы многократного чемпионства, расставание с мечтой о будущих победах — тягчайшее из расставаний.

И все же мой уход из сборной, хоть он и противоречил моим планам и мечтам, был во многом предопределен самим мною. Вот как это было.

Сезон 1968/69 года оказался для меня небывало трудным. В ноябре, во время одного из матчей на первенство страны, я получил не очень серьезную, но очень болезненную и потому неприятную травму — растяжение мышцы на ноге. Надо бы тогда же перестать на какое-то время играть, вылечиться как следует, но борьба за каждое очко шла в те дни такая, что о каникулах нечего было и помышлять. Так я играл, спасаясь от болей в ноге уколами.

Потом — Канада. Вот выдержка из дневника, который я вел, правда не очень аккуратно, во время этой поездки. Одна сделана после первого матча. «…Здесь же Ионов и я получаем травмы. Ионова заменяют, а я доигрываю период. Старая травма не дает покоя». Другая запись относится к середине турне. «Утром 24-го провели легкую тренировку. Чувствую себя отвратительно. Болит нога — желания играть нет никакого. Но играть придется». Когда я перечитал эту запись дома, так сказать, свежим взглядом, она поразила меня: как я должен был себя чувствовать, чтобы утратить желание играть!

Наша команда очень здорово провела матчи в Канаде. Девять игр со сборной — девять побед. Но моей заслуги в этих победах не было. Я играл плохо, играл мало, играл без настроения. Наконец мы вернулись домой. Некоторый отдых и довольно интенсивное лечение привели мою злосчастную ногу в относительно нормальное состояние. После игр она ныла, но во

время матчей я о ней даже не вспоминал. И вдруг — снова травма. Той же самой мышцы, в том же самом месте. Травма, тем более обидная, что досталась мне за 12 секунд до конца последнего перед чемпионатом мира календарного матча, матча с ЦСКА. Мы к этому моменту вели уже со счетом 6: 1, а значит в оставшиеся 12 секунд измениться ничего не могло.

Это случилось 23 февраля, а 5 марта 1969 года мы выехали на два последних контрольных матча в Финляндию. Поскольку игра нашей тройки вызывала нарекания тренеров, нам пришлось участвовать в обоих матчах. После первого у меня было легко на сердце. Я был доволен собой. Играл с удовольствием, без труда, играл хорошо, о ноге забыл вовсе. А на другой день вышел на разминку — и такое состояние, хоть снимай коньки и беги в раздевалку: ногу еле волочу, наступать на нее — и то больно. В общем, мою игру во втором матче и игрой не назовешь, я не играл, а «отбывал номер».

В Москву мы возвратились 9 марта. На следующий день, в канун отъезда в Стокгольм, было назначено собрание команды. Тут же, в присутствии нашего высшего спортивного начальства, тренеры должны были сообщить нам, кто те двое, кому оставаться дома.

Дело в том, что к первенству мира готовились 20 игроков, да к ним должен был присоединиться Женя Зимин, находившийся в тот момент в составе второй сборной в Канаде и очень здорово там сыгравший. На чемпионат же могло ехать только 19. Правда, если говорить откровенно, еще до собрания мы знали, что судьба одного из нас — Юрия Репса из московского «Динамо» — решена: в Стокгольм он не едет.

На собрании команды ветеранов попросили высказать свои соображения об игре сборной, рассказать о своем самочувствии. Когда пришла моя очередь, я сказал то же самое, что знаете теперь вы. Я не просил отчислить меня из команды. Но я не мог не предупредить о том, что, вполне вероятно, не сумею на первенстве мира сыграть все десять матчей, что, если нога подведет, могу надолго оказаться на скамейке запасных.

Собрание кончилось, но тренеры еще некоторое время совещались без нас, а потом вышли к нам и огласили свой приговор: на первенство мира не едут Юрий Репс и Борис Майоров. При этом тренеры благодарили меня, называли мой поступок самоотверженным и благородным, жали мне руку. Эти выражения признательности были мне весьма приятны, но, говоря откровенно, я и тогда не понимал и до сих пор не могу понять, за что я удостоен благодарностей.

Я честно ответил на вопрос о моем самочувствии. Если бы я

солгал, я никогда бы себе этого не простил, и любой упрек по моему адресу был бы справедлив.

Итак, я впервые за последние годы не еду на чемпионат мира. Но я не могу смириться с этим. Я должен быть там. Я должен быть рядом с командой, пусть не в качестве игрока, пусть просто туристом, но рядом с ребятами…

Мне повезло. В течение нескольких дней все формальности были выполнены, и меня зачислили не просто в туристическую группу, а в группу журналистов.

…Вот так я и попал тогда в Стокгольм. На чемпионат мира 1969 года.

День первый

Сколько раз бывал я в Стокгольме? Наверное, раз двадцать. Все здесь знакомо, и все на этот раз не то. Поселили меня в гостинице с журналистами. Никто из соседей не строгает клюшек, никаких собраний, никаких зарядок. Все носятся по городу с фотоаппаратами, блокнотами и магнитофонами. И целый день друг друга спрашивают: «С редакцией говорил?» — тут же добавляя: «Будешь говорить, попроси, чтобы к нам в газету позвонили и сказали, что я жду вызова»… Незнакомые дела, непривычные заботы.

А я вроде и вовсе не у дел. Хожу, как и все остальные, прицепив к лацкану металлическую бляху «Пресса», но никто статей от меня не ждет. Мысли мои там, с ребятами, но им, я понимаю, не до меня.

* * *

Правда, первый день прошел в хлопотах. К началу игры Канады с ЧССР мы опоздали. Потом занимались аккредитацией — получали эти самые бляхи, по которым пускают на стадион. Потом расселялись по номерам. Я попал с корреспондентом «Московской правды» Сергеем Кружковым.

Второй матч дня — наши с американцами. Пришел в ложу прессы, сел на свое место. Справа от меня — корреспондент «Советского спорта», слева — «Зари Востока».

Посидел минут десять и решил: «Рискну пробиться к ребятам в раздевалку». Пустили. Слава богу, контролеры старые, по прошлым играм знают. Даже здороваются.

Вижу: ребята мне рады. Все обступили, спрашивают, как дела, как доехал, как устроился.

Остался с командой на весь матч, пристроившись за скамейкой запасных.

Игра закончилась со счетом, который, как потом оказалось, стал рекордным для этого первенства. И, если не ошибаюсь, для сборной СССР на чемпионатах мира вообще. Результат—17:2, причем 11 шайб наши забросили во втором периоде.

По поводу этой победы и этого небывалого счета сразу после окончания игры было довольно много шуток. Никто не придавал этим семнадцати шайбам никакого значения. Но потом, через две недели, оказалось, что зря. Именно наилучшая разность забитых и пропущенных шайб вывела сборную СССР на первое место.

Кстати, это обстоятельство дало повод для разговоров о неполноценности нашей стокгольмской победы в 1969 году. Дескать, небольшая это заслуга — разгромить американцев. Могу задать скептикам вопрос: почему же тогда другие не разгромили? Может быть, не хотели? Хотели, очень хотели. Но не смогли.

Я был одним из немногих обитателей ложи прессы, пришедших посмотреть матч второго круга между шведами и американцами. Нет, я не ждал чудес. Но я был уверен, что игра получится любопытная. Шведы понимали: если в самый последний день они победят сборную Чехословакии, а наши обыграют канадцев, то победителя чемпионата мира определит лучшая разность шайб. Значит, матч с американцами может иметь для них решающее значение. И они от первой и до последней минуты играли изо всех сил, не жалея себя, борясь за каждую лишнюю шайбу. 10:4 — вот все, чего они сумели добиться в той игре.

Вы знаете, конечно, что в мировом любительском хоккее существует вот уже многие годы неофициальное разделение команд на две категории. В первую входят четыре сильнейшие команды — сборные СССР, ЧССР, Швеции и Канады, во вторую — все прочие. Первые на всех мировых первенствах обыгрывают вторых. Иначе — сенсация. Так вот, на каждом чемпионате, начиная с того, который проходил в 1965 году в Тампере, обязательно бывала хотя бы одна сенсация. Чаще других ее героями становились финны, по разу сюрпризы преподносили команды ГДР и США. А в число потерпевших попадали все, кроме нас. Мы же никогда не «подарили» ни одного очка представителям второй категории команд.

Принято считать, что первопричина всех этих «подарков» одна — недооценка противника. А вот сборная СССР, говорят, всегда играет серьезно. Ее и тренеры перед любым матчем напутствуют одними и теми же словами: «Ближайший соперник — самый главный». Правильно, именно это внушают нам тренеры на всех установках перед любой игрой чемпионата мира. Но не стоит переоценивать значения даже самых лучших, самых верных напутствий. Игрок сборной, независимо от возраста и игрового стажа, человек очень опытный и знает цену всякому противнику. Ну, разве могу я сравнить свое отношение к матчам с теми же американцами и, скажем, со шведами? У меня и настроение разное, и веду я себя на поле по-разному. С американцами я играю легко и свободно, могу позволить себе вольность, могу рискнуть, в крайнем случае ребята выручат. А со шведами я не имею права на малейшую ошибку — она может оказаться непоправимой. И я напряжен до предела, я весь внимание, я не

расслабляюсь ни на секунду. Так что же, выходит, я — а так относятся к играм с разными по классу соперниками и остальные хоккеисты, и не только наши — недооцениваю кого-то? Возможно. Но почему в таком случае другие «дарят» очки, а мы — нет?

Были времена, когда в таких вот «подарках» упрекали нас, спартаковцев. И вечно ставили нам при этом в пример ЦСКА. Они, мол, люди серьезные, поэтому не проигрывают аутсайдерам, а вы — мальчишки и пижоны, вы считаете себя очень большими мастерами, никого, кроме ЦСКА и «Динамо», не уважаете, оттого у них-то вы очки отбираете, а потом их слабым командам задаром отдаете. Внешне все это так и выглядело. Мы могли в течение одной недели победить ЦСКА и проиграть где-нибудь в Киеве или Новосибирске. Или мы могли легко разгромить команду в первом периоде, а затем отдать противнику все свои завоевания во втором и мучительно спасать два очка, а то и очко, в третьем.

Мальчишками и пижонами нас называли за это вполне справедливо. Только вкладывался в эти слова не тот смысл, какой они имели по отношению к нам на самом деле. Да, в наших непонятных победах и поражениях сквозило мальчишество. Но заключалось оно в том, что мы еще не научились как следует играть в хоккей. Нельзя относиться к каждому матчу одинаково серьезно. И стоило нам хоть чуть-чуть расслабиться, как наказание следовало незамедлительно. Чтобы побеждать, мы обязаны были в любой встрече выкладываться до конца. А ЦСКА — нет. Они могли позволить себе сыграть матч со средней командой вполсилы. Этого хватало не только для того, чтобы удержать до конца преимущество, но и еще изрядно увеличить счет в свою пользу.

Теперь и нас никто не упрекает в пижонстве. Теперь мы тоже редко отдаем понапрасну очки, теперь мы тоже громим отстающих с большим счетом. Может, стали взрослей и умней? Молодых и достаточно самоуверенных у нас в «Спартаке» и сейчас не меньше, чем прежде. Но из команды способной и подающей надежды мы превратились в классную команду, такую же классную команду, как ЦСКА.

Потому и с ЦСКА мы стали лучше играть. Одно тянет за собой другое. Чтобы не терять «легких» очков, нам нет необходимости в каждом матче выкладываться до конца. Значит ко встречам друг с другом мы подходим с одинаковым запасом сил. А это очень важно.

Думаю, что в данном случае аналогия между чемпионатами мира и страны вполне уместна. Да, случается, что сборная СССР на чемпионате мира тоже иной раз уступит в матче со шведами

или сборной Чехословакии — наши соперники сыграют особенно здорово или, наоборот, у нас игра не пойдет, не повезет, заболеет кто-то, допустит роковую ошибку вратарь или защитник. Но все эти факторы не могут иметь никакого влияния на результаты игр с командами второй категории. Любые частные ошибки и неудачи во встречах с ними покрывает значительная разница в классе. Это обстоятельство играет свою роль всегда, а в Стокгольме решило исход борьбы за золото. И принесло его вовсе не везение, а подлинно высокий класс игры нашей сборной,

Между прочим, следующий чемпионат мира оказался в этом смысле не менее показательным. Команды Швеции и Чехословакии «облегчили» сборной СССР путь к первому месту: обе они проиграли финнам, дав нам таким образом фору в два очка. Правда, как показали дальнейшие события, наши бы обошлись и без этой форы. А вдруг последний матч со шведами не «пошел» бы? Тогда снова начались бы разговоры о везении?..

…Закончился матч СССР — США, служители вынесли наш государственный флаг, и он медленно пополз вверх, к куполу «Юханнесхофа». И все встали: по залу разнеслись первые аккорды нашего гимна. Вот когда, кажется, наиболее остро я почувствовал, что не состою членом команды.

Мы, спортсмены, очень часто в устных выступлениях и в печати говорим о чувствах, которые испытываем, слушая гимн, исполняемый в честь наших побед. Но говорим так, мимоходом. Нам кажется, что слова эти не требуют пояснения, что всем и так все ясно и понятно. Так, во всяком случае, казалось мне. Казалось до тех пор, пока сам не услышал мелодию гимна, находясь за пределами хоккейного поля. Я не сентиментален, но, когда мы выстраиваемся после победы в центре поля и в честь нас, в честь нашей победы, поднимается вверх наше красное знамя и раздаются звуки нашего гимна, я невольно вытягиваюсь по стойке «смирно», у меня перехватывает дыхание и начинает щекотать в горле.

День второй
STOCKHOLM

Перед встречей наших со шведами столкнулся в фойе со старыми приятелями — Тумбой и Стольцем. Тумба — миллионер, владелец фирмы «Тумба», торгует хоккейными доспехами и коврами. Дело его процветает.

Стольц еще играет, но не в сборной, а в клубе «Юргорден». Служит в фирме, продающей холодильники. Комментирует по телевидению игры хоккеистов — в общем подрабатывает где может.

Было время — глядел на них как на богов. Теперь мы на равных — ветераны. Разговор не клеился — как-то сложится игра? Договорились встретиться после матча. Да какое там! Не встретились — видно, расстроились они, что их команда проиграла.

У меня настроение отличное. Рад за молодых — хорошо сыграли против грозных соперников. Молодцы!

Итак, крещение наших новобранцев состоялось… А состоялось ли? Что они сегодня поняли? Почувствовали ли, что в их жизни наступила серьезная перемена? О чем думали, приехав с матча? Как спалось им этой ночыо? Все это мне очень хотелось бы знать.

Я отлично помню себя новичком сборной, помню, когда и как пришло ко мне это новое чувство ответственности за судьбу команды, помню, когда понял, что побеждать — наша обязанность.

Нашу тройку включили в сборную незадолго до первенства мира 1961 года. Но нам — Славе Старшинову, моему брату Жене и мне — предстояло еще доказать свое право на поездку в Швейцарию. Две тройки у тренеров сомнений не вызывали (в одну входили игроки ЦСКА Константин Локтев, Александр Альметов и Вениамин Александров, в другую — Николай Снетков, Виктор Якушев и Виктор Цыплаков из «Локомотива»). А вот состав третьей был неясен. Кроме нас, кандидатами были еще Владимир Юрзинов из «Динамо», Валентин Сенюшкин и Игорь Деконский из ЦСКА. Разумеется, мы очень хотели победить. Но в этом желании было не столько честолюбия, сколько бескорыстного стремления доказать всем, что мы уже научились играть в хоккей не хуже других. Хотелось, конечно, побывать за границей (хоккеисты тогда еще нечасто выезжали за рубеж), и подышать атмосферой мирового чемпионата. Однако в то время

борьба за место в сборной не вызывала в молодых нынешнего ожесточения, и, окажись вне ее рядов, мы не восприняли бы это как трагедию.

Гораздо больше, чем нас, наши путевки на чемпионат беспокоили руководителей профсоюзного хоккея, которые поставили перед тренерами задачу — дать в сборную команду минимум две тройки нападающих из профсоюзных команд. Для того чтобы мы отдохнули перед решающими отборочными матчами, нас освободили даже от двух очень важных для «Спартака» встреч с «Локомотивом». (Как почти всегда бывает в таких случаях, «Спартак» прекрасно справился без нас, выиграл оба матча и тем самым лишил «Локомотив» серебряных медалей, для завоевания которых ему не хватало всего очка.) Последние тренировочные матчи мы действительно провели на редкость удачно, забросив в ворота спарринг-партнеров сборной — двух чехословацких клубных команд — то ли по семь, то ли по восемь шайб. Этим наша тройка обеспечила себе поездку на первенство мира.

Чемпионат мира 1961 года был для меня и для моих постоянных партнеров самый легкий и, я бы сказал, самый веселый из всех семи мировых чемпионатов, в которых мне довелось играть. Груз чемпионства еще не лег всей своей громадной тяжестью на плечи нашей команды. Перспектива проигрыша канадцам не казалась нам трагической. А раз так, значит неплохо бы быть вторыми, не вторыми, то на крайний случай — третьими. Мы огорчились, конечно, когда вратарь и защитники подвели нас в матче со сборной Чехословакии, который мы должны были выиграть. Огорчились, но не больше. Получив свои бронзовые медали, мы долго с гордостью и удовольствием их разглядывали. Мы были довольны качеством своей игры, а мое честолюбие к тому же тешило сознание, что я оказался самым результативным игроком чемпионата, обогнав таких корифеев, как Тумба, Нильссон, Влах, Бубник, Маклеод, Тамбеллини.

На следующее первенство мира мы не поехали. Американские власти не дали виз на въезд в Колорадо-Спрингс хоккеистам из ГДР, и мы отказались в знак протеста от участия в чемпионате.

Сезон 1963 года начался для сборной СССР более чем удачно. Мы здорово провели международные игры в Европе, впервые в истории нашего хоккея добились великолепного баланса в заокеанском турне — восемь побед и одно поражение.

Когда перед особенно трудными матчами мне надо было как-то успокоиться, получить заряд оптимизма, я обычно шел искать Сашу Альметова. Я задавал ему всегда один и тот же вопрос: «Ну

как, Саня, мы сегодня выиграем?» — и получал ответ, который мог процитировать заранее: «О чем ты говоришь, Боб? Ну конечно, выиграем». И я успокаивался — таким уверенным был тон ответа. Я понимал: Саша Альметов не рисуется и не успокаивает себя и других. Просто возможность поражения не укладывается у него в голове.

Для меня те, кто тянул с нами вместе лямку чемпионатов мира и кто вкусил от побед на этих чемпионатах, для меня все эти люди связаны узами особого братства, это люди, на которых я могу положиться во всем. А когда мне надо оценить, опытен ли тот или иной хоккеист, я думаю не о его возрасте и игровом стаже, а о том, на скольких чемпионатах мира он побывал вместе с нами.

После того как в Гренобле мы проиграли сборной Чехословакии и верхняя ступень пьедестала почета Олимпиады под нами закачалась, ко мне зашел Витя Полупанов. Он на восемь лет моложе меня и называет меня по имени-отчеству. Но насколько старше был он для меня тех, о ком говорил тогда со слезами на глазах: «Знаете, почему мы проиграли, Борис Александрович? Потому что мы решили: выигрывали на других турнирах, выиграем и здесь. И стали уже дырки в пиджаках прокручивать для значка ЗМС («заслуженный мастер спорта»)».

В тоне Полупанова чувствовалось суровое осуждение. В тот момент я был согласен с ним. Но когда Виктор ушел, я задумался… Вот только что мы проиграли матч, но еще сохраняем надежду на первенство. Последний раз мы потерпели поражение от команды Чехословакии в Швейцарии семь лет назад. Оно было очень похоже на вчерашнее. И тогда и теперь мы могли выиграть. Тогда чехи вели 2: 0, потом Старшинов, Женька — мой брат — и Витя Якушев забросили три шайбы. Тут же бросок Грегора с середины поля, и наш вратарь Владимир Чинов роняет шайбу в ворота. Чернышев снимает Чинова. Мы атакуем. Удаляется Цыплаков. Гол. Тренеры возвращают Чинова, и не успевает он занять место в воротах — в них влетает шестая шайба. Разве не обидное поражение?

Обидное, конечно. Уж никак не менее обидное, чем тут, в Гренобле, где мы проигрывали весь матч и сделали рывок только в самом конце, когда было уже поздно. И надежда на золотые медали после того матча была столь же призрачной, как после этого. Но тогда настроение и у меня, и у всей тройки было вполне нормальное. Вечером мы еще пошли погулять, ночью спали как убитые. По дороге со стадиона домой болтали о чем-то постороннем. А теперь я и после снотворного никак не мог заснуть. Чувствовал себя так, будто в моей жизни случилось

какое-то непоправимое несчастье. Не могу прогнать от себя навязчивую, бредовую идею: время повернулось вспять, вчерашнего матча не было, и последние сутки можно прожить снова, еще раз. Вот мы выйдем на поле и им покажем…

Вите Полупанову 21 год, на два меньше, чем тому, «швейцарскому» Майорову. Но он думает и чувствует себя не так, как тот, а как Майоров нынешний, «гренобльский», которому 30. Они ближе по духу, потому что оба уже знают вкус победы на чемпионате мира.

Так стоит ли корить новобранцев? Они же не виноваты, что не испытали того, что мы. И я был когда-то таким же, да и Полупанов наверняка тоже.

К первенству мира 1963 года в Стокгольме мы пришли уже взрослыми (мне к тому времени было уже двадцать пять), опытными, сильными хоккеистами. Но что это за штука такая — титул мирового чемпиона, — мы еще себе не представляли. Победив в первом матче финнов, мы уже во втором проиграли шведам. И опять мы отнеслись к этому событию довольно спокойно: как-никак уступили мы хозяевам поля, которые считались к тому же главными фаворитами, уступили в равной игре и с почетным счетом 1: 2, наше «серебро» или, на худой конец, «бронза» никуда от нас пока не ушла.

А наутро в «Мальмене», том самом «Мальмене», где на этот раз поселился я вместе с журналистами, состоялось собрание команды. Кажется, такого сурового нагоняя мы не получали ни до, ни после того собрания. Тренеры распекали нас сурово и беспощадно. Теперь-то я понимаю, насколько разумно поступили они в тот раз. Видно, только так можно было добиться какого-то качественного сдвига в нашем сознании. С нами разговаривали как с людьми, которые не только могут, но которые обязаны стать чемпионами и которые этой своей обязанности не желают выполнять.

Не знаю, прав ли я, но я связываю и то собрание и переворот, который оно произвело в моем отношении к игре своей и своих товарищей, с приходом в сборную Анатолия Тарасова. Именно перед шведским чемпионатом он возвратился в команду и занял в ней пост второго тренера. Человек неспокойный, необычайно честолюбивый, мыслями постоянно опережающий события, он и в нас вселил дух беспокойства и неудовлетворенности собой. Кроме того, он руководил командой ЦСКА, командой, для которой первое место всегда было, да и теперь остается, нормой, а всякое другое, в том числе и второе, расценивается как срыв, неудача, трагедия.

Вы знаете, когда я в последний раз вспомнил то собрание? За

несколько дней до начала стокгольмского чемпионата, когда мы возвращались в Москву из Финляндии.

— Ты как думаешь, могут финны в Стокгольме за медали побороться? — спросил меня Анатолий Владимирович Тарасов.

— Вообще-то команда у них ничего, — неуверенно начал я. — Со всеми в этом сезоне они встречались, у всех, кроме нас, выигрывали. И с нами вот ничью сделали…

— Значит могут? — перебил меня Тарасов. — А я уверен, что нет! И знаешь почему? Бубник хороший тренер. Но он и сам нацелился на пятое место, и игроков так настраивает. А раз так, значит выше пятого места им не занять. Хотя сил у них и для третьего вполне достаточно. Но пока тренер и спортсмен не поверят в свои силы, не поставят перед собой задачу, которая чуть-чуть превышала бы их силы, успеха не будет.

Так вот и тогда, в 1963 году, нашим тренерам важно было убедить и себя и нас в том, что выигрыш первенства мира нам по плечу. И они вселили-таки в нас эту уверенность. Судя по всему, именно ее нам и не хватало перед началом того чемпионата. С этого момента для меня лично кончилась эпоха беспечного и спокойного существования в сборной. Ее сменила счастливая, но очень трудная жизнь, трудная оттого, что ее беспрерывно пронизывает сознание: мы можем и обязаны быть чемпионами, иначе — крушение надежд, непоправимое бедствие. И чем больше побеждали мы на мировых первенствах, тем больше укреплялось это сознание. Могу признаться: с той поры, когда я понял, что мы должны быть чемпионами, ни перед одним ответственным матчем, ни на одном первенстве мира я не сумел заснуть без снотворного.

Тогда, в 1963 году, мы в Стокгольме победили. Следующий чемпионат, в Инсбруке, был одновременно и олимпийским турниром. Перед олимпиадой нам уже не просто желали победы, ее от нас ждали и требовали. Мы ехали в Австрию за «золотом», и только за «золотом». Правда, тогда советские болельщики хоккея еще не были так приучены к нашим первым местам и, возможно, не спросили бы с нас так строго в случае относительной неудачи, как мы сами с себя. Но мы-то уже простить себе поражения не могли бы. Мы были уже заражены этим вирусом, больны этой лучшей из болезней.

Ну, а через год она стала наверняка неизлечима. Нам говорили: вы обязаны победить в Тампере, мы ждем вас домой трехкратными чемпионами мира.

И мы побеждали. На Родине нам устраивали триумфальные встречи в аэропортах, на вокзалах, во Дворце спорта.

Эти встречи, еще и еще обостряли это чувство, которое я бы

назвал чувством долга, обязанности быть чемпионами.

Мы часто хотим уверить сами себя и друг друга, что привыкли к этим встречам, что с годами они превратились для нас хоть и, в общем-то, в приятную, но, однако, довольно обременительную обязанность. На самом деле все наоборот. Помню, перед закрытием чемпионата в Тампере нам, трем спартаковцам, игравшим за сборную, сообщили, что мы едем не домой, как все, а прямо в Женеву, где «Спартак» должен был участвовать в турнире на приз автосалона, соревновании, во всех отношениях приятном и малообременительном. В другое время мы бы встретили такое сообщение радостно, а все остальные смотрели бы на нас с завистью. Но тут каких только причин мы не выдвигали, упрашивая освободить нас от этой поездки! После многократных телефонных переговоров с Москвой нам сообщили, что наша просьба удовлетворена, и мы были счастливы. Мы возвращаемся домой вместе со всеми, а значит разделим с ними те счастливейшие и ни с чем не сравнимые часы, когда чувствуешь себя героем и всеобщим любимцем, когда видишь сияющие глаза тысяч людей, которые смотрят на тебя с восторгом и благодарностью.

Я человек взрослый и понимаю, что духовые оркестры не приходят в полном составе стихийно, что фанерные трибуны не воздвигаются на вокзальных площадях сами собой под покровом ночи, что, прежде чем появиться на свет транспаранту «Слава нашим замечательным хоккеистам», болельщик получает кумач и краски с кисточкой у завхоза своего учреждения. И все же мы постоянно чувствовали, насколько искренними и неотрепетированными были эти проявления восторга.

…После победы в Тампере скорый поезд везет нас домой. Мы лежим в вагоне на своих полках, и, кажется, нет в мире такой силы, которая могла бы нас с этих полок поднять. Разве только известие о том, что можно закусить… Мы страшно устали. Чемпионат закончился два дня назад, мы отдали ему все силы без остатка, но ни о каком отдыхе нечего было и думать. Нас затаскали по банкетам. В Тампере и Хельсинки мы с утра и до вечера только и занимались тем, что пожимали чьи-то руки, писали автографы в чьих-то блокнотах и чокались с кем-то, произносившим тосты во славу наших прошлых и будущих побед. И вот наконец поезд, долгожданные вагонные полки. Финских марок ни у кого нет, наши деньги пока не действительны. А есть хочется ужасно. Если бы не это, наверное, никто бы и не поднялся с места, когда проводник громогласно объявил, что поезд подходит к Выборгу. Но голод не тетка, и мы потянулись в коридор, к окнам.

За окном — тьма и дождь. Середина марта. Погода — хуже не придумаешь. Даже в теплом, светлом и уютном вагоне стало как-то зябко от мысли, что, может, придется сбегать за провизией на вокзал.

И вдруг черная ночь сменилась белым днем. В окна брызнул яркий свет прожекторов. Мы увидели огромную привокзальную площадь и длинный перрон, битком забитые людьми. Толпа едва колыхалась из стороны в сторону под проливным дождем.

Куда мы попали? Что здесь происходит? Стихийное бедствие? Может, какая-нибудь ужасная железнодорожная катастрофа привела на вокзал в этот промозглый вечер тысячи людей?

Поезд замедляет ход, останавливается, толпа делает движение к нашему вагону, и только тогда мы понимаем, кажется, все одновременно, что не пожар и не железнодорожная катастрофа привели сюда этих людей, а мы, наш приезд, наша победа. Это для того, чтобы выразить нам, двадцати игрокам и двум тренерам, свой восторг и свою признательность, покинули они теплые квартиры, отдых, дела и пришли сюда. Не один, не сотня, а тысячи людей маленького Выборга, которые, кроме как по телевизору, и хоккея-то настоящего никогда не видали.

С трудом мы пробираемся в ресторан. Вход в него охраняется, иначе ни о каком обеде не может быть и речи. И все же сотни полторы или две особенно неудержимых болельщиков пробираются в зал. Мы не столько обедаем, сколько ставим автографы на клюшках, открытках с нашими фотографиями, хоккейных программках (и где только они все это раздобыли посреди ночи?).

Уже когда поезд тронулся, нам рассказали историю этой встречи. Оказывается, днем городское радио Выборга сообщило час прибытия поезда с нашей командой. И вот, несмотря на позднее время и дождь, люди собрались, чтобы встретить нас и поздравить с победой.

Не знаю, как для кого, а для меня встреча на выборгском вокзале — незабываемое воспоминание, там я провел один из счастливейших часов моей жизни. Ради таких вот часов стоит мучиться и засыпать со снотворным.

Мне кажется, что все, кто, как и я, вкусил сладость победы, кто пережил счастье подобных встреч и остался в составе сборной до следующих чемпионатов, также не могли представить себя проигравшими.

…Вот почему думал я, сидя на краешке скамейки запасных перед матчем со шведами, о молодых наших ребятах и о том, как быстро сумеют они повзрослеть на этом чемпионате.

«Повзрослеть» — под этим словом я не имел в виду их

хоккейное мастерство, а подразумевал чисто человеческие качества — волю, характер, веру в себя. Они не вкусили еще сладостей победы, они не обязаны чувствовать себя за нее в ответе, с них не спросится, если мы потерпим поражение, но и победа в чемпионате во многом зависела от них, от того, как они проникнутся духом всей нашей сборной, стремлением к победе, и только к победе.

А что до их хоккейного мастерства, то эта сторона дела меня не волновала вовсе. Когда я впервые попал на первенство мира, то и в свои 23 года не знал и не умел того, что знают и умеют эти 19—20-летние мальчишки. В 20 же лет я мог разве только мечтать о сборной. Я и развит был не так, и сил у меня было меньше, и в тонкостях хоккея я был в сравнении с ними совершенно не искушен.

Спорт молодеет, молодеет очень быстро. В конце концов разница между мной и тем же Сашей Мальцевым — это разница между двумя ближайшими хоккейными поколениями. А насколько сильнее они, чем были мы в их возрасте!

Никто, может, и не обратил особого внимания на одну деталь нашего второго матча со шведами на чемпионате 1969 года. Против их лучшей тройки во главе со знаменитым Стернером играли наши дебютанты Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов. Причем никого особенно не поразило, что эту сложнейшую задачу тренеры возложили не на кого-нибудь, а на молодых и что не маститые, а новички вышли победителями в этом единоборстве: счет «микроматча» этих троек 3: 0 в их пользу.

Не стоит и говорить о том, что и Михайлов, и Петров, и Харламов талантливы. А разве Константин Локтев, Виктор Якушев или Эдуард Иванов были менее талантливыми? Ничей дебют, однако, не проходил с таким блеском. Даже уникальный хоккеист Анатолий Фирсов на первом своем чемпионате в Инсбруке был несколько в тени.

Вот мы спорим о том, кто лучше играет в хоккей — Бобров или Фирсов, тройка Шувалова или тройка Альметова. Когда я оказался на мировом чемпионате в роли зрителя, я получил и время и, так сказать, материал для ответа на этот вопрос.

Пытаться определить сравнительную силу спортсменов разных эпох все равно, что ломать голову над проблемой: кто сильнее — слон или кит? Не правда ли, детский вопрос?..

Давным-давно, кажется, в конце сороковых годов, знаменитый штангист Яков Куценко первым в нашей стране перешагнул в троеборье рубеж 400 килограммов. Это был выдающийся по тем временам рекорд для тяжеловесов. Сейчас с

такой суммой даже легковес не может рассчитывать на призовое место в чемпионате страны, а тяжеловесы перебрались уже за 600 килограммов. Так что же, выходит, нынешние штангисты должны быть поставлены как спортсмены выше Куценко? А как быть в таком случае с братьями Знаменскими, чьи результаты по нынешним временам выглядели бы отнюдь не мастерскими?

Все дело в том, что меняется спорт. Совершенствуются методы подготовки, повышается уровень требований. Я наблюдаю за Сашей Мальцевым, самым юным в сборной, разговариваю с ним после игр. Он страшно волнуется и играет намного ниже своих возможностей. Еще недавно мы вместе были в Канаде, и там Саша удивлял знатоков своей не по годам зрелой и вместе с тем непринужденной игрой, превосходным тактическим зрением и склонностью к импровизации.

Здесь, в Стокгольме, все это задавлено огромным волнением. И тем не менее Мальцев вполне «на уровне». По результативности он входит в число лидеров, с его подач забито множество шайб. И, во всяком случае, игру он не портит. А это уже признак высокого класса. Хоккейные познания этого 19-летнего парнишки настолько значительны и прочны, что правильно он умеет играть как бы автоматически.

Пройдет год, и тот же Мальцев, наш 20-летний форвард, станет самым результативным игроком первенства мира и получит приз лучшего нападающего.

А мы в их возрасте так не умели. Почему? Я думаю, вот почему. Возьмем все того же Мальцева. Он появился в московском «Динамо» — первой своей команде мастеров — в сезоне 1968 года. Играл он тогда совсем немного — мешали болезни, травмы, неопытность. А в следующем сезоне он встал на коньки в августе. Провел вместе с динамовцами все игры на приз газеты «Советский спорт», на первенство страны, участвовал в московском международном турнире, в чемпионате Европы среди юниоров. Потом тяжелейшее турне по Канаде, снова первенство страны, где игроку приходится тяжелее, чем в любом международном турнире. Вот какую дистанцию успел преодолеть Саша Мальцев за полсезона.

Почти полностью повторили его путь и все остальные новобранцы сборной. Они мчались к своему первому чемпионату мира в скоростном экспрессе, мы плелись в почтовом дилижансе. Они поглотили за полгода такую порцию хоккейной науки, какой нам хватало года на три.

Да, хоккейные мастера сейчас готовятся прямо-таки индустриальными методами. И не только у нас — всюду. Когда я отвлекался от мысли, что, скажем, канадцам Кефри и Демарко,

шведам Карлссону и Мильтону, финну Кетола, Беднаржу из сборной Чехословакии по 20 лет, я не мог найти разницу между ними и ветеранами в смысле зрелости игры.

Потому я и говорю, что меня не беспокоило, хватит ли нашим ребятам мастерства, чтобы играть со шведами на равных. Я знал: хватит. Важно было только, чтобы они понимали это сами. В молодости ведь не очень-то знаешь себе цену. А вокруг и перед тобой что ни противник, то знаменитость с мировым именем. Поневоле сначала робеешь. У нас же сезон 1968/69 года, к сожалению, сложился так, что сойтись с главными своими соперниками сборная не смогла.

Словом, матч со шведами — весь его ход, все перипетии — был необычайно важен для нашей команды, в которой из игроков «стокгольмского призыва» 1963 года осталось всего четверо. Для трети же хоккеистов этим матчем, по существу, начинался их долгий путь по дорогам мировых первенств.

Я написал эти слова — «долгий путь» и задумался. А насколько долгим окажется он для тех, кому сейчас около двадцати и кто за сезон прошел курс хоккейных наук, на который нам требовались многие годы? В наше время в таком возрасте попал в сборную, кажется, только Саша Рагулин. Попал и прожил в ней девять лет. И я ничуть не удивлюсь, если его век игрока сборной продлится еще два-три года. При этом важно, что Рагулин вовсе не уникум. По десятку лет стажа имели В. Александров, В. Якушев, К. Локтев, близки к этому В. Старшинов, В. Давыдов и В. Кузькин.

Но если все они обыкновенные люди, со свойственными каждому из нас слабостями, а не сказочные богатыри, да к тому же еще и вовсе не затворники, то почему я вдруг ставлю под сомнение спортивное долголетие нового хоккейного поколения?

Вообще-то авторство в постановке этого вопроса принадлежит не мне. И отвечать на него категорически не берусь. В Стокгольме, давая очень высокую оценку мастерству Саши Мальцева, один из самых серьезных в мире знатоков хоккея, канадец Дейв Бауэр, сказал, что Мальцев и его сверстники не продержатся в большом хоккее и до 25 лет. Так ли это на самом деле? Не знаю. Но в одном я уверен твердо: если долголетие в нынешнем спорте с его гигантскими рекордами, небывалыми нагрузками и невиданными требованиями к физическим качествам и интеллекту спортсмена и возможно, то только ценою самоотверженного, без малейших скидок и поблажек отношения к себе, к спортивному режиму.

Говорят, у некоторых людей с возрастом пробуждается склонность к наставлениям и проповеди общеизвестных истин. Я

не хотел бы, чтобы читатель подумал, что и этот разговор об отношении к режиму из числа таких вот проповедей. Наши предшественники — а многих из них мы застали еще превосходно играющими в лучших командах — рассказывали нам, молодым, казавшиеся легендарными истории об астрономических дозах спиртного, которые они выпивали до и после самых важных игр. Если в их рассказах и было некоторое преувеличение, то, поверьте, не такое уж значительное: мы, в ту пору зеленые юнцы, не раз становились свидетелями их «подвигов». «Да, были люди в наше время» — таков подтекст их воспоминаний о былом. А о более поздних поколениях хоккеистов они отзываются в лучшем случае снисходительно. Между тем и среди моих сверстников было немало таких, кто в этом отношении как минимум не уступал ветеранам. Я сказал «было» потому, что, выражаясь словами поэта, «иных уж нет, а те далече». И вовсе не потому, что они были слабее или бездарнее своих предшественников. Просто спорт ушел вперед, и у них не хватило сил идти с ним в ногу. Сколько талантливейших людей вот так, незаметно, постепенно сбавляя темп, вынуждены были задолго до срока, отпущенного им природой, сойти с дистанции! Происходило это обычно так. Человек вроде бы оставался на поле прежним, но начинал в каких-то эпизодах отставать от партнеров, чуть медленнее, чем они, соображать. Поначалу это не вызывало тревоги: «не в форме», «не сыгран», «не может найти общего языка». Потом хоккеиста переводили в другое звено, где игроки тоже хорошие, но чуть постарше и помедленней, потом, посидев некоторое время в запасе, он уходил в другую команду, послабее, где его охотно брали на самые первые роли (как-никак имя и репутация есть), потом переводили на скамью запасных и в этой команде. А там… Сколько их, моих прежних партнеров и противников, из которых могли бы выйти выдающиеся игроки, встречаются сейчас на хоккейных перекрестках, ведущих «из Керчи в Вологду и из Вологды в Керчь»!

Бродят или бродили еще недавно, по каким-то заштатным, никому не известным командам мои сверстники и старые товарищи по «Спартаку», хорошие люди, талантливые игроки, завоевывавшие «Спартаку» первые в его истории золотые медали, но уже в 25–26 лет совершенно потерянные для настоящего хоккея Игорь Кутаков, Олег Голямин, Саша Кузнецов, Валерий Ярославцев (этот на четыре года моложе меня)…

Ну, а теперь, в век космических скоростей спорта, в век, когда он не по дням, а по часам молодеет, все стало во сто крат сложнее. Теперь — «или — или»: или пожертвовал ради спорта всеми «мирскими» соблазнами, или сжег здоровье, словно костер

тонкий листок бумаги. Я говорю не о спорте вообще, а о спорте на высшем уровне. И это не абстрактное философствование, а мысли, рожденные судьбой моих близких товарищей, сгоревших в этом костре совсем еще молодыми людьми. Смею заверить, что и они были наделены железным здоровьем, железным сердцем и железными мускулами. Тот же неожиданно умерший в 23 года и уже успевший навсегда оставить свое имя в истории нашего хоккея Виктор Блинов — талантливейший защитник и добрый, честный парень.

Не знаю, что имел в виду Дейв Бауэр, делая свое невеселое пророчество, и не считаю себя настолько большим знатоком, чтобы категорически отвергать или признавать его правоту, но все же остаюсь при том мнении, что мы сами творцы своего долголетия. Только теперь сберечь его трудней, чем было прежде. Но ведь меняется не только спорт, меняются и спортсмены — их культура, их интеллект, их отношение к делу. И потому хочу верить, что Бауэр не прав…

День третий
STOCKHOLM

Сегодня был на тренировке. Не зря тащил я в Стокгольм коньки, перчатки, клюшки!

Тренировку назначили на девять утра, но я явился пораньше, благо вход в метро — прямо из нашей гостиницы. Я и вообще-то, кажется, в жизни ни разу не опоздал на тренировку, а сейчас, когда стосковался по хоккею, особенно торопился.

Какое наслаждение — час на льду и ни секунды передышки!

Правда, ребятам намного труднее, чем мне. И дело не в том, что я в легком тренировочном костюме, а они в тяжелых доспехах. Просто вчерашняя победа взяла у них много сил, а Тарасов все повышает и повышает темп занятия. Он стоит в центре поля с клюшкой наголо и по трибунам несется его командирский голос.

Пот со всех течет градом. И даже у меня он стекает с носа тоненькой струйкой. А Тарасов подает новую команду:

— Играем в одни ворота! По звеньям. Нападающие против защитников. Нападающие в одно касание, защитники — в два!

Кажется, это последнее задание: минут через пять на лед должны выйти наши сменщики — шведы. Раздается звук мотора — верный сигнал к окончанию тренировки. Уже встал со своего обычного места на краешке скамейки запасных наш старший тренер Аркадий Иванович Чернышев и пошел в сторону кулис. Уже повезли туда же запасные клюшки. Уже перескочили через борт несколько человек. Только неугомонный Тарасов верен себе. Он машет рукой в сторону появившегося на пороге поля комбайна, как бы прогоняя его с площадки, и кричит:

— Ну еще хоть пять минутI Ну три! — и показывает сначала пять, а потом три растопыренных пальца: служители-шведы ведь по-русски не понимают. Но те неумолимы.

— Вот черти! — ворчит наш тренер. — Мы же чемпионы мира, понимаете? Неужели исключения сделать нельзя?

Давно уже я не испытывал такого громадного удовольствия оттого, что надел коньки, взял в руки клюшку и вышел на лед, как во время той первой стокгольмской тренировки. А ведь еще несколько лет назад такую же радость приносил мне любой выход на лед — на игру, на разминку, на тренировку. Только в последние годы слова «тренировка» и «трудолюбие», стоящие рядом, не вызывают у меня внутреннего противоречия. Раньше я просто не мог понять, какая связь между ними. В этом смысле я

могу считать свою судьбу счастливой.

В самом деле, слово «трудолюбие» придумано не очень удачно. Под ним обычно разумеется вовсе не любовь к труду, а умение заставить себя трудиться, преодолеть себя, свою лень, свое желание, скажем, пойти в кино или просто поваляться на диване. Мне же никогда не приходилось напрягаться и преодолевать себя, чтобы не пропускать тренировок и не растрачивать попусту отведенного для них времени. Даже в разгар самого трудного и напряженного сезона, с бесконечными переездами и жизнью в неудобных многоместных номерах хоккей ни на мгновение не становился для меня обузой. И не было случая, чтобы я не торопился на любую игру, на любую тренировку. Торопился, как всегда торопится человек туда, где его ждут удовольствие и отдых.

Уже будучи хоккеистом сборной, чемпионом страны, я готов был играть в каком угодно тренировочном матче, против какого угодно противника. Потому и считаю я себя счастливым: ведь если сложить часы, которые проводит хоккеист команды мастеров на занятиях, то получатся даже не месяцы, а годы. Да, годы жизни отдаем мы тренировкам, и если этот тренировочный труд не обуза, а радость — жизнь хороша.

Но человек меняется с возрастом. Не так горячи и непосредственны эмоции, да и что ни говорите, даже самое приятное занятие после тысячекратного повторения несколько приедается. И теперь, чтобы пришло былое наслаждение, я должен немного соскучиться по льду, конькам и шайбе. И вот парадокс: именно теперь, когда страсть уступила место рассудку, когда я понял уместность слова «трудолюбие» в связи с хоккеем, я тренируюсь так добросовестно и серьезно, как никогда раньше.

Теперь я понимаю, как трудно приходится спортсмену, для которого тренировка в тягость. И одновременно еще больше ценю удивительное тренерское искусство Анатолия Тарасова, обладающего редкостным талантом превратить самую изнурительную тренировку в веселую и азартную игру, увлечь самых бывалых и флегматичных так, что усталость они замечают только в раздевалке.

Мы — и игроки сборной, и хоккеисты ЦСКА — втайне часто иронизируем по поводу тарасовской манеры вести себя на тренировках, его увлечения микрофоном, его экзотических костюмов, его характерных словечек. Иронизируем, но как только начинается занятие, забываем обо всем, и заражаемся его отношением, и ведем себя словно впервые дорвавшиеся до шайбы мальчишки.

Кстати, оказывается, что тарасовскими тренировками

увлекаемся не только мы, хоккеисты.

На них присутствует едва ли не весь корреспондентский корпус. Вроде ничего особенного тренировка собою не представляет. И еще несколько дней назад, увидав рано утром на стадионе такую ораву репортеров, я бы мог мысленно спросить себя: «Ну, чего им здесь делать?» Теперь-то, когда мы познакомились поближе, мне было все ясно.

…Наверное, нет такого спортсмена, которого бы не интересовали люди, пишущие о нас. Еще не познакомившись с журналистом лично, а прочитав лишь его репортаж, особенно если в нем хвалят или ругают тебя, ты уже мысленно рисуешь портрет этого человека, стараешься представить себе его внешность и характер. Конечно, тот, кто к тебе доброжелателен — он и умен, и интеллигентен, и пишет здорово. Другой же, который тебя раскритиковал или вообще высказал соображения, расходящиеся с твоими, заранее представляется глупцом и невеждой.

Тренеры крайне ревниво относятся к каждому печатному слову в адрес их команд. И обычно не стесняются в выражениях, давая оценки отчетам об играх в газетах.

Однако, что там говорить, наши репутации, наша популярность, отношение к нам публики — все это в руках журналистов. И потому мы не можем не испытывать к этим людям пристального интереса, не оценивать их труд особенно строго и, может быть, даже несколько предвзято, не следить за каждым их словом более чем внимательно, хотя все это скрыто маской безразличия и некоторой насмешки над пишущей братией: «Кто умеет играть — играет, кто не умеет — пишет».

Лично мне не приходится обижаться на невнимание прессы к своей особе. Еще бы, два брата-близнеца, играющие в одной команде на правом и левом краях, — находка для репортера. Нам было по 16 лет, когда наши имена — имена двух футболистов дворовой команды — впервые появились в газете. О нас рассказал в крошечной заметке «Московский комсомолец». Еще через пару лет меня упомянули в «Комсомольской правде», перечисляя после окончания хоккейного сезона фамилии перспективных молодых игроков.

…Едва закончился чемпионат мира 1959 года в Праге, как в Москву пожаловала именитая гостья — сборная команда США, только что выступившая на этом чемпионате. Сразиться с ней доверили молодежной команде, в состав которой входили и Старшинов, и мы с братом Женей. Нам дважды пришлось сыграть с американцами, оба раза выиграли, причем из десяти шайб, побывавших в американских воротах, семь забросила наша

тройка. Нас хвалили, поздравляли. А наутро я встал пораньше и помчался к ближайшему киоску за газетами. Я торопился не зря. Не было газеты, которая не упомянула бы в рассказе об играх с американцами нас троих. Я был на седьмом небе.

Но только несколько дней спустя постиг я подлинную силу печатного слова. Это сейчас переполненные трибуны Дворца спорта на матчах «Спартак» — ЦСКА вещь обычная. А тогда «Спартака» никто всерьез и не принимал. Мы не только не боролись за медали, но и не претендовали даже на место в первой десятке. И в родных-то Сокольниках смотреть нас ходили лишь знакомые да наиболее беззаветные болельщики «Спартака». И вот переполненный Дворец спорта, и толпа у входа, и то самое «нет ли лишнего билетика?», которое отличает выдающийся матч от рядового. Что случилось? Оказывается, это дело рук журналистов. Стоило им похвалить нас, и толпа спартаковских болельщиков ринулась на стадион в надежде присутствовать при возрождении своей команды.

Тот матч мы проиграли, но проиграли вполне достойно — 1:3. К тому же эту единственную спартаковскую шайбу забросила наша тройка, точнее — Слава Старшинов. Думаю, что свою роль, и немалую, в этом пока более чем скромном успехе команды сыграла поддержка публики, которую привели на стадион журналисты.

А вскоре мне открылась и другая сторона медали. Оказывается, газета может не только прославить. Мы играли в Челябинске с местной командой «Трактор». Я проштрафился (теперь не помню уж чем) и заработал десятиминутное удаление. Женька и Славка проштрафились тоже. Меня тогда такие взыскания особенно не беспокоили: я их получал за сезон сколько угодно. Но после игры в гостинице меня подозвал к себе Иван Васильевич Адамович, наш администратор, отвел в сторону и таинственным шепотом произнес:

— Ты что там натворил? Тут Пахомов, корреспондент «Советского спорта» из Москвы, о тебе расспрашивал. Говорит, что будет писать о ваших фокусах.

Такого оборота дела я не ожидал никак. Очень уж не хотелось в газету, да еще в таком виде. Внутренне я весь кипел: ну что я в конце концов такого наделал, чтобы меня позорили на весь мир? Подумаешь, десять минут… Других на десять минут никогда, что ли, не выгоняли? Чего ж он о других не писал? А Майоров проштрафился, так сразу и в газету!..

— Пойду попробую с ним потолковать, — успокоил меня Адамович. — Может, уговорю.

Я весь вечер нервничал и немного успокоился лишь тогда,

когда пришел Адамович и сказал мне:

— Обещал подумать. Наверно, не будет писать.

Наш администратор ошибся. В следующем номере «Советского спорта» я был героем корреспонденции о челябинском матче. Разумеется, героем отрицательным.

…Прошли с тех пор многие годы. Мы с Владимиром Пахомовым давно и хорошо знакомы. Но и сегодня я по старой привычке смотрю на его подпись в газете с некоторым опасением. А тогда я не мог прочитать ни одной его строки без гнева и возмущения. Я выискивал в них ошибки и был несказанно рад, когда их находил. Я считал его дилетантом в спорте, невеждой и своим личным врагом.

Прошло еще немного времени, и число «личных врагов» моих сильно возросло. Я попал, попал прочно и надолго, в катеюрию злостных нарушителей игровой дисциплины. А кто во всем виноват? Все они же, журналисты. Помню, после очередного десятиминутного удаления меня вызвали на заседание спортивно-технической комиссии и дисквалифицировали до конца сезона (к счастью, дело было весной, и нам оставалось доиграть всего два матча). На заседание пришел какой-то парень моего возраста, которого я сперва и не заметил.

— Анатолий Салуцкий, «Комсомольская правда», — представился он.

Говорил Салуцкий со мной очень сурово и почему-го на «ты». Придя через пару дней на занятия в институт, я узнал, что он побывал и там, разговаривал со старостой и комсоргом группы, выяснял, как я веду себя на семинарах и лекциях, здороваюсь ли с товарищами, не груб ли, не зазнался ли, как воспитан. Все это меня возмутило ужасно. Какое ему до этого дело! И, провинившись в очередной раз на площадке, я обычно думал: «Вот опять теперь этот самый… (его фамилию мне даже мысленно произносить не хотелось) тиснег заметку. Ему что — гонорар идет, и ладно».

Так развивались мои отношения с прессой. Когда журналист обращался ко мне с каким-нибудь вопросом, я вежливо и бесстрастно ему отвечал, но в душе скрывал вражду и холод: «Скажешь что-нибудь не так, а он и прицепится к слову, да еще переврет все, потом иди доказывай, что ты не верблюд». В каждом из них я хоть и не показывал виду, но различал своего потенциального врага.

Если б я мог в ту пору посмотреть на себя со стороны! Наверно, я бы вспомнил Городничего и его слова о «щелкоперах и бумагомарателях разных». Чем, собственно, были виноваты передо мной названные или другие журналисты? Я стал взрослей,

спокойней, а главное, познакомился со многими из них поближе и отлично понимаю, что они просто выполняли свой профессиональный долг, делали свою работу, а не искали повода расправиться со мной.

А может, понял я все это не потому, что стал рассудительней, а потому, что лишился прежних недостатков и перестал быть объектом постоянной критики? Вполне возможно.

Но вы ошибаетесь, если думаете, что теперь, когда я сам побывал в репортерской среде, когда узнал многих журналистов как следует, у меня нет к ним претензий. Можно простить недостаточное знание предмета — оно придет со временем, можно понять допущенную в спешке ошибку — а разве мы на поле мало ошибаемся?

Ошибиться может каждый. Но ошибка ошибке рознь.

Как часто приходится в репортажах читать безапелляционные строчки, обвиняющие того или иного хоккеиста в эгоизме, самоуверенности, трусости и прочих смертных грехах! Читаешь и диву даешься: откуда это репортеру известно? Со мной он не говорил, с товарищами по команде не беседовал, тренера не спрашивал. Ему, видите ли, показалось, что хоккеист проявил трусость. Мало ли что может показаться…

Если ты не уверен в этом — нет, не на сто — на двести процентов — лучше не пиши. Люди, ежедневно пишущие в газету, как-то забывают или перестают думать о том, что любое их слово расходится миллионными тиражами, что его читают жены, дети, любимые, сослуживцы тех, о ком они пишут.

Не думайте, что во мне говорит какая-то личная обида. Меня пока, к счастью, от такой критики бог миловал.

Но разве может тот же Вениамин Александров простить обиду, которую нанес ему один корреспондент, обвинив его после нашего поражения от шведов на чемпионате 1963 года в трусости? Это Александрова — того самого Александрова, который забил за время своей карьеры множество голов в ворота канадцев, чехословаков, тех же шведов. Разве такое по силам трусу? Но это понимают не все. А как он, Александров, может объяснить это людям? Как смыть позор, нанесенный несправедливым и страшным оскорблением? Не на дуэль же, в самом деле, вызывать обидчика…

На Олимпийских играх в Гренобле мы проиграли сборной Чехословакии. Впервые после поражения от шведов в 1963 году ушли с поля побежденными. Как же обрушились на нас на следующий день некоторые газеты! Нас упрекали в безволии, в неумении и нежелании бороться за победу, мы в корреспонденциях выглядели какими-то хлюпиками, не

умеющими собраться и постоять за себя. А ведь еще вчера мы, пятикратные чемпионы мира, были, по словам тех же самых журналистов, «непобедимой ледовой дружиной», «не знающими страха рыцарями», «героями ледовых баталий». Куда же все это в один день девалось? Каким образом герои и рыцари вмиг превратились в безвольную и неумелую толпу эгоистов?

А еще через день мы стали олимпийскими чемпионами — и снова чудесное превращение. Мы опять «дружина», «гвардия», «герои». И портреты игроков и тренеров на первых страницах тех самых газет, которые вчера осыпали нас упреками.

Поверьте моему опыту: спортсмен, мечтавший о победе и готовившийся к ней годы, не может за нее не бороться. Неверно составленный план, недостаток сил или мастерства, ошибки — другое дело. Но то промахи, а не преступления. За них бывает обидно, порой до боли, но не стыдно…

Об эгоистах и людях аморальных писать надо. Но тут уж доказательства самые неопровержимые — на стол!

Вот видите, как бывает: вместо того чтобы рассказать о журналистах, о сложном и тяжком труде этих людей, которых с совершенно новой стороны открыл мне Стокгольм, я начал с критики и поучений — как и о чем им писать… Да нет, никого поучать я не собираюсь. Я пишу то, что думаю. По отношению к друзьям это обязанность.

День четвертый
STOCKHOLM

СССР — Канада. Волнуюсь. Но игра складывается для нас очень легко. Точное повторение нашей люблянской встречи со сборной Чехословакии. Тот же темп, то же бурное начало, так же быстро растет счет. И даже результат первого периода почти как в Любляне — там было 4:0, тут — 5:1. Я совсем успокаиваюсь и уже могу оторваться от поля и понаблюдать за тем, как ведут себя на скамейке ребята, а главное, тренеры.

До чего же они разные, наши тренеры! Чернышев всю игру стоит или сидит на месте, почти не говорит, лишь изредка негромким голосом сделает короткое замечание сменившемуся игроку. Тарасову не сидится. Он ходит вдоль скамейки, и к каждому у него есть какие-то указания. Его призывы, обращенные к полевым игрокам, слышны не только нам и тем, кто поблизости, но, по-моему, и публике из дальних рядов. Вот самые колоритные из его реплик:

— Биться за каждый сантиметр поля!

— Все делать быстрей! Двигаться больше! Укатывать противника!

— Бояться бортов!

— Зингера даете бить! (Один из канадцев врезался в Зингера.)

— Не соглашаться на сбрасывание темпа! В нашей команде нет ленивых!

— Ничего не делать медленно!

— Не уступать в мужестве!

— Женька! До чего же незлой бросок! Уж больно мы, русские, добрые!

После игры традиционная пресс-конференция, на которой тренеры только что сыгравших команд отвечают на вопросы корреспондентов. Чернышев и Тарасов ходят на эти пресс-конференции по очереди. Сегодня очередь Тарасова. Репортеры знают об этом, и потому свободных мест в зале нет. Во-первых, Тарасов строит свою речь так, что отдельные фразы можно выносить прямо в заголовки. Во-вторых, от него обязательно ждут какой-нибудь оригинальной выходки: вместо того чтобы отвечать на вопросы, начнет задавать их сам или затеет с кем-то ожесточенный спор. А оюурналисты это очень любят…

Действительно, до чего же разные люди наши тренеры! Более разных трудно было бы найти, даже если искать специально. Я так же не могу представить Чернышева, говорящего громко, как

Тарасова, говорящего тихо. Я, кажется, ни разу в жизни не видел Чернышева выведенным из состояния душевного равновесия, даже в минуты тяжелых поражений его команд — «Динамо» или сборной. Тарасова я никогда не видал спокойным, даже когда ни обстановка, ни время дня не давали никаких поводов для волнений.

Чернышева не так-то просто разыскать среди игроков во время матча; он занимает свое место у бортика и одет-то всегда словно нарочно, чтобы остаться в тени — во все черно-серое. Тарасов не может усидеть на месте более пяти секунд подряд. Его громогласные тирады — хлеб для репортеров, его мимика и жестикуляция, словно магнит, притягивают к себе кино-, фото- и телеобъективы. И одет он дома во время игр по большей части в цветастый форменный свитер ЦСКА, только там, где у хоккеистов пришит номер, у него какая-то необъяснимая буква «Т».

На тренировках место Чернышева — за пределами поля, все у того же бортика, место Тарасова — в гуще событий, на льду. На установках Чернышев говорит первым, сдержанно и предельно сжато излагая план игры и задания каждому. Тарасов его дополняет и завершает свою речь эмоциональными призывами «не посрамить», «отдать все силы», «проявить преданность» и т. д.

Все знают, что, прежде чем принять какое-то важное решение, они порой подолгу спорят, но на глазах игроков выступают всегда единым фронтом и во всем друг друга поддерживают.

Я смотрю на них во время игр в Стокгольме и думаю: а на кого из двух хотел бы походить будущий тренер Борис Майоров? (Уже тогда я все больше и больше подумывал о тренерской работе.) Если быть честным до конца, то полностью — ни на кого. Хотелось бы найти свое лицо и свое место в хоккее. Как нашли его, скажем, Пучков, Эпштейн или Богинов, не ставшие тенью двух генеральных конструкторов нашего хоккея, а отстаивающие свои взгляды и принципы.

Но позаимствовать какие-то черты у каждого из тренеров сборной я был бы рад.

Меня всегда восхищала выдержка Аркадия Ивановича. Как не хватает мне всю жизнь этого качества!

Сколько раз моя несдержанность, вспыльчивость дорого обходились и мне и команде! Удаления с поля, дисквалификации… И хоть с годами я стал сдержаннее, как мечтал бы я перенять у Чернышева его умение владеть собой, сохранять невозмутимость даже в самые трудные минуты матча. Его спокойствие передается команде и очень выручает даже тогда, когда положение кажется совсем безнадежным. Раз тренерская мысль работает четко и ясно, раз мы живы, и здоровы,

и полны сил, значит судьбу еще можно переломить. Да мы и переламывали ее нередко.

Однако по темпераменту мне ближе Тарасов. Страстность Тарасова не всегда полезна команде. Забывшись, он может сделать несправедливый упрек игроку, даже оскорбить его. Ветераны привыкли и реагируют на все это не так болезненно, а молодые, которые в ответственных матчах и без того нервничают страшно, прямо-таки ломаются. Потом игрок поймет, что тренер вел себя так не со зла, что он желает и команде и ему, игроку, победы и вообще добра. Но это будет потом. А в горячке игры он оскорблен, оскорблен незаслуженно. Ведь он тоже старается и хочет как лучше. А ему не объяснили его ошибку, не выслушали. И ответить так же резко он не может — не имеет права: дисциплина ведь в сборной военная.

Свидетелем подобных сцен я был не раз за свою жизнь в сборной. Не только свидетелем, но и, так сказать, потерпевшим. Случались такие сцены и в Стокгольме. И команда от этого страдала. Особенно молодые.

Но, кажется, никому и никогда не обходилась так дорого вспыльчивость Тарасова, как его команде, команде ЦСКА в чемпионате страны 1969 года.

Шел последний матч первенства. Играли ЦСКА и «Спартак». Чтобы завоевать золотые медали, ЦСКА должен был победить. Нам достаточно было и ничьей. Истекала десятая минута третьего периода. Мы вели 2: 1. И вдруг инцидент, который, уверен, навсегда запомнит всякий, кто был на матче или смотрел его по телевизору. Петров забивает нам второй гол, но судьи его не засчитывают. Оказывается, табло Дворца спорта, как обычно, испортилось, контрольный секундомер показал, что первая половина третьего периода закончилась, а свисток, возвещающий об этом, потонул в шуме трибун.

Я представляю себе, какая буря разразилась в душе Тарасова, когда он увидел, что судьи не хотят засчитывать гол, гол, который его команда заработала честным трудом: ведь ребята не знали, что время истекло, и играли так, словно ничего не произошло. До победы, кажется, остается чуть-чуть, и вот чья-то злая воля отбрасывает команду назад. Я даже представить не могу, что делал бы я в такой ситуации. Уж наверняка разбил бы клюшку о лед. Тарасова вспыльчивость толкнула на роковой шаг. Он запретил хоккеистам продолжать матч и не снимал запрет в течение 35 минут.

Я не говорю о моральной стороне этого эпизода: посетители потеряли время понапрасну, сорвана была телевизионная программа… Я говорю о том, как больно ударила вспыльчивость

Тарасова по его же команде.

Я тринадцать лет играю в командах мастеров и то знаю, что, не засчитав гол, судьи никогда не отменят свое решение. Не было такого случая в практике большого хоккея. А Тарасов вдвое опытнее меня и знает это еще лучше. Ясно, что добиться своего с помощью бойкота он не мог.

Мы пропустили тот гол не случайно. Мы отдали игре слишком много сил и с трудом вели оборону, мечтая только о том, чтобы сохранить минимальный победный счет до конца. А наши противники словно нашли, как принято у нас говорить, свою игру. К тому же в тот момент мы были на поле вчетвером: Кузьмин сидел на скамейке оштрафованных.

Будь Тарасов поспокойнее, он со своим опытом и знанием хоккея понял бы, что сейчас самое время «брать нас тепленькими». Но его поступками тогда руководили не рассудок, а обида и гнев. Его решение спасло нас. Мы отдышались, успокоились, осмотрелись. Игрокам же ЦСКА было в эти минуты не до отдыха. Состояние тренера передалось им. В бесплодной полемике они перегорели, растратили свой наступательный порыв, и когда игра возобновилась, от их недавнего превосходства не осталось и следа. К тому же восстановилось и численное равенство: за задержку игры команда была наказана двухминутным штрафом, и Тарасов отлично понимал, что это должно будет случиться.

Не знаю, возможно, армейцам и так бы не удалось победить нас в тот раз. Но после всего случившегося судьба матча была решена. Последние десять минут прошли при полном преимуществе «Спартака», и мы без особого труда забили в ворота ЦСКА еще один гол.

Но есть одно качество, которое хотел бы позаимствовать у Тарасова любой тренер. Человек он до мозга костей творческий и не умеющий удовлетворяться достигнутым. Кажется, ну что ему особенно терзать себя и других? Команда у него прекрасная, игроки великолепные. Лишь последние годы мы, спартаковцы, стали пощипывать ЦСКА. А еще недавно для выявления чемпиона чемпионат можно было и не проводить, настолько сильней других была команда Тарасова. И с детьми работа поставлена, и резервы практически не ограниченны. Все титулы у него, огромная слава, ордена, полковничье звание. Живи себе спокойно и стриги купоны с прошлых заслуг. Но Тарасов не был бы Тарасовым, если бы умел жить так. «Самоуспокоенность» и «Тарасов» — два слова, которые просто не могут стоять рядом. Он все время что-то ищет. Ищет поточный метод тренировок, ищет тактику «пять в нападении — пять в защите», ищет в хоккее

полузащитников, разрабатывает свою «систему». Иногда находит, иногда нет. Он беспрерывно поглощен новыми идеями, отстаивает их в своих книгах, спорит в этих книгах со своими воображаемыми и истинными противниками. И при всем том он отнюдь не идеалист, не Дон-Кихот, воюющий с ветряными мельницами. Все его замыслы стоят на реальной почве и за их воплощение он борется самыми земными средствами.

У него какой-то поразительный нюх на все новое, что носится в воздухе. Он, повторяю, и сам творит это новое. И тут уж слов «не могу», «невозможно» для него не существует.

Советский хоккей служит предметом подражания и изучения, а ЦСКА задает тон у нас в стране не только потому, что и тот и другой имеют много побед и медалей. И наш хоккей и команда ЦСКА во многом обязаны этим подлинно новаторскому характеру Тарасова.

И здесь, как во всем остальном, Чернышев — полная противоположность своему первому помощнику. Нет, заядлым консерватором его не назовешь. Но в работе он чаще, чем любым другим, руководствуется афоризмом «семь раз отмерь…». Он и внешне, и своей неизменной корректностью похож на классический тип англичанина, каким мы его знаем по книгам и кино. Когда перед очередным первенством мира встает вопрос, кого брать — молодого, только еще подающего надежды игрока или ветерана, хоть уже и играющего без прежнего блеска и неспособного выдумать порох, но который в своей партии уж наверное не «даст петуха», мы всегда знаем: Чернышев проголосует за ветерана. Не случайно молодые динамовцы, прежде чем попасть в основной состав нашей команды, обычно протирают на скамейке запасных не одну пару штанов.

Тарасов — за молодежь. Недаром у него в команде рождаются самые молодые тройки экстра-класса. Он чаще других получает нарекания за то, что его команду досрочно покидает какой-нибудь прославленный ветеран…

Вот ведь какое удивительное и, вероятно, неповторимое сочетание вроде бы взаимоисключающих противоположностей уживается многие годы в одной команде. Но Чернышев и Тарасов не просто уживаются, а сотрудничают, помогают друг другу и семь лет подряд ведут сборную по дороге побед. Не правда ли, странно? А может, не так уж странно? Может, по такому принципу и должны подбираться тренеры в команду — чтобы один дополнял и обогащал другого? Может, именно во взаимной критике, в долгих и мучительных спорах людей полярных взглядов, характеров, темпераментов и рождается истина?

Во всяком случае, когда в 1963 году они стали работать в

сборной вдвоем, казалось, что это ненадолго, что двум столь разным людям не ужиться в одной команде, что «в одну телегу впрячь не можно…». Но союз этот всем на удивление оказался прочным и плодотворным.

День пятый
STOCKHOLM

Еле-еле добрался до номера и, если бы не слово, которое дал себе еще в Москве, ни за что бы не засел за дневник: так устал от матча Швеция — Чехословакия, будто сам играл.

Вот это был хоккей! Обычно матч, даже самый лучший, состоит из приливов и отливов. В какие-то моменты темп вдруг взвинчивается, игра идет быстрее, больше острых моментов, и наконец кульминация, апофеоз, взрыв. Потом опять на некоторое время буря на поле стихает. А это был какой-то сплошной шестидесятиминутный взрыв!

За кого я болел? Пожалуй, все-таки за шведов. Правда, проиграй они этот матч, и одна команда практически выпала бы из борьбы за «золото»: с двумя поражениями вряд ли можно на что-то рассчитывать. Но уж очень мне по душе эта команда. По игре она достойна самой лучшей участи.

2:0 — победили шведы. Один гол забили через три минуты после начала матча, другой — за три минуты до конца. Счет для хоккея более чем скромный. И все изумительная игра вратарей. Ведь обе команды думали главным образом о том, чтобы забить гол, потом уже о своих воротах. Это понятно. Шведам отступать даль-ше некуда. Сборная Чехословакии идет впереди всех и настроилась, чувствуется, на первое место. Накал предельный. Ставки — выше некуда: золотые медали. И все вместе — матч небывалой красоты. Немного довелось мне видеть таких, хотя этот чемпионат для меня восьмой.

Припоминаю все, что было тогда на поле. Должно же что-то запомниться особенно. Да, есть! Только не что-то, а кто-то. Ульф Стернер…

Я вспоминаю, как один мой приятель рассказывал о Леониде Утесове. Утесова спросили, чем отличается игра, скажем, Давида Ойстраха от игры другого, тоже хорошего, но не такого виртуозного скрипача. Простому смертному ведь трудно уловить тончайшие оттенки. Утесов сказал примерно так:

— Когда я слушаю молодого и очень талантливого артиста, я тоже получаю удовольствие. И все же я крепко держусь за ручки кресла: в трудных местах мне кажется — вот-вот сорвется. А когда играет Ойстрах, я откидываюсь на спинку стула и все мои мышцы расслаблены. Я просто наслаждаюсь. Звуки льются так, будто их никто из скрипки не извлекает, а они рождаются сами собой.

Стернер в углу. Его теснят двое. Кажется, ему некуда деваться с шайбой. Но он находит никому не видимое, но единственно правильное и естественное продолжение так, будто это дважды два. Он не просто не фальшивит. Впечатление от его игры такое, что он и не может сфальшивить. У него безупречная техника обводки, но он прибегает к ней, только если не обвести нельзя. Он видит все на несколько ходов вперед, и его главное оружие — пас. Этот пас всегда точен по исполнению и обязательно ведет к обострению. Стернер никогда не спешит и всегда на месте. У него, правда, недостаточно высокая скорость бега на коньках. Но его тактический кругозор так обширен, а скорость мысли настолько велика, что этот недостаток и незаметен вовсе. Во время матча он создает своим партнерам столько моментов, что счет может расти с баскетбольной быстротой. Но партнеры Стернера, хоть и очень быстрые ребята, часто не поспевают за его мыслью.

Вполне возможно, Стернер потому так мне нравится, что мы с ним игроки одного амплуа. Оба считаемся разыгрывающими. И в сборную, по-моему, пришли в одно и то же время. Помню, в 1961 году в Лозанне перед нашим матчем со шведами Чернышев сказал нам:

— Посмотрите за их двадцатым номером. Интересный парень.

Наверное, если бы не это замечание, я бы и не заметил тогда Стернера. Во время моего первого чемпионата все они были для меня на одно лицо, кроме самых знаменитых, вроде Тумбы или Влаха. Но после слов старшего тренера я запомнил этого бледнолицего гиганта, хотя, честно говоря, особого впечатления он на меня не произвел. Потом мы встретились в Стокгольме в 1963 году. Его талант развернулся вовсю. Правда, играл он совсем не так, как сейчас. Он не создавал возможностей другим. Другие трудились на него. А он блестяще завершал атаки. Шутка ли: на его счету три гола в матче с Канадой.

И здесь у нас с ним какое-то сходство: я ведь тоже когда-то забивал много голов — в Швейцарии, на первом моем чемпионате мира, был даже самым результативным нападающим.

Со Стернером мы знакомы давно и питаем друг к другу симпатию. Никогда не забуду, как после окончания первенства мира в Вене они вместе с Хомлквистом, вратарем сборной Швеции, внесли меня, капитана сборной СССР, на руках в городскую ратушу: так приветствовали шведы чемпионов мира.

У Стернера очень богатая хоккейная биография. Целый сезон он выступал в канадских профессиональных командах. Как у любого большого спортсмена, были у него сезоны более или

менее удачные. Он ничем не проявил себя в Любляне и Вене, его, как бывшего профессионала, не допустили к участию в Гренобльской олимпиаде. И вот новая встреча в Стокгольме. Стернер — в расцвете таланта, в зените славы, любимец публики. Все это он заслужил своим мастерством. Ему бы радоваться. Но я не уверен, что у Ульфа так уж весело на душе. Мы с ним сегодня перекинулись парой слов. Игрой-то он своей доволен, жизнью — не очень.

— Я раньше арендовал бензоколонку. Но хоккей отнимает столько времени, что пришлось от нее отказаться. Сбережений нет. Что делать буду, когда играть кончу, не знаю. Я ведь из-за этого хоккея и без образования остался — все некогда было.

— Поступай сейчас, пока не поздно, — пробовал я дать совет.

— Нет, поздно, голова уже не та, не воспринимает науку…

Этот разговор со Стернером состоялся у раздевалки после матча сборной СССР с финнами. Наши победили — 6:1. К сожалению, спартаковская тройка ничего не показала. На ее счету ни одного гола. Обратил на это внимание и Озеров. Что значит старый спартаковец! Уже вечером в отеле, когда я по привычке заглянул к нему в номер поделиться дневными впечатлениями, он сказал:

— Плохо ребята играют… — А потом добавил, словно и себя и меня утешая: — Ну ничего, они еще себя покажут. Тройка ведь в один день не рождается.

* * *

Мы с Озеровым старые друзья. Он всегда следил за нашей тройкой особенно внимательно, брал у нас первое в нашей жизни интервью для радио, поддерживал нас в трудные минуты. И в сборной он нас со Славкой и Женькой всегда как-то выделял. Я думаю, это не потому, что мы чем-то отличаемся от других. Нас объединяет одно: мы — спартаковцы.

Я уж и не знаю, чем это объяснить, но всех спартаковцев связывает между собой нечто большее, чем обычные человеческие отношения. «Спартак» — это для всех нас как пароль какой-то, что ли. Так, наверно, объединяла людей в прежние времена принадлежность к какой-нибудь масонской ложе… Николай Тимофеевич Дементьев однажды так сказал по этому поводу:

— Мы так все привязаны к «Спартаку», и болельщики у него такие отчаянные потому, что он, «Спартак», голый. У всех базы, стадионы, катки искусственные. А у нас ни кола ни двора, один энтузиазм.

Это, наверное, правильно. Но это еще не все. Вот я, скажем, сижу на трибуне, смотрю футбол. В перерыве — соревнования по бегу. Объявляют по радио: «По первой дорожке бежит такой-то («Динамо»), по второй — такой-то (ЦСКА), по третьей — такой-то («Спартак»)». И сразу аплодисменты. А я сижу на трибуне, и гордость меня распирает, так и хочется встать во весь рост и крикнуть: «И я тоже из «Спартака»…»

За нас и болеют, так сказать, лишь по велению сердца. Ну, военному вроде по штату положено болеть за ЦСКА, милиционеру — за «Динамо», железнодорожнику — за «Локомотив». А за нас? За нас никому не положено, а болельщиков больше, чем у всех. Как это получается? Бог его знает… Обратите внимание: из «Спартака» хорошие игроки редко уходят. Иной раз даже но году сидят на скамейках запасных, а в другие команды не идут. Но кое-кто уходит. Вот Анатолий Фирсов, например. С тех пор прошло уже много лет, но и сейчас будто что-то стоит между нами. И не только у меня сохранилась обида, а и у Старшинова, и у Фоменкова, и у Кузьмина, и у Макарова. В общем, у всех старых спартаковцев. Я-то сейчас в обиде на него даже не за то, что он ушел, — сколько можно поминать старое! Но вот что мне горько: нигде и никогда не говорит Фирсов, чей он воспитанник, где научился играть и стал сильным хоккеистом. Он ведь в ЦСКА уже мастером пришел… А может, не забыл он своего первого клуба? Может, просто стесняется вспоминать о том, что ушел от нас? Может, даже жалеет? Вполне допускаю.

А между прочим, я тоже однажды чуть не сбежал из «Спартака». Сейчас и не верится, что такое могло случиться. Было это в 1957 году. Чемпионат страны разыгрывался в тот раз в два этапа. Мы заняли третье место в подгруппе и в финальную восьмерку не попали. И тогда нам троим — Никифорову, Шуленину и мне — предложили перейти в «Крылья Советов». Оба они были игроки опытные и известные, а я — мальчишка. Они меня уговаривали, да мне и самому льстило такое предложение. Я и согласился. Потом на каком-то матче ко мне подошел тренер «Крылышек» Владимир Кузьмич Егоров.

— Ты, — говорит, — и верно идти к нам надумал?

Смотри, может, придется годик и в запасе посидеть. Ты что, студент? Это хорошо. Но имей в виду, у нас трудно играть, требования высокие…

«Вот дурак, — подумал я тогда о себе, — и зачем я заявление подал? Надо взять обратно, да вроде и неудобно». А потом с радостью узнал, что мое заявление никто и не собирался рассматривать: видно, не очень-то я «Крылышкам» нужен был.

Но кто в молодости не совершает глупостей? Для меня, к

счастью, собственное легкомыслие не имело последствий. Да и не могло иметь. Я еще, когда мое заявление в «Крыльях Советов» лежало, про себя решил: «Вызовут на федерацию, скажу им: пусть делают что хотят, только я никуда из «Спартака» не уйду».

С годами это чувство преданности своему клубу, уважения к его традициям, гордости, что я из «Спартака», росло. Ни мне, ни Славке с Женькой больше никогда и не предлагали никаких переходов. Да мы бы и не ушли никуда. Мне кажется, что к нам, спартаковцам, даже в сборной у ребят отношение особое. На нас с некоторой будто завистью смотрят, с уважением: «Вот они, спартаковцы…» Или это мне только так кажется?

У нашего клуба и история особенная. Братья Знаменские, братья Старостины, Озеров… Дело не только в том, что они оставили неизгладимый след в спорте. Понимаете, они по духу спартаковцы. Они бойцы взрывного, что ли, характера, они побеждали потому, что не умели мириться с поражениями. И футбольный «Спартак» поэтому, хоть и был после войны в разрушенном состоянии, кубок умудрился завоевать. И мы совсем мальчишками в 1962 году первенство завоевали. Что мы тогда рядом с ЦСКА и «Динамо» собой представляли? А чем вызван был долгий кризис нашей футбольной команды в конце 50-х годов? Набрали игроков из разных команд, из разных городов, для которых «Спартак» был так себе, командой, как все прочие.

Но бывает, что придет к нам в клуб человек со стороны, взрослый, сложившийся игрок, а через пару лет все и забыли, что он когда-то играл еще где-нибудь. Это тогда, когда он по характеру, по человеческим своим качеством подходит к спартаковским меркам. Вот, например, Галимзян Хусаинов или Валерий Фоменков. Кто может сказать, что они не спартаковцы?

Потому, наверно, не было в Стокгольме дня, чтобы мы не встретились с Озеровым и не поговорили об игре спартаковской тройки и ее перспективах.

…Спартаковская тройка так и не показала себя в Стокгольме. Впрочем, слова Озерова о том, что спартаковцы еще себя покажут, могли бы оказаться и пророческими. Во время первого матча с Чехословакией наша тройка полтора периода играла лучше других, а моментами просто хорошо. Казалось, вот-вот Якушев, Старшинов и Зимин наконец «поймают» свою игру, нащупают связи. И тут Сашу Якушева посадили на скамейку запасных, посадили всерьез и надолго, практически до конца турнира.

Но в одном Озеров был, безусловно, прав: в один день хоккейная тройка не рождается.

Откровенно говоря, и я верил, что спартаковцы сыграют в Стокгольме хорошо. Сомневался я только в Зимине. Он

возвратился из Канады лишь за три дня до открытия чемпионата. Там, за океаном, вторая сборная провела за две недели около десятка очень трудных матчей, перед этим турне ребята тоже не имели дня отдыха, к тому же в Канаде на долю Зимина и его партнеров Владимира Шадрина и Александра Мартынюка выпала особенно тяжелая нагрузка. По газетам мы знали, что в каждом матче они забивают две трети голов. А раз так, то, конечно, проводили на площадке не менее половины всего игрового времени, в полтора раза больше, чем остальные. Зато Якушев накануне отъезда в Стокгольм был в блестящей форме, Старшинов же вообще наделен редчайшим качеством: как бы ни играл он дома, к решающему турниру он всегда готов лучше всех. Так почему бы им и не сыграть здорово, если только один из трех вызывает сомнения, да и этот третий — мастер такого класса, что испортить игру двум остальным не может никак?

Все сложилось иначе. И прежде всего потому, что не пошла игра у Саши Якушева. Да и не могла, как я понял уже в Стокгольме, пойти. В «Спартаке» Якушев стал в том сезоне самым результативным игроком. Были матчи, в которых он забрасывал по три-четыре шайбы, без гола же с поля он не уходил почти никогда. В Стокгольме же на его счету один-единственный гол, да и тот в игре с американцами. Что же случилось вдруг с Якушевым?

В том-то и дело, что с Якушевым не случилось ничего. Якушев остался Якушевым. Но в «Спартаке» к нему относились как к игроку, который силен своим умением забивать голы в определенных ситуациях, и создавали ему эти ситуации. Якушев трудился в обороне, как говорится, постольку поскольку. Эту работу выполняли за него другие. Зато у него всегда были развязаны руки для контратаки. И когда наши наконец завладевали шайбой, они знали: Якушев уже набирает скорость и готов принять пас где-то в середине поля. Туда и отсылалась ему шайба. Вот она, та самая ситуация, где Якушев особенно опасен — на ходу, с шайбой, на широком оперативном просторе. Тут преградить ему путь очень трудно.

В сборной ничего этого не было. В сборной он должен был выполнять те же функции, что и все, и потому не мог приносить пользу. Когда он, почуяв момент, готовился броситься в прорыв, с тренерского КП следовал грозный окрик: «Возьми своего!» — и он возвращался назад. Его партнеры не получали задания играть на Якушева, да они и не привыкли подыгрывать кому-то, в «Спартаке» другие играют на них. А когда начали было привыкать, Старшинову и Зимину не надо долго объяснять, что к чему, — Якушев оказался уже в запасе. Его место занял Евгении

Мишаков, игрок хороший, но чуждый им обоим по стилю, по пониманию хоккея. Когда мы разговаривали со Старшиновым в Стокгольме, он не раз ворчал:

— Не могу понять, куда он все время бежит и зачем…

Меня вообще поражало в наших тренерах то, что при всей своей прозорливости, при всем своем понимании хоккея они с совершенно непостижимой легкостью и беззаботностью проходят мимо достоинств некоторых хоккеистов. Может, это оттого, что у нас нет дефицита на хороших игроков?

Есть в команде воскресенского «Химика» очень интересный и тонкий игрок — Валерий Никитин. Он как бы полузащитник, полунападающий, и в этом его своеобразие. В «Химике» он играет больше десяти лет и всегда на площадке в особом положении, такое уж у Никитина амплуа. У него изящный дриблинг, он любит и умеет подержать шайбу у себя, подождать, пока партнеры освободятся от опеки, выманить на себя одного-двух противников и в самый неожиданный момент послать своих партнеров вперед. Отними у Никитина это качество, лиши его этой изюминки, и он превратится в заурядного, незаметного игрока.

Однажды Никитина пригласили в сборную и даже взяли на первенство мира в Вену. Взять взяли, а играть так, как он привык в «Химике», не разрешили. Перестраивать для него игру партнеров тоже не стали. Поставили его в защиту и сказали.

— Играй, как играют Рагулин, Давыдов, Кузькин. Отобрал шайбу — сразу отдай.

Словом, сбросили Никитина с его конька, лишили его изюминки. А как Рагулин — он не умеет. Он умеет как Никитин. И играл он в Вене посредственно. Не плохо, но и не хорошо. И доиграл бы на таком уровне весь чемпионат, если бы не случай. Во время нашего матча с канадцами, от которого зависел исход первенства, не заладилась игра у Ярославцева. А запасной, Якушев, не мог выйти на поле, так как его фамилию не внесли в протокол матча. Вот и решили тренеры попробовать Никитина на месте Ярославцева. Не получив предварительно категорических установок, Никитин заиграл на новом месте по-своему, мы со Старшиновым — он попал в нашу тройку — его поддержали, и сразу Никитин стал Никитиным, ярким, своеобразным и полезным команде игроком. Не случайно он провел в числе нападающих и большую часть следующего матча — с Чехословакией.

Кстати, нам со Славкой к тому времени было уже не привыкать к новым партнерам по тройке в сборной. Их нам меняли каждый сезон… Правда, «привыкать» — не то слово. К

этому привыкнуть невозможно. Я отлично понимаю Старшинова, который прямо-таки мучился в Стокгольме. В «Спартаке» Зимин всегда был на поле по правую руку от чего, а тут — по левую. На месте Зимина играл то один, то другой. Слева он привык получать передачи от меня, а тут — Мишаков, который сам любит, чтобы ему пасовали… Так и шло все вверх тормашками. А Славка день ото дня худел, мрачнел и все больше ворчал на себя и на других. Ему было очень трудно — он остался без понимающих его и понятных ему партнеров.

До чего же это сложная, хотя и совсем маленькая, команда — хоккейная тройка! Вроде бы чего проще: три хоккеиста, один забивает голы, другой создает ему условия, третий помогает и тому и другому. Хорошо бы, чтобы каждый из трех умел здорово делать свое дело, а еще лучше, если все трое — мастера на все руки. Вот вам и вся теория.

Однако в жизни все гораздо сложнее. Иногда самые причудливые и неожиданные сочетания вдруг создают великолепный букет, но не менее часто соединение трех классных мастеров, к тому же прекрасно ладящих в жизни, рождает более чем посредственное хоккейное звено.

Еще совсем недавно была у нас в «Спартаке» тройка, которой прочили большое будущее, тройка — Ярославцев, Шадрин, Якушев. Все талантливые, все еще молодые, но уже знаменитые. Они долго ходили в подающих надежды, так долго, что уже некоторые стали поговаривать: сколько можно обещать, не пора ли уже и платить по векселям? Но у нас в «Спартаке» решили запастись терпением и ждать. А прогресса все не было. Это чувствовали и сами ребята. Пытались объяснить себе и другим, в чем дело. Оба крайних считали, что во всем виноват Шадрин: он и медлителен, и шайбзабрасывает мало. В общем-то, их можно было понять: и Ярославцев и Якушев поопытней, постарше, провели сезон в сборной, вот им и казалось, что неопытный Шадрин уступает обоим в классе. А однажды, когда Ярославцев, если память мне не изменяет, заболел, на его место временно определили Александра Мартынюка. Прошло совсем немного времени, и всем стало ясно: тройка из перспективной превратилась в тройку высокого класса, способную играть против любых противников и побеждать их. Да она вскоре это и доказала. А ее душой стал «медлительный» и «нерезультативный» Володя Шадрин.

Вот и пойди после этого разберись, что здесь к чему. Место могучего, заметного, прошедшего огонь, воду и медные трубы сборной команды Ярославцева занимает хоть уже достаточно известный, но никогда с неба звезд не хватавший Мартынюк. По

всем «объективным показателям» тройка должна если уж не зачахнуть, то уж во всяком случае и не расцвести. А тут все наоборот.

А разве с другими знаменитыми тройками нашего хоккея было не так? Локтев и Александров совсем не радовались, когда им дали нового центрового 19-летнего Сашу Альметова. Да и чему тут было радоваться: вместо проверенного и опытного партнера, каким был для них Александр Черепанов, им, знаменитым хоккеистам, игрокам сборной, Тарасов «подсунул» какого-то желторотого птенца, с которым надо еще немало повозиться, прежде чем из него хоть что-нибудь выйдет. Да и выйдет ли? Но Черепанов уже сходил, да и с режимом у него обстояло неважно, а молодому Альметову требовалось постоянное место в основном составе… Так появилась на свет тройка, ставшая вехой в истории нашего хоккея. Между прочим, был сезон, когда ни Локтев, ни Александров не играли. Альметов получил тогда двух хороших партнеров: Леонида Волкова и Владимира Киселева. Но звена из них не получилось…

Потом в ЦСКА была еще одна тройка — Леонид Волков, Валентин Сенюшкин и Анатолий Фирсов. Фирсов с каждым месяцем играл все лучше, Волков и Сенюшкин стали медленно, но верно от него отставать. А тем временем в ЦСКА подросли Викулов с Полупановым. Их сверстники, игроки намного слабее, играли уже в основных составах своих команд, а они, рвущиеся в бой, умелые и сильные, коротали время на скамейке запасных и лишь изредка на период-другой подменяли кого-то из своих старших одноклубников. Словом, оба так и просились на площадку, в основной состав. Тарасов делает их партнерами Фирсова. Они имели на это все права, поскольку не уступали уже тем, кого заменили, — Волкову и Сенюшкину.

О Фирсове сказано много добрых слов как о воспитателе двух молодых своих партнеров. И эти добрые слова он заслужил. Но и ученики ведь пришлись в данном случае ко двору. Так тренерская интуиция позволила создать одну из лучших троек в истории нашего хоккея.

Когда Полупанов и Викулов стали мастерами высокого класса, А. В. Тарасов попробовал повторить свой эксперимент и подставить к Фирсову еще двух совсем юных игроков — Блинова и Смолина. Попробовал, а потом вернул всех на свои прежние места — повторения не получилось.

В роли «хоккейной няньки» пробовали и Александрова, хитрейшего и техничнейшего хоккеиста. Он опекал Бориса Михайлова и Александра Петрова. Тарасов поначалу сулил этому звену блестящее будущее. А дела у тройки шли довольно средне,

и Петрова приходилось вечно заменять кем-нибудь другим. Но вот — это случилось после возвращения ЦСКА из Японии — Александров покинул лед окончательно. На его место Тарасов поставил молодого Валерия Харламова. Ни для кого нянькой, само собой разумеется, он служить не мог. К нему самому, по его опыту и стажу, впору было приставлять няньку. Но все обошлось без нянек: его новые партнеры и сами были совсем еще молоды. И всем на удивление эта тройка вдруг заиграла великолепно. Столь головокружительного взлета целой тройки нападающих не знает история нашего хоккея. За один сезон три молодых парня стали игроками сборной, чемпионами мира, заслуженными мастерами спорта, кавалерами правительственных наград.

Такова краткая история создания наших выдающихся хоккейных троек, современником которых я могу считать себя. Какого-то особого принципа, по которому подбирались в них игроки, нет: ни возрастного, ни общности интересов, ни спортивного — в зависимости от чисто игровых достоинств и недостатков.

В основе лежит тренерская интуиция, тренерский талант видеть не только сегодняшний, но и завтрашний день тройки, анализировать свои успехи и недостатки, умение вовремя разглядеть и отказаться от ошибочного решения. Короче, создание тройки — это трудные плоды тренерских поисков, раздумий, опыта и интуиции.

Создание хоккейной тройки — такое же творческое дело, как создание архитектурного ансамбля или музыкального произведения. Даже прочитав тысячу исследований на тему «Творческая лаборатория Шостаковича», ни один композитор не создаст ничего подобного его Седьмой симфонии. Так же и тут. Творческая лаборатория Тарасова открыта всем. Однако нет в других командах ни тройки Боброва, ни тройки Альметова, ни тройки Фирсова, ни тройки Петрова.

Только эксперимент (как было с тройкой Альметова), только интуиция (так родилась тройка Фирсова), только беспощадность к собственным ошибкам (как было с тройкой Петрова), только долгие и неустанные поиски ведут к победам. Но все это качества людей сильных, талантливых и бесконечно преданных своему делу.

Но оставим теорию теоретикам. А я, поскольку уж начал разговор на тему о самой маленькой из команд, не могу, не имею права не рассказать о нашей многострадальной тройке, которая тоже немало потрудилась во славу советского хоккея.

Я был первым из трех, кого приняли в команду мастеров. Это случилось весной 1956 года. Мой брат Женька играл еще в

молодежной команде, а со Славой Старшиновым мы тогда вообще не были знакомы. В ту пору вопрос о партнерах меня, как вы понимаете, волновал меньше всего. Я радовался, если удавалось сыграть хотя бы полматча на чьем угодно месте. Обычно нас выпускали по очереди с моим сверстником Владимиром Мальцевым.

Кстати, тогда я и забросил первую свою шайбу в чемпионатах страны. Правда, ее нет в кондуитах даже самых заядлых и дотошных статистиков. Дело в том, что тренер забыл занести мою фамилию в протокол, а на поле выпустил. Никто не обратил на это внимания — судьи меня тогда и в лицо не знали. И вдруг я забиваю гол. Надо объявлять об этом по радио. Но если выяснится, что я — это я, нам по правилам должно быть засчитано поражение. Первым сообразил, что к чему, наш тренер Анатолий Сеглин. Он мигом очутился у судейского столика, что-то сказал судьям, и спустя минуту радио сокольнического катка объявило:

— Шайбу в ворота московского «Буревестника» забросил Александр Корнеев…

В начале следующего сезона я попал уже в более или менее стабильную тройку, вместе с тем же Мальцевым и своим братом. Относились к нам болельщики и знатоки неплохо, считая нас игроками быстрыми, довольно техничными и прилично ориентирующимися на поле. Нас даже зачислили кандидатами в молодежную сборную страны. Так мы играли целый сезон, играли без особого блеска, но и неплохо. Тренеры были нами довольны. И мы тоже были довольны собой и своей судьбой.

Так мы жили не тужили до следующего сезона, до прихода нового старшего тренера Александра Ивановича Игумнова, который взял да и разрушил нашу тройку. Вместо Мальцева он привел к нам какого-то неуклюжего парня и сказал, что он будет у нас центровым. Звали парня Славой, а по фамилии — Старшинов. Был он на два года моложе нас. Мы с Женькой отнеслись к нему недоверчиво. На площадке он нам и вовсе не понравился. На коньках бегает медленно и плохо. Соображает еще медленнее. С пасом все время запаздывает, на передачи не поспевает… В общем, после игры мы с Женькой, проведшие уже целый сезон в команде мастеров и набравшиеся гонору, пришли к тренеру и заявили, что не хотим играть с этим новичком. Но Игумнов настоял на своем: он знал Старшинова давно, занимался с ним в детской команде. Так Славка остался в нашей тройке.

Наше недовольство испарилось очень скоро. Новичок прогрессировал прямо на глазах, от матча к матчу, с какой-то непостижимой быстротой. Теперь-то, когда я хорошо знаю

Вячеслава Старшинова, мне нетрудно объяснить, в чем тут было дело. Человек он невероятно упорный, настойчивый и целеустремленный. Уж если он поставил перед собой какую-нибудь задачу, никакие преграды на пути его не остановят. Он даже не будет их обходить, он их просто-напросто сметет. Да ведь он и на площадке такой же…

Но все это я понимаю теперь. А тогда наблюдал за ним с интересом и некоторым недоверием. Но время шло, и нам с Женькой он все больше и больше нравился как партнер. Ну и что ж, что он все еще не очень-то поворотлив? Зато если выложишь ему как следует шайбу под его корявый бросок, можешь не сомневаться — доставать ее придется из сетки.

Ко всему прочему, он вместе с Женькой готовился к поступлению в МАТИ, где уже учился я, у нас было множество общих приятелей, общих интересов, мы одинаково готовы были с утра до ночи играть в хоккей и с ночи до утра тренироваться. И вот наконец, поиграв со Старшиновым некоторое время, мы с братом поняли, что именно такого пробивного, таранного, тяжеловатого игрока как раз и не хватало нашей быстрой, но слишком уж какой-то легковесной тройке.

Большинство событий сезона стерлось из моей памяти. Сохранила она только два — проигрыш ЦСКА со счетом 1: 13 в самом начале первенства (Женька забросил единственную спартаковскую шайбу), когда мы еще очень отрицательно относились к своему новому партнеру, и поездку «Спартака» в Ленинград на четыре матча с местными командами. Это было уже зимой.

Мы тогда победили «Кировец» и сделали две ничьи с сильной командой Ленинградского Дома офицеров. Причем в первом матче мы за две минуты до конца проигрывали 3:5, но мне удалось сквитать обе шайбы. Думаю, эта поездка так врезалась мне в память еще и потому, что именно в Ленинграде мы до конца ощутили: наша тройка — это не просто так, это всерьез и надолго.

Так оно и случилось. И на площадке, и за ее пределами мы стали почти неразлучны на долгие годы. Хотя играли мы, особенно первое время, с большими срывами. Иногда нам удавалось все, но часто мы чувствовали себя просто беспомощными. С одной стороны, не окрепло еще наше мастерство, а с другой, по нынешним меркам наш спортивный режим выглядел бы просто диким. Очень часто мы являлись на хоккейную тренировку прямо с футбольного матча за команду своего института, где были ведущими игроками и где не могли по этой причине пропустить ни одной встречи. Нас то хвалили, то

ругали тренеры «Спартака», то зачисляли, то разжаловали из кандидатов в свою команду тренеры сборной.

В 1959 году мы все же впервые надели красные свитеры с буквами «СССР» на груди, правда, вышли мы на поле в составе молодежной сборной. Именно тогда, перед матчем с американцами, понял я, что значит стоять в центре огромного Дворца спорта, когда прожекторы погашены и только один, прорезывая зал наискось, выхватывает из сплошной темноты наш государственный флаг, а оркестр исполняет наш государственный гимн. У меня сразу пересохло во рту и еще некоторые время после того, как оркестр умолк и зажегся свет, я никак не мог унять нервную дрожь.

Еще через год нас включили в состав сборной страны на матч с канадской командой «Чатам марунз». Канадцы в те годы в наших глазах были не иначе как полубоги, и всякий, даже более бывалый человек, чем мы, выходил играть против них не без некоторого душевного трепета. Наше же положение осложнялось тем, что для Женьки это был первый в жизни матч с родоначальниками хоккея. Мы со Славкой уже побывали в Канаде как игроки второй сборной, он же в той поездке не участвовал.

Быть может, мы и сумели бы провести тот матч как следует, если бы нашей тройке придали опытных защитников. Но вместе с нами выходили на площадку совсем юные и еще менее, чем мы, обстрелянные Валерий Кузьмин и Александр Рагулин.

Так или иначе, первый период наше звено проиграло, не забив в канадские ворота ни одной шайбы и пропустив в свои две. В перерыве старший тренер команды Анатолий Тарасов сказал нам, что мы можем идти переодеваться, поскольку вместо нас будет играть тройка «Локомотива».

Кажется, никогда в жизни я не был так огорчен, как в тот раз. Словно маленький ребенок, пошел я искать, кому бы излить свое горе. Нашел Александра Никифоровича Новокрещенова, нашего спартаковского тренера, и долго, возмущаясь и размахивая руками, чуть ли не со слезами жаловался ему на несправедливое решение. Новокрещенов, хоть уже и немолодой и достаточно опытный человек, до того любил все спартаковское и так переживал за своих питомцев, что возмущался и всплескивал руками еще почище моего.

— Ладно, плюнь, — сказал он мне напоследок. — Чего в жизни не бывает.

Конечно, ту историю я принял тогда слишком близко к сердцу. Теперь я бы так, пожалуй, не стал бы переживать. Но тогда я считал, что поступил Тарасов с нами несправедливо. Если доверил нам играть против канадцев, потерпи до конца матча.

Разве можно проверить человека за один хоккейный период? Мы бы все сделали, чтобы в оставшееся время себя реабилитировать, отдали бы этому все силы. А разве тренеру это дало бы меньше, чем нам самим? Он ведь хочет знать наши истинные возможности.

…Вечером, когда мы втроем, злые и молчаливые, сидели у себя в комнате, к нам зашел Анатолий Владимирович.

— Обидели вы меня сегодня, — так начал он свое обращение к нам.

— По-моему, это вы нас обидели, — перебил тренера я, тогда еще горячий и не умеющий сдерживаться.

Мы поговорили, высказали друг другу свои соображения. На следующий матч с «Чатам марунз» нашу тройку поставили снова. Мы провели его очень здорово и забили канадцам четыре шайбы. Самолюбие наше было удовлетворено.

В ту пору уже стал довольно ясно вырисовываться почерк нашей тройки, связанный с долгим розыгрышем шайбы в зоне противника, с бесконечными быстрыми перемещениями всех троих и у ворот и в углах поля. Позже кто-то придумал неплохое название — «спартаковская карусель». Как он родился, этот стиль? Честное слово, не знаю. Мы никогда в жизни не разучивали и не продумывали заранее свои комбинации. Мы всегда играли так, как получалось, так, как нам было удобнее и интереснее. Видимо, наши вкусы совпадали, а ежедневное общение и на поле, и за его пределами выработало в нас абсолютно одинаковое понимание игры. Наверное, все трое инстинктивно улавливали какие-то наиболее интересные решения, фиксировали их в памяти, повторяли при удобном случае в игре еще и еще раз.

Я уже писал, что хоккей всегда был для меня удовольствием. От игры же со своими партнерами по тройке я получал — говорю это без всякого преувеличения — настоящее наслаждение. Могучий, таранящий любую защиту, готовый все смести на пути к воротам противника Слава Старшинов, и умница, словно рожденный для хоккея и чувствующий его всеми фибрами души, Женька — о лучших товарищах по хоккейному оружию нападающий не может и мечтать.

О нас стали говорить: они понимают друг друга с полуслова. Эти слова очень неточно передают наши отношения на поле. Какое там «с полуслову»! Нам не требовалось ни полуслова, ни полувзгляда. По тому, как и куда двигался, скажем, тот же Женька на площадке, как он держал клюшку, я уже мог с точностью до нескольких сантиметров определить, кому и в какое место он собирается отдать шайбу. Я готовился ее принять, а

Славка, даже не взглянув в мою сторону, точно знал — или чувствовал каким-то шестым чувством? — какое решение я приму. А может, наоборот, это я угадывал или чуял его следующий ход?..

Как вообще достигается взаимопонимание игроков на поле? Вопрос этот всегда задавали любители хоккея и нам, и игрокам альметовской тройки ЦСКА. Многим кажется, что мы что-то скрываем, что нарочно уходим от ответа.

— Не может быть, — говорят нам, — чтобы вы просто так, не сговариваясь, не разучивая предварительно свои совместные ходы во всех деталях, действовали на площадке настолько синхронно.

И еще один вопрос задают нам постоянно: какова роль тренера в данном случае?

Хоккейный матч не музыкальное произведение, где и основную мелодию, и все вариации можно изложить с помощью нотных знаков и выучить заранее. В хоккее все приходится решать по ходу бесконечно меняющихся игровых ситуаций, или, продолжая сравнение с музыкой, почти постоянно «играть с листа». Так называемые «стандартные положения» — редкое исключение. Их-то только и можно отрепетировать заранее. Скажем, нападающий выходит один на один с вратарем или два игрока одной команды ведут борьбу с защитником другой. Можно создать примерно такое же положение и на тренировке и повторять его до тех пор, пока мы не научимся действовать как автоматы. Но партитуру всей игры заранее не напишешь.

Это вовсе не значит, что я отрицаю роль тренера. Напротив, она огромна. Тренер дает нам стратегический план на матч, и мы обязаны ему следовать. Он учит нас, как бороться с тем или иным противником, и раскрывает глаза на его достоинства и слабости. И он дает нам не только схему. Он, к примеру, говорит:

— Старшинов особенно силен у ворот противника. Пусть же смелее идет туда, не заботясь о тыле. Его в эти моменты обязан подстраховывать кто-нибудь другой. А защитники противника медленнее вас бегают на коньках. Значит, постарайтесь подержать шайбу, выманить их подальше от ворот, и тогда ваше преимущество вскорости скажется…

Но разжевать нам каждый эпизод тренер бессилен. И плох он будет, если захочет это сделать. Он — генеральный конструктор, дающий общую идею. А уж разрабатывать ее в деталях обязаны мы, в меру своих сил и возможностей, мы, игроки, думающие, волевые, умеющие постоять за себя и за свои замыслы.

Собственно, то же самое можно ответить и на вопрос: как достигается взаимопонимание? У тренера своя забота, у нас — своя, хотя и стремимся мы к одной цели. От опыта, ума, таланта и

интуиции тренера зависит создать тройку, где бы все дополняли друг друга и помогали друг другу выявлять сильные стороны каждого. Тренер должен выработать в нас единое понимание игры. Опять же, как видите, за ним общее руководство. А уж дальше наше дело. Дальше думать обязаны мы. Изучать манеру партнера, его излюбленные позиции, постигать ход его мыслей при решении тех или иных игровых задач. А разучивание или заблаговременное обговаривание деталей — это, по-моему, пустое занятие. Этим может заниматься тот, кто не доверяет своему товарищу.

У нас не бывало каких-то предварительных обсуждений плана очередной игры, мы редко разговаривали на площадке, мы не произносили до и во время матча предназначенных друг другу ободряющих слов. Разве что накануне какого-нибудь особо ответственного матча как бы между делом говорили друг другу:

— Давайте завтра постараемся…

Это обычно бывало тогда, когда от завтрашнего матча зависело, возьмут ли нашу тройку в сборную. Первый такой разговор состоялся незадолго до швейцарского чемпионата мира 1961 года. А. И. Чернышев сообщил мне по секрету, что моя судьба решена: я еду.

— А вот насчет остальных пока ясного мнения нет, — добавил старший тренер.

Разумеется, я не стал огорчать ребят. Я просто предупредил их, что следующий, контрольный матч мы обязаны сыграть лучше всех, от этого будет зависеть многое.

На то первенство мы попали и, по мнению тренеров, наша тройка была на катках Лозанны и Женевы лучшей в сборной. Но это обстоятельство не очень-то облегчило нашу задачу в новом сезоне. В те времена мы пользовались репутацией людей, игра которых зависит от настроения. Да так оно, собственно, и было. И свое право играть в Стокгольме в 1963 году, с которого началось триумфальное шествие сборной, мы завоевали в тяжелой конкуренции с другими тройками, завоевывали как бы заново, будто «швейцарского сезона» не было.

Зато после Стокгольма нашей тройке — так нам тогда казалось — было обеспечено место в сборной на долгие годы. Мы играли много и почти всегда удачно и дома, и на катках Канады, Швеции, Чехословакии. И вообще весь ансамбль сборной сложился настолько удачно и выглядел таким безупречным и монолитным, что если и требовал какого-нибудь ремонта, то самого минимального, вызываемого болезнью кого-то из игроков.

Большинство из нас пришло в сборную с разрывом в год-два, все мы уважали друг в друге настоящих мастеров и людей,

знающих цену победам, все мы полностью друг на друга полагались.

И вдруг уже после того, как сборная выиграла Инсбрукскую олимпиаду, нашу тройку постиг жесточайший удар. Незадолго до первенства мира 1965 года в «Спартак» пришла из федерации хоккея телефонограмма: «Откомандировать в сборную В. Зингера, В. Старшинова и Б. Майорова». На этом список заканчивался. Вообще-то о том, что Женькина кандидатура под вопросом, мы слышали и несколько раньше, но считали эти слухи обычной «уткой», которых носится в воздухе перед каждым соревнованием множество… На сей раз, однако, слухи подтвердились.

У отчисления Евгения из сборной есть предыстория.

Как обычно, наша команда участвовала в традиционном новогоднем турнире — так называемом мемориале Брауна, который проводится всегда на катке фешенебельного американского курорта Колорадо-Спрингс. Турнир выдался очень тяжелый. Сборные СССР, Чехословакии и Канады играли между собою в два круга. Сначала мы обыграли и тех и других, а потом потерпели поражение от Чехословакии. Чтобы завоевать первый приз, мы обязательно должны были победить канадцев. А накануне получили довольно серьезные травмы Александров и мы с братом. Положение Женьки осложнилось тем, что он уже страдал одной тяжелой и хронической травмой — привычным вывихом плечевого сустава. При всяком резком столкновении с противником, если плечо не удавалось уберечь, Женька надолго выходил из строя, причем любое движение сопровождалось мучительной болью. А тут, как назло, он повредил другое плечо. Это означало, что на поле он должен был выйти практически безоружным: ведь в нынешнем хоккее беспрерывное силовое единоборство неизбежно, а тем более когда играешь с канадцами.

Характер у моего брата очень скверный. Он вскипает моментально. И тогда его язык намного опережает мысли. Чаще всего он сам потом жалеет о сказанном. Но слово не воробей… Так было и на собрании команды перед тем матчем с канадцами. Александров объяснил ясно, толково и спокойно, почему он не может выйти на поле, и был освобожден. А когда настала очередь Женьки и от него потребовали, чтобы он принял участие в игре, он тут же распалился и, вместо того чтобы рассказать все как есть, брякнул:

— Ну вот, буду я еще перед публикой позориться!..

Тогда же, на собрании, тренеры обвинили его в эгоизме, пренебрежении интересами коллектива и прочих семи смертных грехах. А он не нашел ничего лучшего, как в ответ нагрубить, да еще и хлопнуть дверью.

Уверен, что тот новогодний случай решил его судьбу как игрока сборной.

Конечно, хоккей не легкая атлетика, и точных измерителей в нем нет. Могут теперь сказать и так: «А при чем тут Канада? Стал хуже играть, вот его и отчислили». Что тут возразишь? Тут ведь не прибегнешь в споре к рулетке или секундомеру. И все же я настаиваю на своем: судьбу моего брата решили соображения не деловые. Во-первых, Женька не первый, кому пришлось на время или насовсем прощаться со сборной, но никого и никогда ни до, ни после него не выпроваживали так бесцеремонно. Игрока, даже самого безнадежного, обязательно приглашали к себе тренеры и вели с ним напутственную беседу. Мы, мол, прощаемся с тобой не насовсем, ты старайся, тренируйся, работай, и путь обратно тебе не заказан. Между прочим, Владимир Брежнев и на самом деле не раз уходил и не раз возвращался в сборную. Женьке не сказали ни слова. Просто прислали бумагу в «Спартак». И все.

Когда эта злосчастная телефонограмма пришла в «Спартак», мы со Славкой отправились на прием к Ю. Д. Машину, тогдашнему председателю Центрального совета спортивного союза. Мы рассказали ему обо всех своих сомнениях, просили его потолковать с тренерами сборной о нашей тройке, уговорить их вернуть Женьку в сборную. Машин обещал. Не знаю, беседовал ли он с Чернышевым и Тарасовым, думаю, что да.

Но в таких случаях последнее слово обычно всегда за тренерами. Женька остался дома, а в Тампере поехал Ионов.

Я ни в чем не могу упрекнуть Толю Ионова. Он делал в Тампере все, что мог. Но мог он в нашей тройке очень немного: мы играли в разный хоккей. Переучиться за столь короткий срок он был не в состоянии. Да и ни к чему это было — ведь после чемпионата ему предстояло вернуться к своим постоянным партнерам, которые *к* нему привыкли и рядом с которыми он как раз на месте. И он очень страдал. Страдал, пожалуй, даже больше, чем мы. Ни я, ни Славка, хоть мы и не славимся особой сдержанностью, не сказали ему в Тампере ни одного худого слова, ни разу не повысили голоса в разговоре с ним. Но однажды его явная растерянность в каком-то игровом эпизоде вызвала такую гневную тираду Эдуарда Иванова, что Толя, опустившись на скамейку запасных, расплакался. К нему подошел Тарасов, утешал, просил, требовал, чтобы он успокоился, но Ионов, для которого всегда любое слово его тренера было непреложным, на этот раз ничего не мог с собой поделать.

Закончилось первенство мира, и мы вновь стали играть своей тройкой. Мы решили не унывать и доказать, что случай с Женькой — эпизод, что мы сильны именно втроем. Но видимо,

тренеры мысленно навсегда вычеркнули Евгения из списков сборной. К его кандидатуре больше не возвращались. Если других — и постарше — вновь и вновь испытывали, проверяли, включали во вторую сборную, отправляли в зарубежные поездки, то по отношению к Женьке тренеры всем своим поведением словно давали понять: на тебе поставлен крест.

Его место в Любляне занял Виктор Якушев. С ним нам, конечно, было тяжелее, чем с Женькой, но все же легче, чем с Ионовым. Якушев — игрок необычайного таланта. Он так понимает, видит и чувствует хоккей, как это дано немногим. По существу, в Любляне мы с ним играли «с листа» после двух-трех совместных тренировок. Когда выяснилось, что нам предстоит играть вместе, мы вкратце рассказали Виктору, как любим и привыкли действовать в тех или иных ситуациях, и все сразу же пошло сносно. Последний же матч чемпионата, матч со сборной Чехословакии, в котором наша тройка открыла счет и за первые пять минут забросила три шайбы, мы и вообще провели здорово.

К началу следующего сезона, сезона Вены, хоккейная карьера моего брата завершилась. Он ушел рано, ему не было и тридцати. Сказалась и старая травма, которая с годами давала знать о себе все сильнее. Но не последнюю роль сыграло и уязвленное самолюбие. Мы продолжали играть в сборной, каждый год пополняя свои коллекции золотых медалей и нежась в ласковых объятиях славы, а Женька, чувствуя себя ничем не хуже и продолжая играть вместе с нами в «Спартаке», должен был на время мировых чемпионатов и международных турниров отходить в сторону и уступать свое законное (как считали и он и мы) место кому-то другому.

Не знаю, может быть, я слишком здесь пристрастен. Другим я быть не могу — речь идет о моем брате.

Итак, Женька ушел. И сезон 1966/67 года можно считать началом новой эры в истории нашей тройки. Тренер «Спартака» Бобров определил к нам правым краем 19-летнего Евгения Зимина. Сколько должно было утечь воды, сколько пришлось нам попортить друг другу настроения и нервов, прежде чем новое наше звено стало не хуже того, прежнего! Чтобы понять это, надо знать, что это за личность — Женя Зимин.

Хоккеист он, как говорится, от бога. Скорость, сметливость, храбрость, техничность — всеми этими и многими другими достоинствами природа наделила его в избытке. А вместе с ними дала ему солидный запас самоуверенности и тщеславия. Хоккейное поле было для него тем местом, где он, и только он, Евгений Зимин, должен обводить противников, забивать голы и срывать аплодисменты. Партнеры интересовали его постольку,

поскольку они могут помочь ему в этом деле. Коллективной игры он не понимал и в душе не признавал. Был он тогда парень на редкость симпатичный, обаятельный и одновременно упрямый и своенравный. К тому же успехи — не только на площадке, а и у девушек, у приятелей — давались ему легко. А потому каждый свой шаг в жизни и в хоккее он считал самым правильным и самым лучшим. Что же касается характера, то в этом он немногим уступал своему тезке и предшественнику — моему брату.

Вот какого партнера получили мы со Старшиновым. Очень уж многое в нем вызывало наш внутренний протест. Каждый из нас тоже имел право считать себя солистом, но всю свою хоккейную жизнь мы исповедовали одну веру — веру в коллективную игру. Мы не без основания считали, что именно ею в первую очередь и сильна наша тройка. Ломать себя, менять свои убеждения мы, люди, которым такая игра принесла и признание, и победы, и медали, не хотели и не могли ради мальчишки, еще, в общем, ничем себя в хоккее не проявившего. Да и к чему менять то, что всегда приносило самые лучшие плоды?

Нет, с юным Зиминым мы не церемонились, как церемонились в Тампере с уже взрослым, сложившимся игроком Анатолием Ионовым. Мы шпыняли его, мы не стеснялись с ним в выражениях, мы ссорились с ним и на поле, и на скамейке запасных, и на тренировках. Он обижался, огрызался, просил перевести его в другую тройку. Но, с одной стороны, нас поддерживал тренер В. М. Бобров, понимавший, что правда на нашей стороне. А с другой — сам Женька, парень хоть и упрямый, но умный, способный и схватывающий все на лету, пусть и не без сопротивления, но очень быстро впитывал в себя наши уроки. Во внутренней борьбе, в конфликтах мы находили общий язык. К середине сезона тройка стала складываться. И она наверняка сложилась бы к началу венского чемпионата мира, но все плоды нашего общего труда едва не пошли насмарку.

Как всегда, последнюю проверку перед чемпионатом мира кандидаты в сборную проходили в Канаде. Там мы играли совсем неплохо поначалу. Зимин стал уже превращаться в настоящего коллективного игрока. Он не передерживал шайбу, не стремился во что бы то ни стало сделать все сам, он научился в каждой игровой ситуации находить партнеров и сообразовывать свои и их намерения. До сих пор не могу понять, в чем тут дело, но именно такая игра вызвала недовольство тренеров сборной. Они обвинили Зимина, человека отчаянной храбрости, да еще и страшно обидчивого, в том, что он трусит. Что только поэтому он и не берет игру на себя, а старается побыстрей отделаться от шайбы. Едва услыхав это, мы со Славкой поняли, что все наши

труды пошли насмарку. Мы-то понимали, что это значит — обвинить в таком оскорбительном для любого человека недостатке Женьку Зимина с его гордостью и честолюбием. С этого момента хоккей перестал для него существовать. На площадке он только и занимался тем, что демонстрировал свою беззаветную отвагу. Он лез на рожон, пытался прорваться в одиночку к чужим воротам, ввязывался во всякую потасовку. Он зарабатывал синяки, шишки и репутацию драчуна и нарушителя правил. Все чаще и чаще он вынужден был проводить время на скамье штрафников. Игра нашей тройки расклеилась, последние матчи в Канаде мы провели слабо. В Вену Женька не попал…

Что делать — не везет у нас в тройке Евгениям… Я все-таки думаю, что все эти мытарства оттого, что у обоих нелегкие характеры. Оба они действительно люди не очень-то уживчивые. Но не знаю, как кому, а по мне главное — был бы у человека характер. Пусть плохой, но характер. Хотя с бесхарактерными легче. Представьте себе, чем стала бы наша сборная, не будь ее тренеры людьми с сильными характерами. Тоже неуживчивыми и нелегкими, но твердыми и своеобразными. Но к сожалению, терпимости обоим им хватало далеко не всегда…

В Гренобль Зимин все же поехал. Участие его в олимпийском турнире до самого последнего момента было под большим вопросом, да и, находясь уже во Франции, он знал, что играет до первой неудачи: на скамейке запасных сидит готовый в любую минуту занять его место Вениамин Александров. По себе знаю, насколько это тяжело и неприятно — играть, чувствуя, что тебя вот-вот заменят. Женька нервничал, ошибался и в конце концов действительно поменялся местами с Александровым. Так бы мы и доиграли чемпионат в таком составе, который не очень устраивал ни нас, ни, по-моему, Александрова, но наш ветеран получил в одном из матчей серьезную травму, и тренерам волей-неволей пришлось вернуть на поле Зимина.

Вот когда наш молодой партнер заиграл по-настоящему. Ничто теперь ему не мешало, никакие мысли о замене не тяготили его ум. Теперь это был тот самый Зимин, к которому мы привыкли в «Спартаке», — азартный и вместе с тем расчетливый, одновременно стремительный и осмотрительный, жадный до шайбы, но знающий меру и помнящий о партнерах.

Кажется, годы мытарств ушли в прошлое окончательно и бесповоротно. Однако не тут-то было. Пожить в сборной маломальски спокойной жизнью Зимину так и не удалось. Сезон Стокгольма он начал не очень удачно. Диагноз тренеров сборной: лень, нежелание тренироваться, слабоволие. Мера лечения: отчисление из сборной. Поверьте мне: уж в чем другом, а в

безволии и лени Зимина не обвинишь. Мы убедились, возвратившись из Вены, какие горы способен своротить этот парень на тренировках, как упорно умеет он идти к цели. Недаром же он все-таки добился своего и поехал в Гренобль.

На этот раз тренерам пришлось признавать свою ошибку. Поняли они, что лекарство выбрано не то. Усталого и измотанного канадским турне в составе второй сборной, Женьку сразу же после возвращения из-за океана пересадили с самолета на самолет и отправили в Стокгольм, на чемпионат мира.

Дальнейшее читателю известно…

История взлетов и падений спартаковской тройки, вероятно, занимательна сама по себе. Но, решив ее пересказать, я отнюдь не собирался развлекать читателя.

Мне просто хотелось показать, насколько сложный это организм — хоккейная тройка, как нерасторжимы составляющие части, как болезненно переносит она всякое хирургическое вмешательство.

Но… что и говорить — без хирургии нет медицины.

День шестой
STOCKHOLM

С нами здесь кинорежиссер Станислав Ростоцкий и киноактер Георгий Жженов.

Сегодня мы ездили на встречу с сотрудниками нашего торгпредства.

…Думал, что берут меня просто так, за компанию. Но пришлось выступать перед работниками торгпредства.

Спрашивали о том, о сем всюду: почему не участвую в чемпионате, что делает сейчас мой брат, почему так рано сошел Саша Лльметов, как распределяют между собою обязанности Чернышев и Тарасов, собираюсь ли защищать диссертацию?..

Оказалось, что наши слушатели очень смутно представляют себе, что это такое — спортсмен. Для них спортсмен — это тот, кто сделал утром зарядку перед раскрытой форточкой, провел два вечера в неделю в бассейне, походил в воскресенье на лыжах.

Я рассказал о том, что представляет собой наш сезон, как много тренируемся, сколько проводим за год игр. Начался обычный в таких случаях разговор на тему «Спорт и учеба», тему неисчерпаемую и запутанную, которую можно обсуждать хоть сутки. Продолжалась она и за столом, где пришлось «нарушить режим» — очень уж приятные люди в торгпредстве… СПОРТ И УЧЕБА. В самом деле, тема и сложная, и неисчерпаемая, и деликатная. И каждый из нас ее решает по-своему.

Вот Саша Рагулин подумывает об аспирантуре. Впрочем, если он и изберет научную деятельность, то все равно будет связан с хоккеем. Он закончил факультет физвоспитания МОПИ, значит должен в аспирантуре заниматься спортивной темой. А раз спортивной, то почему бы и не хоккейной? Он ведь в этом деле уже профессор.

Кстати, прошлым летом состоялся у меня любопытный разговор со старым моим приятелем Костей Денщиковым. Мы с ним учились в одной группе, вместе закончили институт. Он теперь солидный человек, кандидат технических наук. Позвонил он мне как-то и попросил выступить у них на предприятии. Вот едем мы с ним туда, и он мне рассказывает:

— Меня о тебе на работе спрашивают: правда ли, что Борис Майоров собирается бросить хоккей и серьезно браться за научную деятельность, за кандидатскую диссертацию? А я им отвечаю, что не знаю, но если собирается — дурак. Я бы на его месте ни за что это не стал делать. Зачем, говорю, ему эта

кандидатская диссертация, если он в хоккее уже давно доктор наук, профессор?

В общем-то, я и сам давно оставил мысль о том, чтобы уйти из спорта. За годы жизни в спорте так втягиваешься в круг его интересов, так обрастаешь друзьями, делами, мыслями, связанными с ним, что разорвать этот круг уже невозможно. Спорт поглощает человека целиком и не хочет выпустить его. Я сказал «человека» не случайно. Если б такое случилось только со мной, я бы не стал обобщать. Но люди, отдавшие большому спорту значительную часть жизни и все-таки расставшиеся с ним, получив какое-то специальное образование, — редкость. Скажем, Шатков, ставший кандидатом юридических наук, или Попенченко, кандидат технических наук, — лишь исключения, которые только подтверждают правило. Да и то «расстались» — понятие относительное. Вечно я встречаю их имена в связи с боксом. То они комментируют по телевидению одни соревнования, то едут за границу на другие, то пишут в газетах о третьих, то выступают где-то с рассказами о боксе. Выходит, и у них спорт занимает полжизни.

Вот возьмем хотя бы ветеранов, приехавших в Стокгольм. Ну, предположим, с Сашей Рагулиным все ясно: будет он учиться дальше или нет, а хоккей он не бросит никогда. А какое будущее ждет Старшинова, который сдал аспирантские экзамены в МАТИ, или Володю Юрзинова, закончившего факультет журналистики МГУ? Спроси их об этом сейчас, и они ответят: «Пока не знаю, не решил». Правильно, пока не знают, потому что есть еще время подумать, над ними еще не каплет. Женька, мой брат, тоже в их положении так рассуждал. Бросив играть, устроился даже в проектный институт по специальности, старшим инженером. А сейчас руководит хоккейной школой «Спартака». Или Всеволод Бобров. Он ведь окончил Военно-воздушную академию когда-то, а работает все же тренером.

Нет, от спорта никуда далеко не уйдешь. Мне, видно, тоже не судьба. Но вот вопрос: раз ты все равно остаешься в спорте, так стоило ли тратить столько времени, сил, нервов на все эти бесконечные лекции, семинары, зачеты, экзамены, лабораторные работы, стоило ли недосыпать ночей и тратить свободные дни на зубрежку английских глаголов, химических формул и математических теорем? Ведь разве что десятая доля всего этого может пригодиться в спортивной жизни.

Я много думал об этом. И пришел к выводу: ни часа, отданного учебе, я не потерял понапрасну. Конечно, вы вправе усомниться в моей искренности. Знаете, есть такая категория людей: посмотрит неважный фильм, а потом нахваливает его

своим знакомым, при этом про себя усмехается, дескать, я потерял попусту полдня, так и вы потеряйте. Обо мне ведь то же самое можно подумать.

Знаете ли вы, какая великая вещь свобода? Свобода выбора, свобода самому решать свою судьбу и определять свое будущее. Кто сказал, что я обязан остаться в спорте? Простите, никому и ничем я не обязан. Я имею право остаться в спорте — это другое дело. Но я могу выбирать, все зависит только от меня самого.

Если бы институт дал мне только это и больше ничего, все равно, окажись я теперь снова у порога своего МАТ И, засел бы за подготовку к вступительным экзаменам и проделал бы весь этот длинный путь с самого начала.

Вы думаете, решение остаться далось мне легко, без мучительных раздумий и колебаний? Это только так кажется, что в спорте все чисто, все честно, все совершенно, что у нас всегда и везде во главе угла стоит один принцип: «Пусть победит сильнейший». В спорте тоже есть своя кухня, и, как на всякой кухне, здесь хватает всего. И когда столкнешься иной раз со спрятанным где-нибудь за выставленными напоказ накрахмаленными занавесями помойным ведром, очень хочется бросить все и уйти. Наверное, и в мире науки и в актерской среде тоже есть свои кухни с такими вот ведрами, но ты-то этого не знаешь…

Что ж, я могу уйти. А может ли уйти мой старый товарищ по сборной, человек, с которым нас связывает давняя дружба, Саша Альметов? Лучшего хоккеиста, чем он, я не знаю. Более доброго, мягкого и порядочного человека — тоже. Но он пришел в хоккей после десятилетки, а дальнейшую учебу все откладывал на потом. А годы бегут, их не остановишь. И бегут они, главное, незаметно. И нет уже Альметова ни в составе сборной, ни в ЦСКА. Пусть он ушел слишком рано, но и еще два-три года ничего бы не решили. Он остался без выбора. Да, он был профессором на площадке. А станет ли он профессором в тренерском деле — это еще очень большой вопрос. Что там ни говорите, а нелегко представить себе профессора без образования. Между тем Альметов, с его врожденной интеллигентностью, с его способностью все воспринимать на лету, мог бы сейчас быть сам хозяином своей судьбы.

У другого моего старого товарища, тоже выдающегося спортсмена и тоже человека серьезного, умного и глубоко порядочного, Виктора Якушева, нет за плечами и десятилетки. Ему уже за тридцать, и у него, как говорится, «незаконченное среднее». Он, правда, еще имеет, кажется, диплом помощника машиниста электровоза. Не уверен, что он мечтает

совершенствоваться в этой профессии. Что же ему делать? Теперь садиться за учебники? Но в тридцать лет это в сто раз трудней, чем в двадцать. Не те мысли, не те заботы, не та восприимчивость — не тем голова занята…

Но дело не только в возможности выбирать себе дорогу. Чем бы человек ни занимался, он обязан тренировать свою мысль, развивать в себе способность думать. Нам, спортсменам, особенно понятно, что значит отсутствие тренированности. Но ум ведь чахнет так же, как и мышцы, если его не тренировать. Я знаю, как страшит многих людей необходимость работать над книгой, необходимость решать какие-то задачи. Меня это не пугает. Пусть жизнь более не столкнет меня с механикой или высшей математикой, однако я знаю, как подойти к книге, как за нее взяться, с чего начать. Я не засну над методической брошюрой и не завязну в дебрях самого толстого учебника.

И потом, будем откровенны, спорт не обязывает человека иметь какой-то минимальный уровень общего развития. Здесь твоя человеческая ценность определяется тем, что ты умеешь делать в спорте. В студенческой среде ты не имеешь права отстать в общем развитии от других. В лучшем случае твоя наивность, неосведомленность, неумение выразить свою мысль достаточно ясно вызовут снисходительную, в худшем — презрительную усмешку твоих однокашников. То и другое одинаково оскорбительно. И волей-неволей ты вынужден тянуться за остальными.

Я уже не говорю о том, что при теперешнем уровне развития спорта мало быть самородком, чтобы добиваться выдающихся результатов. Надо еще очень многое знать и понимать. Но об этом сказано и написано столько, что повторяться не стоит.

Однако не ломлюсь ли я в открытые двери, доказывая, что «ученье — свет, а неученье — тьма»? Ведь это всякий и без меня знает. Правильно, теоретически знает. А практически, придя в большой спорт, многие пусть и не говорят об этом вслух, но мысленно решают: или — или, одно из двух.

Впрочем, для меня, так же как и для брата, никогда не существовала такая дилемма: либо учеба, либо спорт. Должно быть, это потому, что мы выросли в семье, где высшее образование для каждого из детей было чем-то само собою разумеющимся. Это вовсе не значит, что мы росли маменькиными сынками. В семье, где пятеро детей, маменькиных сынков не бывает. Две старшие сестры закончили институты, когда стали уже взрослыми: их юность совпала с годами войны, и высшее образование пришлось отложить до лучших времен. Мы же с Женькой, младшие в нашей большой семье, братья-близнецы (по

свидетельству мамы, я родился на 20 минут раньше), закончили школу в 1955 году и, получив свои аттестаты зрелости, тут же отнесли их в институты: Женька — в менделеевский, я — в авиационный технологический.

Мы тогда занимались уже спортом вовсю. Весной 1955 года меня приняли даже в команду мастеров.

Собственно, спорт и в школьные годы отнимал у нас уйму времени. Мы пропадали на стадионе и во дворе целыми днями. Зимой играли в русский хоккей, как только таял лед — начинали гонять футбольный мяч. А когда не играли сами, шли на «Ширяевку» — спартаковский стадион в Сокольниках — смотреть тренировки или матчи «Спартака» по хоккею, хоккею с мячом, футболу. Мы прибегали с «Ширяевки» домой, кидали в угол, подальше от глаз родителей, свои спортивные доспехи, хватали школьные портфели и едва-едва поспевали к звонку, возвещавшему о начале второй смены.

Став игроками детских команд, мы никогда не пропускали ни одной тренировки. И нередко на какой-нибудь там психологии два брата Майоровы, а вместе с ними и ближайший их приятель Димка Китаев делали тайком домашние задания по математике: надо было выкраивать время для хоккея.

Отец, хоть прямо и не наложил вето на наше увлечение, был все же противником спорта. Он боялся, как бы спорт не помешал учебе сыновей. Но со временем смирился и он. Мы поняли это, увидав его однажды на «Ширяевке», на нашей игре. Он стоял среди зрителей и явно стремился остаться незамеченным. Мы не стали признаваться ему в том, что его инкогнито раскрыто, но в душе радовались своей моральной победе.

Думаю, что отца успокоила вполне приличная успеваемость его сыновей. Учителя на нас не жаловались, в наших дневниках редко появлялись плохие оценки, а мне даже удалось закончить школу с серебряной медалью. Никакого героизма в этом, сами понимаете, не было: футбол и хоккей — страсть многих тысяч мальчишек, тем более если живут они по соседству со стадионом, школу же бросают единицы. Да и только ли те, кого «совратил с пути истинного» спорт?

Вуз и команда мастеров — это уже совсем другое дело. И то и другое требуют очень много времени и большой самоотдачи. Конфликт между тем и другим неизбежен. Бывает, он приобретает столь антагонистический характер, что человек решает с одним из двух распрощаться. Чаще в жертву приносится вуз. Тому, кто сделал хоть первый маленький шаг в большом спорте, популярность, слава, заграничные поездки, портреты в газетах — все это кажется совсем близким, стоит только руку

протянуть. А институт… Кем-то еще станешь после шести долгих лет корпения над книгами?..

В общем-то, мне в этом смысле повезло. Но то ли от укоренившегося сознания, что у меня иного пути нет, то ли оттого, что «Спартак» не был тогда заметной командой и не требовал от меня того, что требует от молодых сейчас, то ли оттого, что тогдашний тренировочный режим был куда мягче нынешнего, то ли от всего этого, вместе взятого, мне не пришлось решать гамлетовских вопросов. Я сдавал вступительные экзамены летом, когда команда не тренировалась, ходил на занятия, а оттуда на матчи, я готовился к зачетам, и меня отпускали со сборов. Возвращался из недолгой поездки в Ленинград или Горький и тут же сдавал пропущенную лабораторную работу. И вообще, в тот же Ленинград или Горький мы, студенты, приезжали отдельно от остальных, прямо в день матча. Ну, а если поездка предстояла достаточно долгая, я и вовсе оставался дома. Это было, правда, очень обидно: в 18 лет, когда нигде еще не бывал и ничего толком не видел, поездка, скажем, в такие города, как Новосибирск, Челябинск, Свердловск, — целое событие, о котором можно только мечтать. Но ничего не попишешь — экскурсии приходилось откладывать до лучших времен.

Не думайте, что положение игрока команды мастеров давало мне в ту пору хоть какие-то привилегии как студенту. О том, чем я занимаюсь вне института, в деканате понятия не имели. Единственное, на что я мог рассчитывать, так это на кое-какие поблажки, как игрок институтской команды. Однако весь объем работы, который положен любому студенту дневного отделения, был положен и мне. Никаких «хвостов» мне не простили бы. Поступивший вместе со мной и в институт и в команду мастеров Дима Китаев не сдал один экзамен зимней сессии (не успел подготовиться из-за хоккея), и его не допустили к летней, а осенью отчислили из института совсем. Словом, наши спортивные увлечения преподавателей не интересовали.

Но мои первые студенческие шаги относятся к той еще поре, когда спорт, хоть и отнимал у меня много часов, не претендовал все же на первое место в моей жизни. Я и в команду мастеров попал как бы «зайцем» (из юношеского возраста я вышел, а русского хоккея в «Спартаке» не было, вот меня и зачислили в «шайбу», чтобы сохранить клубу подающего надежды футболиста), и серьезного значения я своему успеху не придавал. Я находился в глубоком запасе, никто не замечал моего отсутствия на тренировках, даже если я не появлялся месяц, и вообще меня больше волновали дела институтского футбола и хоккея, где я считался человеком незаменимым.

Переломным в этом смысле можно считать ноябрь 1956 года. «Спартак» влачил тогда жалкое существование в первенстве страны по хоккею, и начальство, как часто бывает в таких случаях, решило прибегнуть к экстраординарным мерам — резко омолодить команду. Нас с Димкой Китаевым вызвали в клуб и сказали, что мы теперь будем постоянно играть в основном составе. Помню, первый свой матч от звонка до звонка я провел против «Крылышек», в те времена одной из сильнейших команд страны. Сыграли мы, в общем, удачно, вели 3:1 и проиграли с минимальным счетом — 3: 4. Вот когда я почувствовал, что становлюсь серьезным спортсменом, что в спорте меня может ожидать какое-то будущее. Да и просто приятно было сознавать себя полноправным игроком команды мастеров, приятно было ощущать уважительное отношение ребят, с которыми недавно еще вместе играл в юношах.

Теперь мне стало по-настоящему трудно. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы пропустить игру или тренировку, а отказ от участия в поездке вызывал неминуемые трения с Анатолием Владимировичем Сеглиным, который тренировал нашу команду и с которого спрашивали за каждое не добранное «Спартаком» очко. И все же приходилось пропускать долгие поездки. Я ведь учился в техническом вузе, где никакие учебники, никакие конспекты лекций, одолженные у товарища, не спасут. Ты обязан выполнить и сдать определенное количество лабораторных работ. И никто за тебя этого не сделает. Вот и приходилось крутиться как белка в колесе. И не то чтобы я или Женька уставали, мы тогда не знали еще, что это такое — уставать. Нам просто не хватало суток, чтобы управиться со своими учебными и спортивными хлопотами.

Женьку позже меня приняли и в команду мастеров, и в институт (не попал в менделеевский, а в наш прошел по конкурсу лишь со второго захода). И однажды наша недельная поездка в Ленинград совпала у него с экзаменационной сессией. Вот как провел он эту неделю. Команда приехала в Ленинград, как и положено, накануне первого матча, ему же пришлось выходить на поле после ночи в поезде, где как следует не выспишься. Прямо со стадиона он отправился на вокзал, а утром был уже в Москве, в институте. С экзамена заглянул домой — и снова на поезд, снова матч после полубессонной ночи…

А ведь нам было полегче, чем ну, скажем, Саше Якушеву или Володе Шадрину, нашим же спартаковцам, которым сейчас примерно столько лет, сколько нам было тогда. Мы не играли в сборной, не ездили в ее составе в месячные зарубежные турне, у нас не было таких нагрузок и таких напряженных сезонов.

Впрочем, Славка и Женька, правда, не в такой мере, но все это застали. Я же миновал самое трудное — первые три курса, пока мы не были еще в сборной.

И хоть мне было легче, чем им, я однажды вступил на ту грань, за которой очень часто следует отчисление из института. Воспользовавшись первой же представившейся возможностью, я взял академический отпуск на год. Это было на третьем курсе. Уговорить себя взять отпуск нетрудно: тяжелый сезон… устал… потом наверстаю… подумаешь, год… Одним словом, месяцев на девять я забросил мысли об институте и вовсю наслаждался хоккеем, не отягощаемый и не отвлекаемый никакими заботами о «хвостах» и лабораторных работах. Вы даже не представляете себе, ценой какого труда, какого напряжения воли досталось мне возвращение в институт. Хорошо еще, что я попал в замечательную группу, где оказалось много моих настоящих друзей, и это очень помогло мне, особенно на первых порах. А то, может, я так и не уцепился бы за «подножку науки».

Я не зря стал вспоминать о своих злоключениях более чем десятилетней давности. Не все ли в конце концов равно, пропустил я учебный год или нет, трудно мне было догонять своих товарищей или легко. Но мне кажется мой опыт кое в чем поучительным. Человеку, с головой ушедшему в большой спорт, если он не хочет остаться без образования, важно не упустить момент, не допустить паузы. Когда после школы ты, не мешкая, поступаешь учиться дальше, а потом не переносишь сессий, не откладываешь зачетов, ты привыкаешь к специфике такого режима жизни, и он не видится тебе ни чрезмерно утомительным, ни противоестественным. Ты живешь этой жизнью, она для тебя нормальна. Ты, как локомотив, набравший со станции постепенно нужную скорость, не испытываешь особой тяжести на подъемах, ты преодолеваешь их с ходу. А остановился, и надо подавать назад, чтобы разогнаться. И ноша вдруг начинает казаться непосильной. Ты ведь от нее отвык, расправил плечи, а надо подставлять их снова.

Понимаете, хорош тот путь, который естествен. Тогда ко всему вырабатывается естественное отношение. Помню, летом 1959 года нас включили в число кандидатов в олимпийскую сборную. Все остальные кандидаты поехали на Кавказ проходить акклиматизацию в условиях высокогорья — игры назначены были в Скво-Вэлли, в горах, а мы, все трое, остались. Нас особенно и не тащили — понимали, что у нас экзаменационный период. Да если бы и звали, мы бы все равно отпросились. Теперь такого не бывает. Вот, представьте, отпустили бы меня или другого игрока со сборов. Я бы задумался: а может, я не нужен больше? Потому

что, если ты нужен, никто и никогда тебя не отпустит. У нас, во всяком случае, в хоккее считается, что вне сборов ты и режим соблюдать не будешь, и форму растеряешь, и еще кучу всяких грехов обязательно совершишь.

А на сборах к экзаменам не подготовишься. Это только в очерках пишут о людях, которые на сборах сидят над учебниками и успешно осваивают математику или там язык. Чтобы заставить себя в окружении людей, живущих определенными, одними и теми же интересами, отключиться от этих интересов, самому никого не замечать и сделать так, чтобы все тебя не замечали, для этого надо обладать сверхъестественной волей либо особой страстью к науке. Но мы же спортсмены, мы обыкновенные люди, и ничто человеческое нам не чуждо.

Еще раз повторю — мне повезло. Я закрепился в сборной, будучи студентом пятого курса. Лекций и курсовых работ уже почти не стало, центр тяжести к этому времени был перенесен на самостоятельные занятия. На пропуски и переносы экзаменов смотрели сквозь пальцы. Кое-какими привилегиями пользуются уже не только избранные, а многие студенты. Тогда и я в связи со множеством поездок «Спартака» и сборной дважды сдвигал сроки сессий.

Женьке и Славке приходилось хуже — они учились еще на младших курсах. Но тоже как-то выходили из положения. Славка как раз из числа людей, которые наделены необыкновенной волей и целеустремленностью. Женька попал в одну группу со своей будущей женой, которая училась блестяще и занималась с Женькой, как только у него выдавалась свободная минута.

По-моему, никогда в жизни я не испытывал такого чувства, как тогда, когда защитил дипломную работу. У меня словно гигантская гора свалилась с плеч. Было лето, прекрасная погода, я был свободен, мог заниматься чем хочу и не думать ни о каких долгах. А как вы думаете, что делал я первые три дня после защиты? Не поверите — чертил. Честное слово, чертил. Чертил диплом своему товарищу. Он должен был защищать его в конце месяца, но не успевал, ему было трудно — жена, дети. И мы с ним сидели три дня с утра до ночи и все успели. В другое время мне, пожалуй, и в голову не пришла бы такая мысль — делать кому-то чертежи: мне бы со своими делами управиться, мне и для себя суток не хватает. А тут подумаешь — три дня! Их, этих дней, у меня теперь впереди вон сколько!

Настроение у меня было превосходное, чувствовал я себя прекрасно, хотелось двигаться, что-то делать, как-то тратить освободившийся запас энергии, который казался мне беспредельным. Я защитил диплом 5 июня, три дня помогал

чертить Жоре Корнишину, а 19 июня уже играл в футбол против «Пахтакора», впервые в жизни играл в футбол за команду мастеров. (Между прочим, я могу считать себя соавтором знаменитого клича «Шай-бу! Шай-бу!», который теперь знают, по-моему, на всех стадионах мира. Это тогда, 19 июня 1961 года, спартаковские болельщики, увидав на футбольном поле хоккеиста, стали подбадривать нас таким оригинальным способом: «Шайбу! Шай-бу!»)

Диплом я защищал уже после распределения. Меня оставили при институте. Где бы вы думали? На кафедре физкультуры. «Налаживай, — говорят, — спортивную жизнь МАТИ и одновременно готовься в аспирантуру». Я был рад: уж с этой кафедрой я свои хоккейные дела как-нибудь улажу, а с аспирантурой видно будет: заканчивая институт, я ни о какой научной деятельности и не помышлял. Но аспирантура тем не менее вошла в мою жизнь, вошла раньше, чем я того ожидал.

…Наступил сентябрь, пора было выходить на работу. И тут выяснилось, что место, на которое меня прочили, занято. Что делать? Я грустный бродил по институту и вдруг встретил профессора Николая Ивановича Полякова, заведующего кафедрой, отличного человека, который очень мне симпатизировал. Ему, видно, приятно было, что у него на кафедре занимается довольно известный спортсмен, член сборной СССР, и он всегда интересовался моими делами, расспрашивал о жизни, о хоккее. Я рассказал ему о своей беде.

— Брось ты переживать, — махнул рукой Николай Иванович. — Пустяки все это. У нас на кафедре есть место старшего лаборанта. Давай к нам. Будешь работать и диссертацию потихоньку готовить.

Выбирать мне особенно не приходилось, да и предложение профессора льстило. Недолго думая, я согласился.

Моя работа заключалась в том, чтобы помогать преподавателям проводить со студентами лабораторные работы. Снова пришлось засесть за учебники (к работам-то надо готовиться, особенно поначалу), снова началась трудная жизнь. Мы уже прочно вошли в состав сборной, хоккей требовал от каждого из нас всего времени и сил без остатка. А играли мы, как назло, неровно, со срывами. И ужасно переживали свои неудачи. Положение игрока сборной обязывает. Надо всегда быть «на уровне», иначе еще обвинят в зазнайстве, или скажут, что попал в сборную случайно, или что наш швейцарский успех — просто удача. В общем, это было нервное, суматошное, нелегкое время. Мне было 23 года — еще играть и играть, — но меня тогда уже раздирали противоречия: не пора ли бросить хоккей и целиком

переключиться на дело, которое я еще считал для себя — если не сейчас, то в будущем — основным?

— Сколько лет ты будешь еще гонять по полю шайбу? — говорил мне профессор Поляков. — Ну три, ну четыре года. Только время потеряешь. А способности к научной работе у тебя явные. Сдавай в аспирантуру, года через три станешь кандидатом наук, будешь преподавать. Работа интересная. Всегда с людьми. Ну и материальная сторона… Сам понимаешь…

Я вообще легко поддаюсь уговорам, особенно если уговаривает меня человек, которого я уважаю. Я поступил на курсы соискателей, сдал на «отлично» кандидатский минимум по философии и на четверку экзамены по английскому и спецпредмету.

Так началась моя аспирантская жизнь. Я увлекся своей новой работой и делал ее охотно и с интересом, хотя чувствовал уже, правда не признаваясь в этом даже самому себе, что от спорта мне никуда не уйти, что я не сумею уже жить вне его интересов, вне его страстей, радостей и огорчений. Я трудился много и с удовольствием, любыми путями выкраивая время для занятий, то отставая, то наверстывая упущенное. Так, например, после Инсбрукской олимпиады и трудного сезона 1964 года у меня образовалась задолженность по языку: миллион печатных знаков технического текста и двести тысяч знаков — газетного. И за два с половиной месяца от этого «хвоста» ничего не осталось. Сейчас даже самому не верится, что я мог совершать такие подвиги во славу науки.

И вот летом 1966 года четырехкратный чемпион мира и диссертант Борис Майоров — в который уже раз в жизни — принимает решение, как всегда «окончательное и бесповоротное»: с хоккеем прощаюсь навсегда, принимаюсь за диссертацию. Ребята уехали отдыхать, а я провел все лето на одном заводе: точил образцы, рассчитывал, изучал литературу, начал писать вступление к диссертации и был чрезвычайно доволен собой и своей новой жизнью. Но все мои благие намерения пошли прахом, как только в Москве появился первый искусственный лед и по бортам хоккейных полей застучали шайбы. Я сыграл за свою команду матч, другой, третий, а потом…

Потом была победа в Вене, одна из самых прекрасных и ярких наших побед, были данные друг другу обещания «дожить до Гренобля»… Да и как было бросить все это, когда предстояла Олимпиада — самое заманчивое, самое желанное соревнование для любого спортсмена! Мы снова победили, и я искренне считал, что все мечты мои сбылись и я могу поставить точку. Я сообщил свое очередное «окончательное» решение ребятам и тренерам.

Мне никто не сказал «нет», меня никто не отговаривал. Просто, отпуская меня домой со сборов, тренер «Спартака» Николай Иванович Карпов сказал мне на прощание:

— Мы, конечно, во всех матчах на тебя не рассчитываем, но в трудную минуту ты нам помоги. Я тебе, если что, позвоню.

Они уехали в Ленинград, а я остался в Москве. Занимался, отдыхал. Когда команда вернулась, я пошел на тренировку. «Просто так, для себя». Играл на тренировке в четвертой тройке. Потом наступило это самое «если что» — полуфинальный матч на приз газеты «Советский спорт» с «Локомотивом». Я сыграл здорово: забил два гола сам, дал Женьке пас, и он забросил шайбу в пустые ворота. Я чувствовал себя счастливым. Затем был финальный матч с ЦСКА — на приз «Советского спорта», за ним другой — на первенство страны, затем каждое очко стало для «Спартака» на вес золота…

Что там притворяться, уходя, я и сам втайне отлично сознавал, что это попытка с негодными средствами. Я знал, что никуда от хоккея и от «Спартака» мне уже не деться.

Я пишу эти строки летом, когда у хоккеистов каникулы. Сейчас самая пора принимать очередное решение. Но я уже сдался. Я спокойно жду первой тренировки. Вот-вот начнется мой четырнадцатый сезон в команде мастеров «Спартака». Моя научная карьера не начнется уже никогда. И честное слово, мысль эта не вызывает во мне ни тени грусти.

Мне осталось играть недолго: я один из самых взрослых (не хочется говорить — старых) игроков в классе А. Но из хоккея я, уверен, не уйду. Буду тренировать, может быть, судить, обязательно — играть. Не во Дворце спорта, так на «Ширяевке», не за «вторую клубную», так за ветеранов.

Свой четырнадцатый сезон я закончил досрочно. Теперь я тренер «Спартака». Но играть, как и предполагал, продолжаю. Пока за первую клубную. Наверное, будут и вторая, и ветераны.

Я часто слышу сострадательные речи о том, что вот, мол, бедняги хоккеисты, поскольку нет у них условий для учебы, что надо придумать для них какие-то специальные летние вузы, обеспечить возможность получать образование каким-то иным путем, чем получают его все прочие молодые люди.

Я не верю в искусственные пути. О своем будущем человек должен думать сам. Никто не сделает это вместо него. Конечно, быть большим спортсменом и одновременно учиться нелегко. Но разве в жизни что-нибудь дается легко? Разве легко поднимать на вытянутые руки двухсоткилограммовую штангу, или пробегать за десять секунд стометровку, или забивать голы Мартину, или не давать забивать голы Фирсову, или обводить Давыдова? Мы же

мужественные и сильные люди на площадке. Что же мешает нам быть такими же и за ее пределами?

День седьмой
STOCKHOLM

Мы проиграли. Как и в прошлом году в Гренобле, проиграли сборной Чехословакии. Представляю себе самочувствие наших ребят.

Наверное, как тогда, в Гренобле, молча приехали в гостиницу. Ни у кого нет сил ни говорить, ни думать, ни двигаться. Единственное желание каждого — чтобы тебя оставили в покое. Сидеть бы так и сидеть, ничего не видя и не слыша.

Помню отлично тот вечер.

Спускаюсь вниз, к полю, и вдоль борта иду в раздевалку. По дороге ловлю себя на том, что все внутри у меня неприятно подрагивает и я то и дело потираю руку об руку. Это у меня признак крайнего волнения. Состояние это я ужасно не люблю, но избавиться от него нельзя, пока не выйдешь на поле. Да, но сегодня выйти на поле мне не придется…

В раздевалке гробовая тишина. Все встают почти одновременно, чтобы идти на разминку.

— Размяться как следует, — напутствует ребят Тарасов.

Сразу ясно, что сегодня придется трудно как никогда. Едва наши появились на поле, откуда-то сверху раздается истошный свист. Свист этот поддерживают в разных углах зала. И тут же несколько выстрелов из пугачей. Найти стреляющего нетрудно — над ним взвивается легкий дымок. У нас бы стрелка немедленно выдворили из зала, да еще бы тут же десять суток дали. А здесь полицейские и билетеры — ноль внимания. Наши болельщики пытаются что-то скандировать, чтобы подбодрить ребят, но их почти не слышно. Крики и свист сводят на нет их усилия. Все понятно: стадион против нас. Если мы выиграем, шведам нас уже не догнать, если проиграем, все три лидера снова оказываются в одинаковом положении, и все начнется сначала. И снова у шведов появятся шансы на победу.

Разминка окончена. Когда вхожу в раздевалку, ребята уже там. Сейчас вызовут на поле снова, теперь на игру. Чернышев напоминает:

— Сразу — бурный темп. Подавить на первых же минутах. Начинают спартаковцы. Помните — силовое давление по всему полю..

Ребята поднимаются с лавок. Старшинов выходит из раздевалки первым — таков обычай: капитана пропускать вперед, за ним потянутся все остальные…

Вдруг дверь отворяется, в ней появляется служитель и просит нас подождать. На поле что-то неисправно, и матч задерживается на две минуты. Задержка продолжается не две минуты, а все пять. И я, да, уверен, не только я, но и все, кто был в Гренобле, вспоминают, как там тоже наш матч с Чехословакией начался с опозданием. Там игра задержалась на полчаса. Тогда мы проиграли… Плохая примета. Эта мысль наверняка промелькнула у всех, хоть никто и не высказал ее вслух: спортсмены — народ суеверный.

Наконец можно выходить. Весь аккомпанемент, сопутствовавший разминке, повторяется, только в десять раз сильнее.

Начинают наши, спартаковцы, и уже к исходу первой минуты Зимин отправляется на скамейку штрафников. Две минуты нам предстоит играть вчетвером. Дебют явно не удался. Бывает, что и штраф идет на пользу. Волнения отходят на второй план: почувствовав опасность, команда по-деловому берется за работу. Но сейчас так не получается. Предстартовая лихорадка, бившая ребят в раздевалке и подогретая атмосферой в зале, не унимается. Численное равенство восстановлено, но игра по-прежнему не клеится. Особенно впереди. Ни одной комбинации, ни одного разумного паса, ни одной реальной угрозы.

Еще одно удаление. Всего в первом периоде их было три — непомерно много для такого матча. Они совершенно выбивают команду из ритма. Одни все время на поле и чрезмерно устают, другие перегорают на скамейке. Хорошо еще Зингер выручает. Пока наш вратарь стоит безупречно. Но когда сразу двое наших попадают на скамейку штрафников, и он ничего не может поделать. Сухи, которому никто не успевает помешать, сильнейшим ударом в верхний угол открывает счет.

В хоккее один пропущенный гол, да еще в первом периоде, когда времени впереди много, не страшен. Но у нас очень уж много новичков; чувство ответственности и боязнь проиграть и без того гнут их к земле, а тут еще гол. Чтобы не рисковать, тренеры почти не выпускают молодых защитников Поладьева и Лутченко. И наши практически обороняются втроем. У Кузькина травма. Уж лучше бы у кого-нибудь другого. Виктор всегда здорово играет с командой Чехословакии. Он осмотрительный, умеет завязать игру, если надо, подержит шайбу.

А команда Чехословакии играет очень хорошо. Чувствуется, ребята настроились на игру здорово. Переигрывают нас нашим же оружием. Обычно их подавляет уверенность советской команды в своих силах, какая-то наша непоколебимость. А сейчас все наоборот. Психологическое превосходство на их стороне. И в

единоборствах, в борьбе один на один они то и дело нас побеждают. И такого прежде не было никогда.

В перерывах тренеры говорят об этом ребятам, просят играть жестче, успокаивают: «Один гол — фора маленькая, отыграемся».

В третьем периоде Черны, воспользовавшись несогласованностью наших защитников Поладьева и Ромишевского, проскакивает между ними и забивает второй гол. И хотя время еще есть — впереди больше половины периода, я понимаю: нам не отыграться. Все ребята вроде делают как обычно, но нет жажды гола, не видно стремления победить во что бы то ни стало, сделать что-то сверхъестественное.

В моих ушах до сих пор монотонный голос Славки Старшинова, капитана сборной. Сам он способен своротить горы и совершить на площадке любое чудо, но сказать в нужный момент нужные слова — это не по его части. Подбадривать других он не умеет. Слова, которые говорит он сейчас, из него не рвутся, он бубнит что-то скорее по обязанности.

…У меня перед глазами злое лицо всегда невозмутимого Саши Рагулина. Видно, он чувствует то же, что и я. Он пытается повести за собой остальных и словом и делом, но его не понимают. Да и очень уж мало их, ветеранов, знающих, на что мы, когда нужно, способны.

Сюда бы Костю Локтева и Эдика Иванова или Сашу Альметова и Виктора Якушева… Но их нет.

А игра идет к концу. Наши атакуют, но волнуются, и у них ничего не выходит. Атаки совершенно беззубые, лишенные солидности, несогласованные и какие-то конвульсивные.

Сирена останавливает игру: все кончено. Ребята выстраиваются в середине поля. Не наш гимн звучит на стадионе, не наш флаг поднимается к потолку…

Я иду вслед за ребятами в раздевалку. Все сидят молча. Тарасов в углу что-то быстро пишет в блокноте, Чернышев тихо разговаривает с председателем нашей хоккейной федерации.

Ребята как-то отчужденно смотрят в пустоту… Тишина…

— Ну, поехали, — нарушает ее Чернышев. — Не вешайте носы. Ничего еще не потеряно! Только все начнется сначала.

Ребята уехали в свою гостиницу. У нас в «Мальмене», где живут журналисты, тоже в тот вечер было тихо. Никто не острил. Ни в одном номере не собирались шумные компании, чтобы распить очередную бутылочку. Все работали над своими репортажами молча и как-то невесело.

Я быстренько проскочил в свой номер и бросился на постель…

Не помню всего, о чем я передумал в тот вечер, наверное, как

и ребята, перебирал в памяти все перипетии игры. А еще, это я помню точно, я вспоминал ветеранов.

Как нужны были бы в тот день их мастерство, их оптимизм, их вера в себя и друг в друга! Уж они бы не опустили руки, пока есть хоть капля надежды на успех. А она есть всегда, есть до тех пор, пока не истекла последняя секунда матча.

Людям свойственно идеализировать прошлое и рисовать чудо-богатырями тех, кто оставил арену, тем более если был их соратником. Но я реалист, я не стану даже мысленно восклицать: «Вот бы их сейчас сюда!» И вместе с тем я уверен, что должно утечь еще очень много воды, прежде чем появится такая команда, какой была наша сборная образца 1963–1967 годов.

Мы пришли в сборную в одно и то же время, и разницы в возрасте между старшими и младшими почти не было, за исключением Локтева, которого отделяли от Старшинова семь лет. Нас связывало так много общих интересов, мы настолько одинаково смотрели на вещи, если речь шла о вещах принципиальных, мы настолько ценили и уважали один другого, настолько друг другу доверяли, насколько могут лишь сверстники и настоящие друзья. Может быть, это братство было скреплено первой для всех нас победой здесь же, в Стокгольме, в 1963 году — не знаю. Но оно существовало совершенно реально, а не в моем воображении, не в воображении человека, который идеализирует прошлое.

Одно время было модно обсуждать вопрос, какая тройка нападающих лучше — наша, «старшиновская», или армейская, «альметовская». Мы сами никогда не говорили и не думали об этом. Нам и в голову не приходило делить славу. Я и теперь не хочу думать ни о каких сравнениях и противопоставлениях. Могу сказать только одно: многим из того, что умели мы, «старшиновская» тройка, мы были обязаны им. Они всегда считались старшими, щедро делились с нами тем, что знают. Подсказывали, советовали. Иногда на мировых чемпионатах сильнее играли они, иногда — мы. Но, как бы ни складывалась та или иная игра, все мы были уверены: каждый отдал ей все, что мог.

Мы встречались на площадке и как противники. Тогда мы не щадили друг друга. Бывало, борьба наша становилась настолько злой, что мы выходили за рамки правил. В эти минуты мы могли сказать один другому обидные слова. Но после матча…

— Извини, старик, я был не прав.

— Да брось ты, игра есть игра…

И на этом все заканчивалось.

Спортсмен не выбирает себе партнеров по сборной. Но я

знаю: если бы могли выбирать сами — и не только по игровым, но и человеческим достоинствам, — в сборной тех лет обязательно были бы и «альметовская» тройка, и Виктор Якушев, и Эдик Иванов, и наши вратари, и те из ветеранов, кто дожил в сборной до последнего чемпионата.

А до чего они, если подумать, все разные! И по игре, и по воспитанию, и по образованию, и по характеру, и по увлечениям, и по тому, как складывалась их хоккейная судьба.

Александрова я впервые увидал в 1955 году на «Ширяевке». Я тогда очень мало интересовался хоккеем с шайбой и, кажется, случайно остался на стадионе после своей игры. Вторая сборная встречалась со «Спартаком». По полю носился щуплый белобрысый парень, на которого все показывали пальцами и говорили: «Вот он, Александров». Я его сразу запомнил. Еще бы, парню нет еще и восемнадцати, а он уже играет за вторую сборную! Второй раз я увидал его снова на «Ширяевке». Было уже тепло, и он проходил по нашему стадиону, торопясь куда-то. Он был очень нарядный, в песочном габардиновом макинтоше, который считался тогда последним криком моды. Он и одет был как положено знаменитости, и вел себя так же, не обращая никакого внимания на мальчишек (я был моложе его всего на год), гонявших по полю футбольный мяч.

Потом мы встретились уже на площадке. Но он, конечно же, меня не запомнил. Нас в ту пору и не знал никто, а он был знаменитым центром знаменитой тройки сборной команды страны, тройки Локтев — Александров — Черепанов. Мы уже играли друг против друга, а он был в моих глазах по-прежнему недостижимым и таинственным божеством, которому я готов был поклоняться, как самому Всеволоду Боброву. Когда меня приняли в сборную, я шел на первую тренировку с волнением: как я поздороваюсь с этими корифеями — Локтевым, Альметовым и Александровым, что скажу им при этом, что они мне ответят, не сделают ли вид, что вообще меня не замечают. Все мои опасения оказались напрасными. Я сразу понял, что они видят во мне своего партнера, такого же игрока, как они, что они ия — люди в команде равноправные, делающие одно и то же дело. У меня сразу стало легко на душе.

Александров-хоккеист и Александров-человек совсем не похожи один на другого. На поле это взрыв за взрывом, это сплошной фейерверк, ослепляющий своей яркостью и щедрым размахом. На поле он сразу бросается в глаза. Его стиль, изумительно красивый, невозможно забыть, увидав хоть раз. Вне площадки Александров человек сдержанный, скупой на слова и выражения чувств. Я не помню, чтобы он повысил голос. И нужно

хорошо его знать, чтобы понять, что человекон мужественный и принципиальный. Во время первенства мира 1963 года одна газета обвинила Александрова, который никогда не был трусом, в трусости. Что сделал бы на его месте другой, например, я? Наверно, поступил так, как поступил Женька Зимин, когда ему бросили такое же обвинение, — стал бы лезть в любую драку, чтобы доказать всем свой героизм. Это, если задуматься, самый легкий путь. Александров поступил иначе. Силовая игра не его стиль. Александров, играющий так, — не Александров. Так же, как Старшинов, отказавшийся от силовой борьбы, — не Старшинов. Александров нашел в себе мужество остаться самим собой, не поступился ни одним из своих принципов, прошел мимо унизительных обвинений, словно и не заметил их. И таким образом прекратил всякие разговоры.

Мы особенно сблизились с ним в Гренобле. Должно быть, потому, что чувствовали, что нас остается все меньше, и были мы тогда самыми старшими в сборной. Никогда не забуду, как однажды, когда я, как обычно, начал какой-то спор с тренерами, Венька взял меня за рукав, отвел в сторону и сказал тихо:

— Брось, Боб. К чему это? Побереги энергию. Она пригодится там… — И он махнул рукой в ту сторону, где, казалось ему, находится стадион.

И я понял вдруг, какой он мудрый и серьезный человек и как ему обидно, что я «пылю» попусту и по пустякам…

Да, не так просто узнать, что творится у Александрова в душе. А вот у Саши Альметова все его чувства — доброта, хорошее отношение к людям, сердечность — все написано на лице. Более доброго, обаятельного, более располагающего к себе человека я не знаю. Притом он вовсе не какой-нибудь рубаха-парень, готовый тут же расцеловаться и перейти на «ты» с первым встречным. Сдержанность и врожденная интеллигентность — качества, придающие ему дополнительную привлекательность.

И на поле Альметов производил впечатление интеллигента.

Ни одного резкого, угловатого движения. Сама пластичность и элегантность. Он стремительно бегал на коньках, но казалось, что это не стоит ему ни малейшего усилия, что лед несет его сам. Он владел броском страшной силы, но даже не замахивался, чтобы совершить этот бросок. Он обводил защитников с такой легкостью, будто те сами не хотели вступать с ним в единоборство. Каждое его движение на площадке было исполнено достоинства, красоты и начисто лишено суетливости.

Наш первый совместный чемпионат мира — швейцарский. В отеле «Ла пе» в Лозанне нашу команду поместили в двухместные номера. Женька и Славка по традиции поселились вместе,

Александров с Костей Локтевым, ну а мы расположились в одном номере с Сашей Альметовым. И так уж устроен этот человек, что наша комната тут же превратилась в клуб. Когда нечего было делать, все, не сговариваясь, шли к нам на огонек. Альметов не был ни главным оратором, ни присяжным балагуром в этом клубе. Как и на поле, он не выделялся среди других — говорил немного и негромко. Но каждое его слово было слышно и не оставалось без внимания, поскольку говорил он всегда метко и вовремя.

Вот уж кто никогда не сомневался в наших победах, так это Саня Альметов.

— Да что ты, Боб, конечно, выиграем, — говорил он всегда так просто и уверенно, будто о чем-то само собой разумеющемся. А для меня его тон и слова были как успокоительные капли.

А когда матч заканчивался (а мы с ним после проигрыша в 1963 году шведам не проиграли иа первенствах мира ни одного матча, хотя играли вместе пять сезонов), он обычно напоминал мне о своем прогнозе:

— Вот видишь, я же тебе все правильно говорил…

На мой взгляд, Саша Альметов не получил от хоккея всех почестей, которые причитались ему по заслугам. Он, например, так ни разу и не был назван лучшим нападающим на чемпионатах мира, хотя минимум на двух из семи, в которых участвовал, был достоин этого приза. Но видно, те, кто определяет лучших, рассуждали примерно так: «Он еще успеет, он же еще молодой». А он не успел. Он сошел недопустимо рано, в 27 лет, сошел в том возрасте, когда у большинства хоккеистов только наступает расцвет.

Он ушел, когда в его игре наступил некоторый спад и ему грозила участь надолго перебраться на скамью запасных. А с этим Альмегов, человек, в котором скромность сочетается с большой гордостью, примириться не мог. В его жизни был уже однажды случай, когда он оказался в запасе Тогда он прямо сказал тренеру:

— Я прошу вас поставить меня на очередную игру. Положение запасного меня унижает.

— А плохая игра разве тебя не унижает? — отрезал тренер.

— Сидя в запасе, я не могу заиграть хорошо. Дайте мне возможность играть, и я буду играть хорошо.

Тогда он сдержал свое слово. А на этот раз, в 1967 году, ушел, не сказав ничего подобного. Видно, не чувствовал за собой морального права на такой разговор.

Его проводили с почестями, во время одного из матчей во Дворце спорта, при переполненных трибунах. От имени

спартаковцев я подошел вручить ему какую-то вазу, памятный подарок. Мы обнялись, поцеловались, и я шепнул:

— Не расстраивайся, Саня, все там будем…

В тот момент эти слова казались мне самыми подходящими. А теперь я вспоминаю их, и мне стыдно. Самое легкое — успокаивать человека, это ведь нам ничего не стоит. Все мы знали ведь, что Альметов может вот-вот сойти, что он далеко не самый педантичный исполнитель сурового спортивного режима, соблюдение которого только и может гарантировать хоккеисту долголетие. А что мы сделали, чтобы помочь ему остаться, чтобы продлить хоккейную жизнь выдающегося мастера и превосходного человека, для которого преждевременный уход был несчастьем, потому что он любил хоккей и наша жизнь была его жизнью? А ведь мы считаем себя его друзьями. Плохие же мы друзья, если нас хватает только на то, чтобы утешать. Да, верно, все мы «там» рано или поздно будем. Но Альметов мог еще гіять-шесть лет быть не «там», а «здесь», еще пять-шесть лет испытывать радость и приносить пользу хоккею своим замечательным мастерством.

Такую вот полную, можно сказать, от «звонка до звонка», жизнь в хоккее прожил Константин Локтев. Он покинул ледяную площадку в 33 года, достигнув зенита славы, признанный лучшим нападающим люблянского чемпионата мира. Его чествовали после матча, на который он вышел не свадебным генералом, а таким же бойцом, как все остальные. Это был финальный матч на Кубок СССР. Его команда победила спартаковцев, и он внес в эту победу свой вклад. Спустя полгода он вернулся в ЦСКА на несколько матчей. Вернулся потому, что его команда оказалась в трудном положении и нуждалась в его помощи. Он был не в форме после долгого перерыва, игроки и тренеры это знали, но они считали — и не зря, — что уже само по себе присутствия Кости Локтева на поле достаточно, чтобы вдохнуть в команду новые силы.

Судьба Локтева в хоккее сложилась так счастливо, потому что управлял ею сильный человек. Его судьба была ведь не только счастливой, но и очень трудной. Мне она известна во всех деталях. Дело в том, что я всегда был, если можно так выразиться, болельщиком Локтева. Он наш, спартаковский, начинал на той же «Ширяевке», что и я, только раньше. Помнится, он играл уже в ЦСКА, и я пришел на их матч в Сокольники. Матч был легкий, армейцы выиграли его со счетом 23:0. По тогдашней моде в перерывах на площадку выходил разминаться так называемый «неиграющий состав». Сейчас мне даже смешно, когда я вспоминаю, с какой злостью и возмущением наблюдал за

этим самым «неиграющим составом». И только потому, что среди остальных был и Костя Локтев. «Как же так, — думал я. — Наш, спартаковский, и вот тебе, «неиграющий состав».

Попав в армию, Локтев оказался в Ленинграде и стал играть в команде ЛДО. Оттуда и пригласили его в ЦСКА. Пригласили как раз в тот момент, когда объединились две команды — ЦСКА и ВВС. Почти все «звезды» советского хоккея собрались вместе. На что мог рассчитывать в такой компании никому не известный совсем молодой, да и внешне малоприметный Костя Локтев? В те времена в хоккее была мода на могучих и рослых игроков, а Костя и ростом не вышел. Мне рассказывали, что знаменитый тогда хоккеист Евгений Бабич посоветовал Локтеву:

— Бросай-ка ты, парень, это дело. Тут тебе все равно не пробиться. Возвращайся в хоккей с мячом, там конкуренция послабее.

Может, и послушался бы Локтев совета своего очень опытного и уважаемого одноклубника, если бы не вмешался в разговор Всеволод Бобров, ближайший приятель и партнер по тройке Бабича.

— Не спеши, Макарыч, с выводами. Этот парень еще тебя когда-нибудь заменит. А ты, Костя, его не слушай. Оставайся, и все будет нормально.

Бобров как в воду глядел. Бабич был правым крайним первой тройки ЦСКА и сборной, и это место занял после него Локтев. Думаю, что это был лучший правый край за всю историю нашего хоккея. Но сколько понадобилось ему сил и упорства, чтобы пробиться и завоевать себе место в такой конкуренции!

Он был уже игроком сборной, участником нескольких первенств мира, когда его дисквалифицировали на год. (Наказание было справедливым — Локтев ударил противника клюшкой после остановки игры. Но как должен был вести себя противник, чтобы выдержаннейший и спокойнейший Костя Локтев стукнул его клюшкой!) Целый год он был вне хоккея. Команда надолго уезжала из Москвы, и он тренировался сам. Да и когда игроки ЦСКА возвращались домой, ему было немногим легче: место Локтева в тройке было занято, и он оказывался на льду «четвертым лишним». Однако, когда срок наказания истек, он вновь тут же занял свой привычный пост и в сборной и в ЦСКА. Причем играл он так, что ни у кого не могло даже возникнуть сомнений в возможности замены.

Незадолго до первенства мира 1963 года он получил травму, перед чемпионатом был не в форме, и в Стокгольм не попал. Мы там остро ощущали отсутствие своего капитана. Правда, нам, спартаковцам, все равно не пришлось бы выходить с ним на поле:

мы играли в разных тройках. Но Локтев так глубоко и тонко понимал игру, настолько точно знал, когда и что подсказать партнерам, умел выбрать при этом такой верный тон, что и на скамье запасных он был человеком просто незаменимым.

Мы выиграли тот чемпионат. Мы ехали домой триумфаторами, возвратившими нашему хоккею мировое первенство после семилетнего перерыва. Мы, мальчишки, стали заслуженными мастерами спорта, в наших баулах лежали драгоценнейшие для каждого хоккеиста металлические кружочки — золотые медали чемпионов мира и Европы. А 30-летний Константин Локтев, который заслужил все это больше, чем мы, не получил ни одной из этих наград. И, быть может, думали мы, никогда не получит: в таком возрасте редко возвращаются в сборную, да и чемпионом мира команда становится не каждый год.

Локтев, конечно же, понимал это не хуже нас.

…Наш самолет приземлился в Шереметьеве, и первым, кого я увидал тогда, выйдя на трап, был Костя Локтев, счастливый, улыбающийся Костя Локтев, приехавший обнять нас и поздравить с победой. Следующий чемпионат мира, который одновременно был и олимпийским турниром, наша команда провела блестяще, не оставив своим противникам никаких надежд на успех. Понятно, что каждый из нас старался и для себя, и для команды, и для общей победы на Олимпиаде. Но, честное слово, я не преувеличиваю и не гонюсь за красным словцом, мы не имели права проиграть еще и потому, что с нами был Костя Локтев, который не может остаться без золотых медалей и не получить причитающегося ему звания заслуженного мастера спорта.

Они ушли из сборной по очереди. В Вене уже не было Локтева, в Гренобле — Альметова, в Стокгольме — Александрова. И каждый раз команда остро ощущала очередную потерю. Хоть и говорят, что незаменимых людей нет, но еще очень много просеется разного народа через сито сборной, прежде чем родится новая тройка, по силе напоминающая «альметовскую».

Когда я думаю о трех этих хоккеистах, перед моим мысленным взором обязательно возникает рядом с ними четвертая фигура, их ближайший товарищ и одноклубник Эдуард Иванов. Он, как и Саша Альметов, слишком, недопустимо рано ушел из хоккея, растратив свой редкостный талант за пять лет, хотя мог бы сберечь его надолго. И все мы тоже виноваты в том, что он бесславно доживал свой короткий хоккейный век во второразрядной команде.

Любой нападающий может только мечтать получить в партнеры такого защитника, как Иванов, игрока отчаянно

смелого, умеющего бороться до последней возможности из последних сил и заставить также бороться остальных. Вот уж кто умел повести за собой команду! Лично я лучшего партнера среди защитников не имел никогда, да и представить себе такого не могу.

Есть еще у нас такие защитники: отдал шайбу нападающему точно, а там хоть потоп. Удобно мне ее принять или нет, могу ли я развить в этом положении атаку дальше — это уже не его забота: «Шайба теперь у тебя, вот сам и вьжручивайся, а я свое дело сделал». Иванов так сыграть просто не мог, это было чуждо его духу, его пониманию того, какими должны быть человеческие отношения. Если мне сейчас тяжело, если я не готов принять пас, он будет сражаться в одиночку, будет биться до конца, но удержит шайбу у себя, а мне ее не отдаст. Так он трактовал законы товарищества.

Иванов никогда не был «безошибочным» защитником. Порой он допускал в игре грубейшие промахи, иногда стоившие нам пропущенных шайб. Но и это шло от цельности его натуры. Страсть, желание во что бы то ни стало выиграть матч или помочь другому толкали его на риск, заставляли переоценивать свои силы. Зато потом, искупая вину, он творил невозможное.

Иванов в сборной долго был партнером нашей тройки и, в частности, моим, поскольку оба мы играли на левом краю. По той же причине он, к счастью, никогда не был моим непосредственным противником — в матчах «Спартак» — ЦСКА он боролся с нашим правым краем…

Защищать спортсмена, неравнодушного к спиртному, было бы аморально. Да я и не защищаю. Именно эта страшная слабость сократила спортивный век этого великолепного защитника. Но об одном я обязан сказать. И в этой слабости Эдик оставался самим собой. Нарушив, как принято у нас в таких случаях говорить, режим, он приходил на тренировку и, надев на себя несколько свитеров, трудился больше всех. Таким способом, губительным для собственного организма, он изгонял из себя остатки алкоголя. Он знал, что это страшно вредно, но шел на это, чтобы быть к матчу свежим и не подвести команду.

Сколько знал я спортсменов, которые по части спиртного не уступали Иванову, а потом приходили на игру беспомощными и слабыми, и команда из-за этого терпела бедствие.

Должен сказать еще о двух хоккеистах, должен сказать уже хотя бы потому, что и по своей роли в сборной, и по мастерству они не уступали этим трем. И на них каждый всегда и во всем мог положиться как на самого себя. Если они и стоят чуть-чуть особняком, то только потому, что были единственными

представителями своих клубов в команде. Что ж, это делает обоим — и Виктору Якушеву и Виктору Коноваленко — честь. Все ведь знают, что дверь в сборную для игроков из ЦСКА, «Спартака», «Динамо» открыта шире, чем для остальных. Это, в общем-то, понятно: самые сильные команды, и составлены они из лучших звеньев. Однако оба Виктора такие мастера, что пробились в сборную и в одиночку.

У Якушева и Коноваленко есть и еще одно сходство. Они гораздо больше любят молчать, чем говорить. Для Якушева хоккейная тема, кажется, вообще не существует. Во всяком случае, за полтора почти десятка лет, что мы знакомы, я разговаривал с ним о хоккее один-единственный раз. В Любляне его поставили в нашу тройку, и он задал нам со Старшиновым несколько вопросов о том, что должен делать в тех или иных ситуациях.

Но собеседник он интересный. Умный, наблюдательный и лаконичный. За каждым его словом стоит обычно что-то еще, что он не высказал. Однажды кто-то из журналистов брал у Виктора интервью и задал ему обычный в таких случаях вопрос: на кого из хоккеистов хотел бы он походить. Якушев, не задумываясь, ответил:

— На Гурышева.

Не знаю, обратил ли внимание на эту деталь журналист, но для меня Якушев открылся вдруг по-новому.

В нашем хоккее Алексей Гурышев — абсолютный рекордсмен по количеству забитых на чемпионатах страны шайб. Не знаю, сумеет ли его кто-нибудь догнать, хотя сам Гурышев закончил играть много лет назад. Результативность была его главным достоинством. Якушев тоже был большим мастером забивать голы, и, оказывается, именно это было его любимым делом в хоккее (иначе он не взял бы себе за идеал Гурышева). Но он не стал вторым Гурышевым. Он избрал себе другое амплуа, не менее трудное, но куда более незаметное. Якушева называют чернорабочим хоккея. Это не точное название, поскольку он специалист высшей квалификации. А чернорабочий он лишь в том смысле, что делает на поле работу, которая большинству из нас не по душе: трудится за других в обороне, организует наступление, поддерживает своих партнеров в атаке. Что и говорить, роль неблагодарная. Но Якушев взял ее на себя. Взял не по принуждению, а потому, что тут некому было его заменить.

Много ли среди нас таких, кто способен ради общего дела поступиться своей мечтой?

Очень это заманчиво для каждого хоккеиста — играть в ЦСКА или «Спартаке». Видное положение, всегда обеспечена, на худой

конец, серебряная медаль. Якушева взяли бы в любую команду, только заикнись он об этом. Но Якушев всю жизнь верен своему «Локомотиву», рядовой команде, один раз за всю свою историю добравшейся до третьего места и не имеющей никаких перспектив в скором будущем повторить даже этот свой более чем скромный успех. Наверное, о каждом сильном хоккеисте рано или поздно ходил слух: «Говорят, он переходит в ЦСКА («Спартак», «Динамо»)». О Якушеве ничего подобного никто не то что говорить, даже подумать не мог. Не тот он человек.

На Коноваленко тоже неоднократно покушались московские команды. Но и он как скала. Он и в самом деле чем-то напоминает скалу: могучий, угловатый, коренастый, весь из мышц. И молчаливый, как скала. Вообще, для меня, да, по-моему, и для остальных, Коноваленко в некотором роде загадка. И не только, думаю, потому, что видимся мы сравнительно редко — он горьковчанин. Встретишься с ним, станешь расспрашивать:

— Как дела, Витя?

— Нормально, — отвечает.

И на все у него один ответ. «Нормально» — и все тут. А сам никогда ни о чем не спрашивает. Он будто всегда в воротах стоит. Никак к нему не пробьешься. Ты его с одной стороны хочешь «распечатать», с другой, а он все парирует: «Нормально»…

Но положиться на него можно было всегда. Выходя на трудный матч, мы могли сказать про Виктора, как и друг про друга: «Не подведет».

Я до сих пор не могу понять, как это он все-таки подвел однажды сборную. За несколько дней перед отъездом на первенство мира 1969 года, не явился на сбор. Отчислили его из команды правильно. Но уверен, если бы взяли, он бы там чудеса творил, чтобы свой грех искупить.

Впрочем, спустя год Коноваленко все-таки попал в Стокгольм, на чемпионат мира. Попал, и это был его лучший чемпионат. Преклоняюсь перед такой стойкостью и мужеством: ведь Виктор — мой ровесник.

Вот такие разные и вместе с тем похожие своим отношением к делу, которому служат, подобрались в команде люди. Это им обязан наш хоккей тем, что вернул себе чемпионский титул и навсегда занял место лидера на международной арене. Я не случайно сказал — навсегда. Это вовсе не значит, что мы теперь чемпионы навечно (хотя и неплохо бы). Но то, что сделано, — это слово, которое из песни не выкинешь. С репутацией ведущего наш хоккей уже расстаться не может — слишком велики его заслуги и авторитет.

День восьмой
STOCKHOLM

Сегодня наши не играют, и я провел день как настоящий турист. Ездил с Ростоцким и Жженовым в Упсалу.

Упсала — университетский центр Швеции. Здесь в университете учиться можно долгие годы и, если нет средств к существованию, даже получать пособие, но, когда поступишь на работу, затраченные на тебя деньги придется выплатить.

Общежитие удобное. В каждой квартире две комнаты, в каждой комнате по студенту. Вся необходимая мебель. На кухне — встроенный в стену холодильник.

Побывали в двух ресторанчиках. В одном почетным гостям подают густой и вкусный медок в огромном роге. На роге надпись, что из него пил сам У Тан. В другом, в холле, маленькая выставка из двух стендов. На первом старинные шведские монеты — четырехугольные, из меди, весом по полпуда. На другом — оружие древних скандинавов — мечи, кинжалы, кольчуги.

А рядышком с этой древностью новенький никелевый автомат. Бросишь сколько-то крон, нажмешь кнопку, и вылетит из машины пачка «Кента» или пакетик жевательной резинки.

Комическое соседство…

Ни в одном городе за границей не бывал я так часто, как в Стокгольме. Всякий раз я приезжаю сюда с удовольствием и чувствую себя здесь как дома. Мне нравится этот город, у меня тут много знакомых, я привык к его улицам. Но вот я перебираю в памяти все свои многочисленные посещения шведской столицы, вспоминаю все, что я успел там повидать, и прихожу к невеселому выводу: один неполный день в Упсале дал мне больше впечатлений, чем полтора или два месяца, которые в общей сложности я провел в Стокгольме.

Мы, спортсмены, ездим по миру много. Если для других поездка за рубеж — событие, о котором они помнят потом всю жизнь, то для нас это рядовое явление. Я, например, несколько раз был в Париже, трижды в Нью-Йорке, изъездил вдоль и поперек Канаду, видел Лондон, Стокгольм, Вену, Хельсинки, Варшаву, Прагу, Берлин и множество других городов.

Когда я возвращаюсь домой, друзья глядят на меня с завистью и любопытством и требуют, чтобы я поделился с ними тем, что увидал и узнал нового, требуют впечатлений. Я же отделываюсь от просьб общими, ничего не значащими словами. Нет, я не жадничаю, не хочу быть скупым рыцарем и один

любоваться своими сокровищами. Впечатления от первых поездок действительно были яркими. Но вовсе не потому, что, скажем, Варшава, Прага, Мюнхен или Нью-Йорк интереснее других городов. Просто они были первыми. А дальше все те же аэровокзалы, более или менее современные, все те же автобусы, более или менее мощные, все те же отели, более или менее комфортабельные, все те же катки, более или менее вместительные. И несколько улиц, более или менее нарядных и широких, по которым мы едем с самолета в гостиницу, из гостиницы на игру и тренировку и со стадиона обратно в аэропорт.

Конечно, я утрирую. Мне посчастливилось ходить по Елисейским полям и набережной Сены, стоять у Нотр-Дам и могилы Неизвестного солдата, но в Лувре я не успел побывать. Я ездил по Бродвею и взбирался на Эмпайр стейт билдинг, правда, не сумел посмотреть Гарлем. Я видел фонтан, бьющий прямо из Женевского озера, Венский лес, Пражский кремль, павильоны Всемирной выставки в Монреале. Но это видел каждый турист, побывавший хоть день в этих городах. Он видел и еще многое, чего не успел увидеть я. Он сумел просто побродить по улицам, посмотреть, как люди живут, как спешат они по утрам на работу, как отдыхают вечерами в парках, узнать, что они читают, чем развлекаются. А Булонский лес или Тюильри — разве в силах рассказать я что-нибудь новое о том, о чем до меня рассказали сотни писателей, журналистов, путешественников…

Нет, спортсмены ничуть не менее любознательны, чем все остальные люди. Попав в чужие края, каждый из нас жадно всматривается во все детали незнакомой жизни, мечтает узнать и увидеть что-то новое. Но много ли увидишь из окна автобуса или гостиничного номера? А на большее времени обычно нет. Программа наших зарубежных турне сжата до предела. Тренировка, игра, переезд из города в город — вот и все, что мы успеваем. А надо ведь еще и отдыхать — мы едем не проигрывать. И даже в дни чемпионатов мира, когда мы по две недели подряд ведем оседлый образ жизни, все наши силы, мысли и время поглощает хоккей.

…Вена. Середина марта 1967 года. На чемпионате мира выходной день. Мы завтракаем и прямо в тренировочных костюмах усаживаемся в автобуе. С собой никакого багажа. Только рыболовная снасть и футбольный мяч. Автобус везет нас за город и останавливается в лесу прямо на берегу Дуная. Зелени еще нет, но в лесу пахнет весной. И солнце настоящее весеннее. Мы рассаживаемся вдоль берега с удочками — сейчас начнется долгое ожидание капризного рыбацкого счастья. Но не тут-то

было. У рыбы нерест, и клев просто невиданный. Клюет на что угодно. Клюет у всех, даже у таких рыбаков-дилетантов, как я, клюет беспрерывно. В воздухе так и мелькают сверкающие тела окуней и плотвичек. А Коноваленко вытаскивает щуку.

Мы ловили рыбу, играли в футбол, опять ловили рыбу, смеялись и дурачились, как маленькие. Мы забыли обо всем — о хоккее, об очках и шайбах, о сегодняшних и завтрашних заботах. Мы вернулись в город счастливые и отдохнувшие. Нам не надо было торопиться на тренировку — это был день отдыха от начала и до конца. Вечером я заснул как убитый, едва добравшись до постели, заснул так, как никогда — ни до, ни после того дня — не засыпал на чемпионатах мира (пока не попал на первенство мира в качестве журналиста).

Мне запомнился этот день до мельчайших подробностей. Да и не только мне, но, убежден, и всем, кто участвовал в той незабываемой рыбалке. А ведь никакими особенными событиями он не был богат. Просто это был единственный на моей памяти день полного отдыха хоккеистов за рубежом,' день, когда нас не обременяли неотложные дела и над нами не тяготели никакие обязанности. Точнее, когда мы разрешили себе обо всем этом забыть.

Весной 1966 года жена стала уговаривать меня:

— Я слышала, что можно купить туристскую путевку в Финляндию. Турку, Лахти, Тампере, Хельсинки — и на все про все десять дней. Давай ноедем…

— Да чего я там не видал? — отнекивался я. — Что за интерес ехать туда, где был год назад! И жили мы там не десять дней, а почти три недели. В Тампере играли, в Хельсинки и Лахти заезжали. Нет, давай уж что-нибудь другое для отпуска придумаем.

Но человек слаб, особенно если в противники ему достается жена. Она настаивала на своем, и после недолгого сопротивления я сдался. Мы купили путевки и отправились в недолгое путешествие по местам, которые я самоуверенно считал хорошо знакомыми.

Лахти. Крошечный городок, виден с водонапорной городской башни как на ладони. Но он спроектирован и выстроен так, что ему может позавидовать иной город с миллионным населением, А какой образцовый порядок, какая чистота царят на его деревообделочных фабриках! Только побывав на такой фабрике, поймешь, что тут продукцию «так себе» не выпустят. Просто не могут. Недаром мебель, которую делают в Лахти, пользуется у нас таким спросом.

Была жара, и мы провели несколько часов на пляже одного из

тысячи озер этой страны, а оттуда через целую «озерную систему» добрались теплоходом до Тампере.

Верно, я прожил год назад в этом городе две недели безвыездно. Но где успел я побывать, кроме музея В. И. Ленина, который не может миновать ни один советский человек, даже если попадает в Тампере на несколько минут? Да нигде. Был в кино, но это не в счет — я даже не помню, что смотрел. На этот раз мы посетили летний театр, осмотрели великолепно оборудованную, огромную современную больницу, новые районы, прекрасно спланированные, с удобными домами, с отличными дорогами, картинную галерею. Ни до, ни после этой поездки я не бывал в знаменитой сауне — финской бане. А тут самая настоящая сауна, да не в Тампере, а неподалеку, на берегу озера, в доме отдыха, который построил финский профсоюз для своих членов. Рабочие приезжают туда на выходные дни со своими семьями, останавливаются в однокомнатных или двухкомнатных домиках (уж, конечно, финских), купаются, отдыхают.

Я мог бы еще долго рассказывать о финских городах, а заодно и о болгарских, и о югославских, где мы с женой, заразившись финской поездкой, провели следующие два отпуска. При этом мне не пришлось бы прибегать к помощи сохранившихся у меня туристских проспектов и путеводителей. Все это стоит у меня перед глазами, будто было вчера.

А вот из своих хоккейных поездок я привожу воспоминания о матчах, о новых игроках, о забитых и незабитых голах, о плохих и хороших полях.

Легче легкого объяснить и оправдать убогость нашей «внехоккейной», так сказать, экскурсионной программы во время пребывания за границей: мы не туристы, главное для нас, хоккеистов, до и после матча не осмотр достопримечательностей, а тренировки и режим, сроки турне не увеличишь даже на день…

И все же я каждый раз с удовольствием и интересом ожидаю очередной поездки. Пусть мне трудно рассчитывать на то, что увижу я какой-то новый город или окажусь в незнакомой стране (хоккейные маршруты я, кажется, изъездил уже во всех направлениях), но новые встречи с людьми и новые знакомства будут обязательно. А это интересней любых достопримечательностей.

Я не говорю о бесконечных встречах с коллекционерами автографов, которые только утомляют и раздражают и от которых рад бы избавиться, да не знаешь как. (Помню, во время первого нашего чемпионата в Стокгольме Слава Старшинов придумал хитрость — всем, кто тянулся к нему с блокнотом и карандашом, он лаконично отвечал: «Доктор». Но теперь и это не спасает —

всех нас болельщики знают в лицо.) И не мимолетные беседы на приемах я имею в виду. Хотя и эти встречи по-своему любопытны.

Когда люди узнавали, что мы русские, что приехали из Советского Союза, в их взглядах всегда можно было прочитать дружелюбие и интерес. Спросишь в каком-нибудь незнакомом американском или австрийском городе, как найти нужную улицу, и — как только догадываются, откуда ты — немедленно начнут рисовать планы, возьмутся проводить или подвезти на машине. Правда, мы бываем главным образом в местах, где хоккей популярен, а потому к нашим хоккеистам публика испытывает повышенный интерес, но смешно было бы относить всеобщее дружелюбие, которое мы ощущаем повсюду, только за счет хоккея. Сильные сборные есть не только у нас, но, где бы ни появились мы, мы оказываемся в центре внимания, всегда пристального и почти всегда доброжелательного. Это внимание ко всему, что связано с нашей страной, которая занимает особое место в современной жизни, от которой все время ждут чудес и которая вот уже более полувека не устает удивлять мир этими чудесами. И вдали от Родины нас греют горячие лучи дружелюбия и внимания.

Бывает, что пустяковые встречи на официальных банкетах переходят в приятельские отношения и даже дружбу. Вот, например, я как-то разговорился с Вернером Перссоном, очень талантливым детским тренером, большим знатоком и поклонником нашего хоккея. Он превосходно говорит и читает по-русски, нередко приезжает к нам в страну, чтобы поближе познакомиться с нашей методикой тренировок, посмотреть, как организована у нас работа с детьми и юношами. Он и не скрывает, что старается распространить в Швеции все лучшее, что есть в нашем хоккее. Он не делает секрета и из своих очень интересных тренерских поисков. Это настоящий друг. Недаром наши тренеры и хоккейные журналисты называют Перссона не «Вернер», а «Володя».

Зимой 1966 года мы приехали на матч в американский город Джонстаун. Накануне игры мэр города устроил банкет в честь советских хоккеистов. Когда мы вошли в зал, кто-то из ребят показал мне знаменитого Батча Мартина, который был на Олимпиаде в Кортина д'Ампеццо, приезжал к нам в составе канадских команд. Теперь он переехал в Джонстаун, подписав контракт с местной полупрофессиональной командой. Во время обеда мы оказались соседями. Я немного объясняюсь по-английски, и мы разговорились. Видно, сначала он отвечал мне просто из вежливости, не испытывая ко мне особого интереса. Я напомнил ему о наших матчах в Торонто и Китчинере (Мартин

играл в этих городах против второй сборной СССР, за которую выступал я). Мартин несколько оживился, но, думаю, тоже скорей из вежливости, чем из любопытства, спросил, чем я занимаюсь, кроме хоккея. Я ответил, что окончил институт, получил диплом инженера и учусь в аспирантуре. Вот когда мой собеседник загорелся по-настоящему.

Мне пришлось долго объяснять ему, что значит аспирантура, а он не уставал спрашивать. И когда все понял, стал торопливо пересказывать наш разговор жене, которая пришла с ним на банкет, и ближайшим соседям по столу. Он показывал на меня глазами, и я слышал отдельные слова:

— Технологический институт… Диплом… Инженер… Ученый…

Он говорил быстро и горячо. В гоне его слышалось удивление, граничащее с восхищением. Я не очень-то понимал, к чему весь этот восторг, и спросил об этом Мартина.

— Видишь ли, — сказал он, — вроде бы я не могу пожаловаться на судьбу. Я приехал сюда на пять месяцев и получил за это по контракту пять тысяч долларов. Но деньги, даже большие, не вечны. А годы идут. Еще немного, и надо бросать хоккей. Что тогда? А диплом — это капитал на всю жизнь. За диплом я отдал бы все. Да теперь поздно.

На другой день мы встретились с Батчем уже на льду. Команда в Джонстауне оказалась сильная. Мы, правда, выиграли со счетом 9:5, но это объясняется тем, что в первом периоде они растерялись и пропустили в свои ворота восемь шайб.

Судьба свела нас с Мартином через год, опять на хоккейном перекрестке. Он уже вернулся в Канаду, в родной Китчинер. То турне по Канаде мы провели плохо, проиграли турнир в Виннипеге, но на последний товарищеский матч со сборной Канады собрались и победили со счетом 5:3. И снова на банкете мы сидим вместе. Теперь уже это не случайное соседство: Мартин сам подсел ко мне и весь вечер расспрашивал об аспирантских моих делах, о планах, интересовался, чем я буду заниматься, когда закончу играть. Так появился у меня новый приятель, которому, я знаю, моя судьба далеко не безразлична, которому знакомство со мной открыло какой-то кусочек нашей жизни.

В поездках по всему свету нам не раз приходилось встречаться с соотечественниками, которые или родились за границей, или уехали из своей страны навсегда. Первый раз я столкнулся с ними в 1960 году в Канаде — там особенно много украинцев, переселившихся за океан до революции. Мы прилетели в Келовну вечером, а утром у нашей гостиницы стояла большая толпа. Как только кто-нибудь из нас появлялся на улице,

его окружали, и начинались расспросы. О том, как мы живем, о Москве, о Киеве, обо всем, что связано с родиной. Один из них подошел ко мне и стал объяснять, как надо играть против местной команды, присел на снег и долго вычерчивал схемы, показывая, как действуют канадцы в обороне, в атаке, на «пятачке», откуда чаще всего бросают по воротам, где у них самые уязвимые места. А потом вся эта толпа пришла на матч и болела за нас так, как болеют за «Спартак» в Москве, болела так, будто от нашей победы зависело здоровье и благополучие всех этих людей.

Мы уезжали из отеля на другой день в четыре часа утра — Келовна стоит в горах, и до аэродрома далеко. И когда мы вышли к автобусу, вся эта толпа была там. Они пришли проводить нас, пришли пожелать доброго пути, передать привет родине. И честное слово, будь на то их воля, они бы помчались за нами, из чужой для них страны, домой, пусть многие из них этого самого дома никогда и в глаза не видели. Да они и сами говорили нам о своей не слабеющей с годами тоске по родине.

— Так почему же вы не возвращаетесь? — спрашивали мы.

— Дом, имущество, бизнес — все здесь, — отвечали они. — Жена здешняя, дети почти по-русски говорить не умеют. Вот был бы один, и минуты бы не раздумывал

* * *

Мы уехали, а они остались. Остались в чужой стране. И не в качестве туристов, а навсегда…

Зачем повсюду ищут и находят нас эти люди? Зачем вступают в разговоры и расспрашивают о доме? Только раны бередят, только мучают себя понапрасну, дразнят свою тоску несбыточными мечтами. Да они и сами это понимают. Понимают, но, видно, не могут иначе, видно, это выше их сил…

Во время той же нашей поездки, на дороге из Китчинера в Трейл, нас встретили представители общины духоборов. Нам пришлось сделать остановку и пообедать в этой общине. Какой был обед! С блинами, борщом, клубникой. Настоящий русский обед — и приготовлено все замечательно, и приправы все наши. Что ж, может, эта иллюзия, эти запахи украинского борща и российских блинов и скрашивают как-то жизнь на чужбине.

Хоть и редко, но бывали и иные встречи с соотечественниками. Вернее, даже не встречи, а встреча. После матча в Филадельфии зашел к нам в раздевалку какой-то мужчина лет сорока и бойко заговорил по-русски. Земляка всегда приятно встретить, когда находишься вдалеке от дома. Мы ему

охотно отвечали. Естественно, спросили, откуда он и как попал в эти края. Он, оказывается, перемещенное лицо. В 43-м году был вывезен в Германию, а теперь вот обосновался тут.

— Чего же вы домой не возвращаетесь? — спрашиваем.

— А чего я там не видел? Мне и здесь неплохо. У меня коттедж, два автомобиля, сбережения. И потом интересно по миру поездить. Вы вон путешествуете, играете. И я тоже хочу. Жил в Западной Германии, в Австралии, оттуда переехал в Канаду, сейчас стал американцем…

Ехать ему домой или не ехать — это, конечно, не наше дело. Но до чего же противен стал мне сразу этот малый! Разговаривать с ним больше уже не хотелось. Ребята от него разом отвернулись. А он, почувствовав, что атмосфера в раздевалке изменилась, быстро ушел. Мы еще немного помолчали, потом кто-то из ребят, ни к кому не обращаясь, сказал:

— «Мне и здесь неплохо»… Было бы неплохо, не мотался бы по миру, как пес бездомный… Небось нашкодил дома… Путешественник!

День девятый
STOCKHOLM

Сегодня мы снова играем с командой США. Перед матчем, как всегда, спускаюсь вниз, к дорожке, окаймляющей поле, и иду к нашей раздевалке.

Вхожу в коридор, хочу открыть дверь, но меня останавливает один из руководителей делегации.

— Вот какое дело, Борис, — говорит он. — Меня просили тебе передать, чтобы ты больше в раздевалку к ребятам не ходил. Так решила команда…

В первый момент я подумал, что это шутка.

— Ребята знают, что ты в передаче на Москву ругал и команду и тренеров. Словом, не надо тебе сюда ходить…

Сперва я решил: побегу скорее в раздевалку, как-то все улажу, объясню, что-то такое ребятам скажу, чтобы они сразу все поняли. Потом остановился. «Не хотят — не надо. Больше знать никого не знаю. Пусть позовут, все равно не приду». Повернулся и пошел обратно в ложу прессы. Пошел той же дорогой, какой шел сюда.

Возвращаюсь вдоль поля, мимо трибун, которые уже начали заполнять зрители, и такое чувство, будто все смотрят на меня. Смотрят и думают: «Выгнали»…

Наверно, в тот момент я должен был молча сесть на свое место, успокоиться, обдумать все как следует и тогда решать, что делать дальше. Но я и вообще-то не отличаюсь сдержанностью, а тогда и вовсе не мог и секунды усидеть на месте: надо мне было куда-то бежать, кому-то все сказать. И я помчался делиться своим горем с друзьями. Первым, кому я обо всем рассказал, был Николай Николаевич Озеров, — ведь это он брал у меня то радиоинтервью, которое и послужило причиной конфликта. Потом нашел ребят из «Советского спорта», соседа по гостинице Кружкова из «Московской правды», Дворцова, корреспондента ТАСС.

Они-то и помогли мне в ту очень трудную минуту. Озеров обещал во время очередного разговора попросить, чтобы нашли запись той передачи и застенографировали мое выступление. Дворцов договорился со своим агентством, что эта стенограмма будет передана по телетайпу в Стокгольм. А журналисты из «Советского спорта» мне выдали:

— Как тебе не стыдно на ребят обижаться! А ты уверен, что было какое-нибудь решение команды? Ты что же, своих старых

друзей порядочными людьми не считаешь?

Это меня немного успокоило, и я занял свое кресло № 23 в ложе прессы.

…Первый раз смотрел наш матч сверху. Наверное, мне все тогда рисовалось в черном свете, а может быть, и на самом деле наши играли из рук вон плохо…

Сначала все вроде шло нормально — играли довольно серо, но с американцами и этого достаточно. К тому же они, видно, помнили первый матч и счет 17:2. Так что надежд особых не питали. Так и шел матч — ни шатко ни валко. И счет какой-то серый. После двухпериодов — 6:2. Публика, которой собралось совсем мало, окончательно заскучала. И тогда наши дали ей возможность встряхнуться. Зингер, который и так весь матч стоял плохо, вдруг пропустил подряд еще два непростительных гола. Американцы почувствовали, что мы совсем устали, и полезли на ворота. Надо бы Зингера заменить, да страшно: Пучков с непривычки и от волнения мог такого натворить, что потом совсем не отыграешься. Но класс есть класс, и все закончилось благополучно — 7:4.

Все остались на стадионе — пошли на пресс-конференцию, а оттуда на матч Швеция — Финляндия. А я поехал в «Мальмен». На игру Чехословакия — Канада тоже не пошел. И зря. Чехословакия победила с большим трудом и очень скромно — 3:2. Я думаю, что просто не подготовились к игре. Это бывает. Наши ведь сегодня тоже играли никудышно. В то, что канадцы дали наконец настоящий бой, поверить не могу. Слишком хорошо знаю эту команду. Ни на что они не способны, не отобрать им у трех лидеров ни одного очка.

В самом деле, до чего же все скоротечно в спорте! Еще недавно рекорд называли феноменальным, недостижимым, а сегодня он превращается в заурядный результат, с которым на больших соревнованиях и показаться-то стыдно. В играх четких измерителей нет.

Тут секундомер, весы и рулетка бессильны определить прогресс. Но и у нас все же одна мерка существует. Эта мерка — хоккей Канады.

За каких-нибудь восемь-десять лет бог, которому все мы молились, низведен до уровня посредственности, на мировой арене с ним никто не хочет уже считаться. И в Стокгольме едва ли не на каждой пресс-конференции тренерам сборных СССР, Швеции и Чехословакии журналисты задавали один и тот же вопрос: «Считаете ли вы, что «большая четверка» все еще сохраняется или она распалась и осталась «большая тройка»? Тренеры отвечали, что канадцы по-прежнему входят в число

главных претендентов на медали. Но это скорее всего дань уважения прошлым заслугам основоположников хоккея и одновременно желание поднять цену успехам в играх с ними. Однако на деле канадцы уступили в Стокгольме фаворитам без всякой борьбы. Больше того, никто не удивился бы, если бы их обогнали и финны.

Положению, в котором находится любительский хоккей Канады, не позавидуешь. Богатые и ненасытные профессиональные клубы грабят его немилосердно, нисколько не заботясь о сохранении престижа своей страны на международной арене. А ведь хоккей, в том числе любительский, с его многолетней гегемонией на мировой арене, — национальная гордость Канады. Но стремление менаджера заполучить еще одну звезду и таким образом разбогатеть еще больше, стремление самой звезды заключить выгодный контракт оказывается куда сильнее патриотических призывов энтузиастов любительского хоккея.

Все это так. Но взаимоотношения профессионалов и любителей сложились не сегодня и не вчера. Этот грабеж среди бела дня существует уже многие десятилетия. Однако прежде канадцы не жаловались на жизнь и не искали оправдание своим поражениям. И к чему было жаловаться, если ты все равно сильнее других? Прежде чемпионаты мира были для канадцев веселым и необременительным времяпрепровождением. Они не ведали даже, что такое сборная команда. Из-за океана на катки Старого света являлась команда какого-нибудь любительского клуба средней руки и улетала обратно, прихватив с собой комплект золотых медалей чемпионов мира. Европейцам же только и оставалось, что восторгаться виртуозным мастерством заокеанских гостей и по мере возможности копировать их стиль и манеру.

Я горжусь тем, что принадлежу к хоккеистам страны, которая первой в истории этой игры серьезно замахнулась на гегемонию родоначальников хоккея. Наши предшественники, впервые появившись в 1954 году на первенстве мира (все на том же счастливом для вас стокгольмском льду), столкнули канадцев с их трона, а через год завоевали мировое первенство во второй раз. Мое поколение доделало дело, начатое ими, захватив лидерство прочно и надолго. Наш хоккей не пошел по проторенной канадцами дороге, он создал свою школу, яркую, самобытную, неповторимую. Сегодня он стал предметом изучения и подражания для всех, в том числе и для самих канадцев. Но о том, как это произошло, написано уже очень много, и я не стану повторяться. И если я все же заговорил об этом, то только для

того, чтобы доказать: нет, не канадцы стали слабыми, а мировой любительский хоккей прогрессирует с неудержимой быстротой, и этим он обязан в первую очередь нашим тренерам и хоккеистам.

Кануло в Лету то время, когда канадцы отваживались посылать в Европу клубные команды. После поражения на первенстве мира 1963 года (опять роковой для канадцев Стокгольм!) родину хоккея представляет на крупнейших международных турнирах только национальная сборная. Но и ей ни разу не удавалось добраться до высшей ступени мирового пьедестала почета. А «Стокгольм-69» окончательно развенчал прежних властителей: шесть матчей с тремя лучшими европейскими командами принесли им шесть поражений. Фиаско это выглядело настолько позорным, что заставило пойти представителей Канады в международной хоккейной федерации на небывалое унижение: они попросили разрешить им на время мировых первенств включать в свою команду до девяти профессионалов. Руководители федерации смилостивились и бросили им эту подачку.

Однако вмешался в это дело Олимпийский комитет, и Брендедж, его президент, заявил, что, если кто-то отправится на чемпионат мира в Канаду в 1970 году и будет играть с командой, в которую включены профессионалы, тот лишится права выступать в составе своих сборных на Олимпийских играх в Саппоро в 1972 году.

Естественно, никто из европейских хоккеистов на это не пошел. Канадцам заявили: или составляйте любительскую сборную, или с вами играть никто не будет. Те хлопнули дверью, и на чемпионате мира 1970 года, опять все в том же Стокгольме, канадцев не было совсем, их место заняла команда Польши.

Итак, хоккейный лев повержен, и можно без всякого риска иронизировать по поводу его слабости. Между тем, когда я смотрю на нынешние канадские команды, я испытываю противоречивые чувства. С одной стороны, здорово, что мы обогнали некогда казавшихся волшебниками шайбы канадцев. А с другой стороны, обидно. Хоккейный мир и без того тесен. А так он становится еще тесней. Без сильной канадской команды, способной принять перчатку от любого соперника, команды, которую никто не имеет права сбрасывать со счетов, чемпионаты мира теряют что-то очень важное.

И жаль мне бескорыстного рыцаря канадского любительского хоккея, поисгине рыцаря без страха и упрека, протестантского пастора и хоккейного тренера Дейва Бауэра. Это ему принадлежала идея создать сильную сборную, которая сумеет возродить славу родины хоккея. Он вынашивал эту идею долгие

годы и долгие годы боролся за ее воплощение. Сборная, созданная руками патера, есть. Но как далека она от его идеала! Профессиональные клубы оказались теми ветряными мельницами, в бесплодной борьбе с которыми вынужден был капитулировать канадский Дон-Кихот. Вместе с другими он приехал в Европу просить о допуске профессионалов в любительские команды, иными словами, об убиении его любимого детища.

Наверное, Саша Мальцев, Валера Харламов и их сверстники относятся к канадцам не только без всякого почтения, но даже немного свысока: еще бы, за один сезон обыграли сборную раз пятнадцать. Я же еще помню, с каким трепетом вступил в 1960 году впервые в жизни на канадский лед. Мы, три молодых нападающих — Слава Старшинов, Виктор Цыплаков и я, — прилетели на родину хоккея в составе второй сборной страны. Нам предстояло провести там десять матчей, и первые три мы проиграли. Правда, это были игры с самыми знаменитыми командами — «Уитби данлопс», «Китчинер датчмен» и «Виндзор булдогс». Интересно, что в первом матче за пять минут до конца второго периода мы вели со счетом 4:2, причем я чувствовал себя именинником — забил один гол. Но к перерыву вели уже канадцы — 5:4. В третьем периоде они забросили в наши ворота еще три шайбы, не пропустив в свои ни одной. Вот так обращались с гостями сильнейшие канадские любители.

В общем и целом го гурне закончилось для нас благополучно. Из семи остальных встреч мы выиграли четыре. Но и противники были у нас рангом и классом пониже первых трех.

Тогда же я впервые в жизни увидел знаменитых профессионалов из НХЛ — Национальной хоккейной лиги, в которую входили шесть лучших профессиональных команд мира. Это зрелище потрясло всех нас. И не только сам хоккей. Нас пригласили на матч как почетных гостей. И тем не менее в огромном зале, вмещающем 17 тысяч зрителей, не нашлось и двух десятков свободных сидячих мест, чтобы усадить советскую команду. Сидели только тренеры. Мы, игроки, стояли на галерке за воротами. Не подумайте, что это было проявление неуважения. Ничего подобного. И хозяева монреальского дворца вовсе не собирались сэкономить на нас несколько лесятков долларов, пожалев для нас сидячие места: все билеты на матчи НХЛ распроданы на много месяцев вперед, а довольно большая часть мест куплена владельцами абонементов на один или несколько сезонов.

Переполненный зал, торжественная и вместе с тем словно предгрозовая атмосфера, мощный гул, которым встречает

публика всемирно известных хоккейных маэстро, адский гром, издаваемый бортиками, когда в них ударяется во время разминки шайба (над полем-то микрофоны), яркая, всех цветов радуги, форма хоккеистов — все это служит увертюрой перед грандиозным трехактным спектаклем и настраивает публику на соответствующий лад.

Играли, если не ошибаюсь, «Монреаль канадиенс» и «Торонто Мейпл лифе». Игра настолько захватила нас, что мы боялись шелохнуться, боялись пропустить малейший эпизод. Нападающие обстреливали ворота с немыслимой силой и точностью, из любых положений ибез всякой подготовки, вратари ловили шайбы, которые, казалось, вообще невозможно поймать, защитники выкатывались навстречу пушечным ударам и встречали шайбу грудью, все хоккеисты на любом участке поля сшибались в богатырских схватках и то и дело кто-то, взметнувшись в воздух вверх коньками, летел плашмя на лед.

В ту пору мы не были уже новичками в хоккее, мы тоже кое-что знали и умели. Но ни о каком квалифицированном разборе того, что мы увидели, не могло быть и речи. По дороге домой одни охали и ахали, другие помалкивали, не в силах словами выразить свой восторг. Никому и в голову не приходило сравнивать нас и их. Недостатки? Пробелы? Даже подумать об этом казалось нам кощунством. Если бы кто-нибудь тогда вдруг сделал нам предложение сыграть против них, мы сочли бы его сумасшедшим. Рядом с ними мы казались себе лилипутами.

Сейчас эти восторги десятилетней давности вызывают у меня снисходительную усмешку: что возьмешь с желторотых мальчишек? Да, они здорово бросают по воротам, но мы лучше умеем создавать «чистые» голевые позиции. Да, их техника владения шайбой великолепна, но мы быстрее катаемся на коньках. Да, мастерство их вратарей безупречно, но мы научились обороняться всей командой так, чтобы облегчить задачу своему вратарю. Я играл против «самого» Бревера и против легендарного Планта. Они замечательные хоккеисты, но играть с ними можно. Я видел на своем веку множество матчей лучших профессиональных команд и, восхищаясь достоинствами игроков, мысленно критиковал их слабые стороны.

Так что же, выходит, то, первое, впечатление было обманчивым? В какой-то мере да. К зрелищу профессионального хоккея нужно привыкнуть, сначала оно трудно поддается анализу. Впервые мы взглянули на профессиональный хоккей более трезвым взглядом, когда попали на матч вместе с А. В. Тарасовым. Он помог нам посмотреть на вещи спокойно. Но это лишь одна сторона дела. Другая же в том, что на каждый новый

матч или серию матчей мы попадали с годичным интервалом, а значит попадали совсем другими людьми.

В самом деле, они, в лучшем случае, шли вперед едва заметным шагом, а вернее всего, стояли на месте. Мы же мчались вдогонку за ними с огромной скоростью. Они варились в собственном соку, не выходя за рамки бесчисленных встреч шести команд одного класса между собой. Мы, неопытные, но жадные к знаниям и честолюбивые, носились по миру в поисках учителей, партнеров, в поисках всего того, что можно было бы перенять и что могло улучшить нашу игру. Их публику устраивал уровень их хоккея, она восторгалась ими, платила за билеты любые деньги и не требовала от них сегодня ничего такого, чего не дарили они ей вчера. Хозяева профессиональных клубов тоже были довольны и хоккеистами, и сами собой, поскольку закон коммерции торжествовал: предложение отвечало спросу.

Мы тоже не могли пожаловаться на свою публику — едва родившись, хоккей стал ее баловнем. Но наш зритель требовал от своих любимцев высших международных достижений, и спортсмены хотя бы из чувства признательности за любовь не могли не стремиться к ним. Я уже не говорю о честолюбии, без которого человеку в большом спорте делать нечего. И наконец, нашему хоккею повезло с тренерами. Его всегда вели вперед люди мыслящие и смелые. Они никогда не боялись ставить перед собой и перед своими учениками большие задачи и знали, как подступиться к их решению. Они никогда не довольствовались достигнутым. Они не стыдились учиться у других, но одновременно воспринимали зарубежный опыт без тени раболепия, беря из него только то, что может обогатить нашу школу хоккея и безжалостно отвергая все остальное.

Давайте попробуем в одном абзаце восстановить историю нашего хоккея с момента его появления на международной арене, а в качестве вех используем наши встречи с канадцами. После двух побед — в 1954 и 1956 годах, побед, которые во многом объяснились недооценкой канадцами новичка и непривычностью его хоккейного почерка, наступила эпоха поражений. На множестве последующих чемпионатов родоначальники хоккея обыгрывали нас и занимали лучшие места в итоговых таблицах. Это и были для наших тренеров и игроков годы наиболее интенсивной учебы. Счет товарищеских матчей тех лет тоже был явно в пользу канадцев. В 1963 году мы вновь стали чемпионами мира, оставив далеко позади «Трейл смоук итерс» — ту самую клубную команду из Канады, которая с легкостью разгромила нас на мировом первенстве 1961 года. На Олимпиаду в Инсбрук канадцы впервые в истории хоккея направляют сборную, а не

клуб. И снова поражение. Патер Бауэр пытается объяснить это молодостью, неопытностью и несыгранностью команды. Но годы идут, команда взрослеет, сыгрывается и набирается опыта, а побед над нами нет. То и дело сборная оказывается и за пределами призовой тройки. Мы по-прежнему часто встречаемся и в товарищеских матчах, и в международных турнирах. За семь последних лет мы однажды проиграли клубу «Виндзор булдогс» и, кажется, дважды сборной. Причем эти поражения (мы терпели их только в <анаде) всюду расценивались как крупная неожиданность и вызваны были либо усталостью после утомительного перелета, либо перегруженностью программы турне, либо недооценкой противника (некогда так объясняли свои проигрыши нам канадцы). Теперь уже и наша вторая — а фактически молодежная — сборная стала играть с лучшими канадскими любительскими командами более чем успешно. И, наконец, пришел злосчастный для канадцев 1969 год, когда после бесславного поражения в Стокгольме они запросили помощи у профессионалов.

Читатель, возможно, ждет, что вот сейчас Майоров заговорит на модную тему: кто сильнее — канадские профессионалы или европейские любители и кто победит в матчах между ними. В этом споре готовы почему-то участвовать все, даже те, кто сроду профессионалов и не видел. Должен вас разочаровать: я в эту дискуссию втягиваться не намерен. К чему схоластика? К чему выяснять, кто лучше играет в хоккей — Бобров или Фирсов, мы или профессионалы, — если точного и бесспорного ответа все равно не получишь? А что огромного прогресса достиг наш, а вслед за ним и весь европейский хоккей — это бесспорный факт. Теперь, когда мы за явным преимуществом выиграли соревнование с заокеанскими любителями, когда мы сами постигли многое в этой игре, мы перестали обожествлять профессионалов. Они сошли на ту самую грешную землю, которую топчем и мы, простые смертные.

И ничего не меняется даже после того, как наша команда проиграла канадским профессионалам в 1970 году. Играй они, канадцы, с нами по нашим правилам, на нашем поле — уверен, проиграли бы нам с треском!

Меня иногда спрашивают, хотел ли бы я встретиться на иоле с одной из команд НХЛ. Если говорить откровенно — нет, не хотел бы. Зачем? У нас свой хоккей, у них свой. У нас разные площадки, разное судейство, разное понимание игры, разная психология. Мне больше по душе та игра, в которую играем мы. Она изящнее, в ней больше мысли и меньше, что ли, грубой силы. Она больше сродни футболу, который я люблю не меньше, чем

хоккей. Что нужно выяснять в таких встречах? Чей хоккей лучше? О вкусах не спорят. Может быть, любительскому хоккею угрожает опасность оказаться в тупике, задохнуться без свежего ветра, который принесет нам общение с профессионалами? Напрасные тревоги. Конкуренция, этот вернейший двигатель прогресса в спорте, становится с каждым годом все ожесточеннее, и стокгольмский чемпионат, где даже победитель не избежал двух поражений подряд, — лишнее тому подтверждение. Да, конкурентов маловато, в Европе — всего три. Но я уверен, что это пока. Вот-вот подойдут к уровню сильнейших команды Финляндии и ГДР, за ними последуют со временем остальные. Не хочу и не могу ставить крест и на канадцах. Если они не будут искать спасения в обращении к профессионалам, а поищут другие пути, то обязательно найдут их. И сегодня еще нет в мире страны, которая обладала бы такими хоккейными резервами, как Канада.

Возможно, кто-нибудь заподозрит меня в трусости. Профессиональный хоккей снискал себе славу игры злой и жестокой. Но, во-первых, я думаю не о себе: мне уже 32 года, и мне вряд ли, даже если я очень бы этого хотел, представится возможность сыграть против одной из команд НХЛ — это ведь так быстро не решается. А во-вторых, поверьте моему слову; слухи о грубости и жестокости профессионалов высшей лиги сильно преувеличены. Второсортные профессионалы и канадские любители, с которыми мне приходилось встречаться на льду многократно, те действительно не мыслят хоккей без запрещенных приемов. Подножки, удар исподтишка, различного рода провокации и прочее мелкое шкодничество — для них обычная вещь. Идет это от недостатка мастерства — надо же чем-то его компенсировать.

Хоккеистам же высшей лиги мастерства не занимать, и нарушать правила не в их интересах. Верно, бывают время от времени у них драки стенка на стенку, когда игроки снимают перчатки, отбрасывают в сторону клюшки и устраивают импровизированные боксерские одноpаундовые бои на льду. Но как и в знаменитом кэтче, все это только выглядит страшно, а на деле сплошная бутафория. Публика любит острые ощущения, публика имеет право их требовать, поскольку платит деньги. Вот ей и преподносят цирк на хоккейной площадке. Уверен, что профессионалам эти спектакли так же отвратительны, как и нам, не привыкшим к зрелищам такого сорта. Они же мастера хоккея, а не бокса. Кроме того, как всякие мастера своего дела, они не могут не уважать друг друга. А кто же станет добровольно избивать уважаемого человека?

Нет, синяки и шишки, которые достались бы мне во встречах

с профессионалами, меня не пугают. У каждого из нас за хоккейную жизнь их было так много, что еще десяток-другой никого устрашить не может…

Но вернемся к нашим взаимоотношениям с канадскими любителями. Эта тема еще не исчерпана, как не исчерпаны и сами взаимоотношения, хотя мы их ужедогнали и перегнали. Но вот странная, казалось бы, вещь: догнали, перегнали, но продолжаем исправно посылать свои команды за океан для стажировки и подготовки к важнейшим соревнованиям. Стоит ли игра свеч? И чему мы можем у них поучиться?

Уверен, что стоит. И совсем не потому, что хоккейный мир тесен и посылать, в общем-то, больше некуда. Раз некуда, то можно было бы и не посылать: у нас и дома хоккей достаточно мощный. Посылать необходимо по другой причине.

…Это было в I960 году в Москве, во время матча одной из наших клубных команд с «Чатам марунз». Я сидел на трибуне вместе с тренером воскресенского «Химика» Николаем Семеновичем Эпштейном, человеком, хорошо знающим и понимающим хоккей. «Чатам марунз» — довольно посредственная для канадского хоккея тех лет команда, куда более слабая, чем, скажем, приезжавшая незадолго перед тем «Келовна пеккерс», игра которой произвела на меня огромное впечатление. Матч был не очень интересным, и если я его и запомнил, то только из-за фразы, брошенной Эпштейном:

— Что, у них среди хоккеистов дураков нет совсем, что ли?

Вы даже не представляете себе, до чего это точная характеристика канадского хоккея и канадских хоккеистов. Пусть в канадском любительском хоккее не увидишь или почти не увидишь самородка — все лучшее забирают себе команды НХЛ, оставляя беднякам любителям лишь жалкие крохи с барского стола. Но и откровенно слабых хоккеистов там тоже нет. Точнее, не слабых, а малограмотных. У нас даже в очень сильных командах сколько угодно хоккеистов очень талантливых, способных сотворить на поле в самом необычайной положении чудо, но не знающих, как поступить в стандартной ситуации. У канадцев таких нет. Знание основных положений хоккейной науки у них четкое. Я не видел такого канадца, который не владел бы целым набором бросков по воротам, не знал бы основных приемов силового единоборства, имел неправильную конькобежную стойку, терялся бы при решении тактических задач. Неважно, что бросок у него не сверхмощный, что бежит он не со скоростью Гришина, что его тактическое решение не отличается хитроумием. Почти наверняка на пятерку он не сдал бы ни один предмет, зато и «засыпаться» он не может, эго

исключено. К тому же бьют канадцы, особенно у бортов и у ворот, действительно здорово. И бьют тем чаще и больнее, чем меньше ты им даешь сдачи.

Не скажу, что мне по душе такие команды и такие игроки. Я предпочитаю не умеющего вести силовое единоборство, но блестящего дриблера Александрова или не имеющего сильного броска, но «непроходимого» Давыдова любому твердому троечнику. Однако в качестве спарринг-партнеров такие троечники очень хороши. Пройти через матчи с ними, проверить свой характер, свою смелость обязан всякий, кто рассчитывает на место в большом хоккее. Я бы даже сказал так: игры против канадцев позволяют хоккеисту раскрыть себя, обнаружить в себе достоинства и недостатки, о которых прежде не знал ни он сам, ни его тренеры. А, согласитесь, не знать себя опасно. Во всяком случае, чемпионат мира не место для такого знакомства.

Вероятно, многие наши хоккейные тренеры завидуют своим канадским коллегам. Не потому, что их воспитанники не такие умные. В выражении Эпштейна, как во всякой шутке, содержится лишь доля правды. Он имел в виду не ум в буквальном смысле этого слова, а, если можно так выразиться, хоккейную образованность. И тут преимущество в большинстве случаев на стороне канадцев. У наших слишком много пробелов в образовании. Есть среди них и невосполнимые, поскольку исправить их можно было только в детстве. Но в одних случаях тренеры не обратили на это внимания, в других тренера вообще не было, в-третьих, парень слишком поздно встал на коньки и взял в руки клюшку.

Вот Володя Шадрин, прекрасный хоккеист. А знаете ли вы, какую фору дает он остальным только оттого, что в детстве его не научили правильно стоять на коньках? Он и бежит не так быстро, как мог бы, и сил на борьбу со льдом у него уходит непомерно много. Но у него воля, характер, трудолюбие железные. Он сумел развить в себе другие качества до такой степени, что они как бы перекрыли этот недостаток. Не всем это удается. Играл несколько лет назад в московском «Локомотиве» мой сверстник и тезка Борис Спиркин. Мы с ним и во вторую сборную одновременно попали. Все ждали, что он вот-вот станет игроком первой сборной. Так и не дождались. Он и большой хоккей покинул, когда ему еще не было тридцати, — мастерство стало подводить. Причина одна: так и не сумел научиться кататься на коньках. Примерно та же участь постигла и другого способного хоккеиста — Михаила Рагулина. Его брат, Александр, в сборной играет, а ему нет места в рядовой команде.

В канадском хоккее так не бывает. Там каждый мальчишка

становится на коньки года в четыре, а еще через пару лет отец приводит его за ручку в детскую команду, на искусственный каток, благо они есть в любом городишке. И тут уж ему тренер за определенную плату, конечно, обязательно привьет хорошие хоккейные манеры — в таком возрасте это проще простого. У парня есть к этому времени в полной собственности и настоящие коньки, и клюшки, и вся амуниция, и играет он настоящей шайбой. Того, чему научился в детстве, уже не забудешь. Это становится твоей плотью и кровью. И к 14–15 годам канадский юноша уже прочно овладел всеми основами, ему не надо переучиваться, не надо на поле выдумывать порох.

Вот почему нет в канадском хоккее откровенных двоечников по отдельным хоккейным дисциплинам. Вот почему хоккей этой страны не может окончательно потерять свое лицо и исчезнуть с мировой любительской арены, как бы ни терзали его профессионалы.

Постепенно приобретает какие-то более или менее ясные очертания организация работы с детьми и у нас. Но это в последние годы и в лучших клубах. Многие тысячи ребят начинают свой хоккейный путь примерно так, как начинали его мы с братом. Да у нас еще было некоторое преимущество перед всеми остальными — мы жили рядом с сокольническим катком и «Ширяевкой». Но прежде, чем мы попали на каток и на стадион…

Нам было по восемь лет, когда, роясь в каком-то старье, которого предостаточно в любой семье, а тем более такой многолюдной, как наша, мы наткнулись на пару коньков. Оказывается, некогда они принадлежали одной из старших сестер. Назывались они «английский спорт» и были, естественно, без ботинок. Но нас это не смущало: всякий мальчишка знает, как прикручиваются коньки к валенкам. Можно было, конечно, установить очередь и получать в «свой» час полное удовольствие, катаясь на двух коньках. Но в ту пору у нас с Женькой было и без того сколько угодно поводов для ссор и, не желая обзавестись еще одним яблоком раздора, мы сразу разделили добычу пополам. С таким инвентарем мы не решались появляться на настоящем катке и целыми днями носились по нашему огромному двору.

На каток мы попали через год, и каждый на своей собственной паре. Мне повезло. Однажды под лестницей я нашел выброшенные кем-то заржавленные «норвеги». Я соскреб с них ржавчину, привел в божеский вид, после чего подарил свою половину «английского спорта» Женьке. И тогда мы смело отправились в Сокольники. Мы казались себе очень лихими парнями в своих зимних пальто и ушанках, с прикрученными к валенкам «безразмерными» коньками. И когда старшие сестры

однажды пришли на каток посмотреть на нас, мы старались как можно чаще проезжать мимо них. Мы были уверены, что смеются они, глядя на нас, от радости и гордости за своих неудержимых братьев.

К тому же периоду относится и наше знакомство с хоккеем. Тут с инвентарем было проще. Найти кусок толстой проволоки, старую кочергу или необструганную доску не так трудно, как пару или даже один конек. Любой из этих предметов после соответствующей обработки превращался во вполне приемлемую клюшку. Что же до хоккейных мячиков, то их у нас было сколько угодно — настоящих, нитяных, розовых, которыми играли мастера. Во время хоккейных матчей они часто перелетали через забор «Ширяевки» и становились нашей собственностью.

Однажды таким путем в наши руки попал настоящий футбольный мяч, с которым приключилась комичная история. В те послевоенные годы в нашем дворе некоторые жильцы еще имели огороды. И вот мяч послечьего-то недостаточно точного удара угодил в цветущую картошку прямо на глазах у хозяйки. Мы боялись этой крикливой женщины ужасно и понимали, что нашему драгоценному мячу пришел конец. Но нашей противнице показалось мало просто унести мяч к себе домой. Видно, она боялась, что мы станем клянчить и еще, чего доброго, разжалобим ее. И чтобы лишить нас всяких надежд, она решила устроить публичную казнь мяча. Она сходила домой за гопором, положила мяч на деревянный пол, как на эшафот, размахнулась и стукнула изо всей силы топором. Но она оказалась плохим дровосеком. Ее удар пришелся по краю мяча. Тот скользнул по полу и вырвался прямо к нам. Бедная женщина едва не расплакалась. А может, и расплакалась, мы не успели заметить, потому что очень уж торопливо скрылась она в своем подъезде…

К нашим нитяным мячам и самодельным клюшкам судьба чаще всего была менее милостива, когда они попадали в руки соседей. Но мы не унывали: делали новые и продолжали резаться в хоккей под окнами соседей, заставляя их дрожать за свои стекла тем больше, чем более сильный мороз стоял на дворе. Их опасения были отнюдь не беспочвенны. Изредка твердый, как камень, мяч угождал в цель. А однажды роковой удар нанес я, причем по собственному окну…

Надо сказать, что хоккей и коньки были в ту пору для нас совершенно разными, независимыми друг от друга увлечениями. В Сокольники мы ходили без клюшек, во двор — без коньков. Никаких даже минимальных навыков игры оба эти занятия дать не могли. А первые настоящие коньки с ботинками отец купил нам, когда мы были уже взрослыми 13-летними парнями.

Фактически только теперь и началось наше относительно близкое знакомство с хоккеем, да и то с хоккеем с мячом. А в секцию, разумеется в «Спартак», мы попали еще год спустя. Осенью наш приятель Борис Горелик уговорил пойти с ним к тренеру на переговоры. Мы долго упирались, боясь нарваться на отказ. И мы его едва не получили. Борису пришлось долго уговаривать тренера, известного в довоенные годы спартаковского футболиста Владимира Александровича Степанова. Тренера можно было понять: ему предлагали кота в мешке — льда еще не было, и проверить нас «в деле» он не мог.

— Ну, а на коньках-то они ничего катаются? — спросил Степанов.

— На коньках они здорово катаются, — ответил Друг.

Это и решило нашу судьбу.

Так и началась наша хоккейная жизнь. Но она грозила в любой момент оборваться. И вообще до хоккея с шайбой дело дошло не скоро, а могло и не дойти вовсе. Сначала чуть не бросил Женька. Однажды его поставили на какой-то матч в ворота, и он надолго застрял в них. Но он хотел быть, как и я, нападающим. Просил много раз. Ему отказывали. Грозил уйти, никто не обращал внимания. И только тогда, когда тренер понял, что Женькино терпенье лопнуло и он действительно вот-вот бросит все, его перевели в нападение.

Мы взрослели и наконец достигли возраста, когда надо было расставаться с юношеской командой. А команды мастеров в «Спартаке» не было. Зато была в ЦСКА, и мы решили попроситься туда. Но Степанов ценил в нас неплохих футболистов и хотел во что бы то ни стало удержать за «Спартаком». И он уговорил нас остаться и попробовать зимой свои силы в хоккее с шайбой.

Вот когда я впервые взял в руки длинную неуклюжую клюшку и начал учиться во дворе отрывать от земли черную резиновую капризную шайбу. Я тренировался усердно и к началу сезона достиг кое-каких успехов. Но мои достижения никого особенно не интересовали. И потому я считал свое пребывание в хоккее временным и случайным, не без удовольствия готовясь при первой же возможности дезертировать в хоккей с мячом. И только попав в 1959 году в сборную молодежную команду СССР, мы с Женькой поняли, что хоккей для нас — это всерьез и надолго.

Тут я должен извиниться перед читателем за отступление от темы разговора. Но не сделать это отступление я просто не могу. Я ведь еще раза три чуть не распростился с хоккеем навсегда. И во всех этих случаях разлучником стал бы футбол. Я до сих пор не знаю, какую из этих игр люблю больше. Я и сейчас не могу отказать себе в удовольствии поиграть в футбол. А прежде он был

для меня настоящей страстью. Время от времени Степанов устраивал мне смотрины. Он приглашал на матчи первой клубной команды «Спартак» с моим участием Николая Петровича Старостина и Никиту Павловича Симоняна, руководивших спартаковскими мастерами. Но я им не приглянулся. Я знал, что меня будут просматривать, волновался по этому поводу и всякий раз играл неудачно. Пробовали меня и в дублирующем составе. Симонян отметил, что способности у меня есть, но подготовлен я плохо. Только теперь, повзрослев, я понимаю, что он был прав. Я приехал на сбор футболистов, ни дня не отдохнув после хоккейного сезона, усталый, несобранный. Но тогда мне казалось, что все это пустяки, что никакая специальная подготовка мне вовсе ни к чему. Так или иначе, на тех, от кого зависело разлучить меня с хоккеем, я не производил впечатления. Однако в те же примерно годы я заработал два приза как лучший нападающий всесоюзных соревнований по футболу среди спартаковских команд и на вузовском первенстве. Так я и метался между футболом и хоккеем. Уже став бронзовым призером хоккейного первенства мира, я вдруг снова получил приглашение сыграть за футбольную команду мастеров. Я приехал на сбор, уверенный, что речь идет о команде дублеров, и был поражен, узнав, что буду играть за основной состав. После обоих матчей — с «Пахтакором» и «Кайратом» — меня очень хвалили и Старостин и Симонян. Через несколько дней «Спартак» уезжал из Москвы, кажется, в Минск. Готовился к отъезду и я. И вдруг известие: тренеров вызывали к высшему спортивному начальству, и там они получили жесточайший нагоняй за то, что я играю в футбол. Это, мол, может отразиться на моих успехах в хоккее.

Тренеры не запретили мне ехать с командой, но их энтузиазма как-то поубавилось.

— Решай сам, — сказали мне.

Я остался. На этом моя карьера в большом футболе закончилась. А когда я встречаюсь с Николаем Петровичем Старостиным, он и сейчас всякий раз со вздохом говорит:

— Обидно мне на тебя смотреть, на пропащего человека. А ведь каким футболистом мог стать!

Что ж, футболистом я не стал, но и сейчас не меньше, чем прежде, люблю эту игру. Люблю большое мягкое зеленое поле, люблю выходить на него в теплую солнечную погоду, когда на трибунах тысячи людей.

Но пора возвращаться к хоккею. Вот так, как мы с Женькой, училось играть и все мое поколение. Не мудрено, что у всех у нас большие пробелы в образовании. Новое поколение в этом отношении значительно опередило нас: стало больше хоккейных

школ, появились дворовые команды. Теперь только в состязаниях клуба «Золотая шайба» для ребят из школьных и дворовых команд участвует около грех миллионов человек. Это же поистине гигантский резерв, причем резерв почти неосвоенный. У ребят нет настоящих тренеров, не хватает амуниции, тренируются очи от случая к случаю. Однако постепенно все входит в норму. Число катков, даже искусственных, растет очень быстро. Есть города, такие, как большой Новокузнецк или маленький Воскресенск, где хоккейные коробки специально для мальчишек построены чуть ли не в каждом дворе.

И потом — а это представляется мне самым главным — нашими ребятами, когда они берут в руки клюшку и отправляются на каток, движет благороднейшее из побуждений: они мечтают стать такими же храбрыми, мужественными и благородными рыцарями, как их кумиры, знаменитые хоккеисты. В Канаде дело обстоит несколько иначе. Там папа и мама приводят своего отпрыска на каток, предварительно купив ему форму с иголочки, в надежде, что мальчик со временем сумеет с помощью коньков и клюшки зарабатывать такие же баснословные гонорары и заключать такие же выгодные контракты, как Морис Ришар и Стен Микита, знаменитые канадские профессионалы. Идеал и папы и сына не сам хоккейный маэстро, а его доллары. И мальчишеской романтике в этих вполне прозаических расчетах места нет.

День десятый
STOCKHOLM

Я знал, что наши сегодня выиграют. Просто уверен был в этом. Даже в те моменты, когда все висело на волоске. Не могли не выиграть. У нас издавна есть закон, который я не могу объяснить: два раза подряд сборная плохо сыграть не может. Такого в ее истории не бывало. И к каждому в отдельности это тоже относится.

И сегодня иначе быть не могло. Это примета верная…

Кстати, о приметах. Я уж как-то мимоходом говорил, что мы, хоккеисты, народ суеверный, вроде моряков. Почему так, не знаю. Но почти у каждого есть свои приметы, и, как утверждают, верные, безошибочные.

Например, в 1963 году в Стокгольме перед матчем со шведами я забыл дома капитанскую повязку, и мы проиграли. И впоследствии все следили, чтобы я ее больше не забывал.

Однажды в Праге мы ехали на матч с Чехословакией и посадили в автобус женщину, жену какого-то приятеля Виктора Кузькина (это не только наша примета, — и у моряков она есть). Взяли женщину — и проиграли. Или вот еще примета: капитан должен появиться на поле обязательно первым, и если какой-то новичок по неведению хочет протиснуться вперед, его непременно остановят. Один считает, что дела плохи, если порвался шнурок, другой — что правую перчатку необходимо натянуть прежде левой, и т. д. Тренеры, хоть и не признаются, тоже суеверны. Захожу я перед каким-то матчем в Гренобле в автобус ехать на игру, а там женщина. Дождался Чернышева и показываю глазами в ее сторону. Он говорит тихо:

— Не беспокойся, попросим выйти.

И попросили…

Оказывается, и многие болельщики верят в приметы. Два моих приятеля-туриста поехали в Гренобле на матч Чехословакия — Швеция на городском автобусе. По ошибке проехали нужную остановку и долго возвращались к стадиону пешком. В зале был холод почти такой же, как на улице, и они просидели всю игру с поднятыми воротниками, не сказав друг другу ни слова. Матч закончился вничью: тем самым мы были спасены и в случае победы над канадцами становились чемпионами. На этот матч наши приятели ехали снова городским автобусом, хотя могли бы ехать своим, туристским. Они опять, уже нарочно, проехали свою остановку и брели назад тем же путем. И в зале, хотя уже сильно

потеплело, закутались в воротники и боялись обменяться словом… Но хватит о приметах, это в шутку, вернемся к матчу.

Как только он начался, стало ясно: наши применяют прессинг. Да еще какой-то небывало жесткий. Такой, как у нас, часто применяет против сильных команд воскресенский «Химик», за что его любят укорять: дескать, сам не играет и другим не дает. Очень правильное решение. Во-первых, козырь шведов — умение быстро развивать атаку, а тут, когда все разобраны и никто не может оторваться хоть на миг от опекуна, сделать это чрезвычайно трудно. Во-вторых, и для прессинга, и для борьбы с ним надо израсходовать очень много сил. Тут уж кто кого перебегает. Мы в этом их превосходим. Значит, решить судьбу матча должен третий период, когда у них уже не останется сил. Шведы это понимают и лезут из кожи вон, чтобы добиться решающего преимущества поскорее. Но прессинг сковал их по рукам и ногам. Даже Стернеру редко удается найти хорошее продолжение атаки — его партнеры закрыты наглухо. Интересно, что борьбу со шведским капитаном и его быстрыми крайними нападающими тренеры доверили молодежной тройке. Смелое, но мудрое решение. Михайлов, Харламов и Петров играют здесь так, будто усталость для них — чувство неведомое.

Некоторое территориальное преимущество на стороне шведов. Но пробиться вплотную к воротам им не удается. Тогда они переходят на обстрел издали. Но Зингер стоит прекрасно. Тоже не может плохо сыграть дважды подряд. Молодец. Шведы все же открывают счет. Но наши быстро сравнивают. Герой — Михайлов. Он подхватил шайбу на нашей половине, промчался с ней через все поле и отдал ее Петрову как на блюдечке. «На, забивай».

После перерыва темп взвинтился до предела. Шведы бросили перчатку, наши ее приняли. К концу периода — опять ничья. Но для шведов это почти поражение, для нас — почти победа. Не должно у них остаться сил на третий период после сорока минут такой изнурительной борьбы. Однако «почти» в хоккее опасное слово. «Почти проиграли» — значит надежда еще не потеряна безвозвратно. «Почти выиграли» — это действует успокаивающе. А со шведами успокаиваться запрещается до последнего мгновения. В матче с Чехословакией они доказали, что, когда у них не остается сил, их ведет вперед воля.

Начинается третий период. Молодцы Чернышев и Тарасов! Они сумели сделать сейчас самое главное — настроили ребят в перерыве. По всему видно: все рвутся в бой. Еще минут пять шведы атакуют, а потом будто испускают дух — команда выжата как лимон. И в самом деле, их светло-желтые рубашки, взмокшие,

потемневшие от пота., изжеванные, напоминают помятые лимонные корки. И тогда наши пошли вперед. Они забили решающий гол и могли забить еще. Но, во-первых, шведский вратарь Холмквист несколько раз спасал свою команду. Во-вторых, наши несколько успокоились, поскольку шведы уже не представляли опасности и доигрывали как бы по инерции. В-третьих, и наши отдали слишком много сил в этой игре, физических и нервных.

В общем, это была игра! Вроде бы можно всю ее разложить, как шахматную партию, на «е2—е4», а можно описывать стихами, как полтавскую битву. Борьба тренерских идей, борьба команд, подчиненная общему плану, и одновременно борьба каждого звена, каждого игрока, где в любой момент всякий должен сам понять, что хочет противник, перехитрить его, придумать свое решение, выполнить это решение и тут же вступать в новое единоборство, и снова думать, отгадывать, осуществлять. И никакой тренер тут тебе не придет на выручку. Тут ты сам себе тренер… Изнутри видишь матч совсем не так, как с трибуны. Когда ты на поле, игра распадается для тебя на элементы. Со скамьи запасных тоже все выглядит иначе. То ты не можешь еще выключиться из борьбы, в которой участвовал только что, то ждешь сигнала: «Смена!»— и внутренне настраиваешься.

А с трибуны я до сих пор матчей такого накала не видал. На первенствах мира либо сам в них участвуешь, либо сидишь в гостинице, сберегая нервную энергию. Дома самое интересное происходит тогда, когда «Спартак» играет с ЦСКА и я то на поле, то на скамейке. И кажется, впервые в жизни я получил возможность любоваться хоккеем во всей его неповторимой красоте. Наверное, побывать в такой роли полезно каждому хоккеисту. А то перестаешь чувствовать и понимать, что ты не просто играешь, а творишь для людей праздник, что приносишь им своей игрой радость и удовлетворение: «Вот какие мы, люди, сильные и красивые».

Наверное, в этом отношении хоккей все-таки стоит над прочими видами спорта. Недаром же у нас в стране хоккей, едва родившись, стал тягаться по популярности у зрителей с самим футболом. Это теперь хоккей можно смотреть со всеми удобствами — красивые и теплые дворцы спорта, мороженое в фойе, — да и то далеко не всюду. А я помню еще те времена, когда мы выходили на лед открытого катка где-нибудь в Омске или Новосибирске в 30-градусный мороз, а на трибуне яблоку негде было упасть. На футбол болельщик и в разгар лета не очень-то пойдет, если знает точно, что его команду ждет разгром А там и мороз никого остановить не может, хотя никакой корысти

и в помине нет — обычно мы обыгрываем сибирские команды без большого труда. Просто идут как театралы на премьеру с участием любимых артистов. Стоят в очереди, мерзнут ради священной любви к искусству — они ведь не ждут, что на этот раз Яго будет разоблачен, а Отелло поверит Дездемоне.

Чем же объяснить это всеобщее поклонение хоккею? Видно, есть в нем то, что отвечает запросам людей нашего времени, людей, привыкших к стремительному темпу эпохи, требующих от зрелища беспрестанных конфликтов, остроты ощущений и в то же время яркости.

В хоккее практически нет пауз. Вам обещали час игры, и весь этот час вы будете присутствовать при зрелище, о котором в отчетах обычно пишут: «острые моменты то и дело возникали у ворот». Мяч не будет вылетать далеко на трибуны, игроки не будут подолгу примериваться, прежде чем ввести его в игру, никто не сумеет «тянуть время». В хоккее тоже есть задержки, но на это время секундомер выключен. Время игры — «чистое время».

Говорят: «Хоккей жесток, в нем все можно». Да, в хоккее можно многое. Если ты смел, грудью останови шайбу, летящую со скоростью снаряда, или стань на пути мчащегося прямо на тебя соперника — кто кого: либо он, либо ты окажешься поверженным на лед. Если ты ловок, дерзни проскочить между Сциллой и Харибдой, между жестким деревянным бортом и могучим стокилограммовым Сашей Рагулиным. Проскочил — молодец, нет — не жалуйся, что тебе больно. Но зато в отличие от других игр в хоккее действует принцип: «Чего нельзя, того нельзя». Здесь за подножку, удар исподтишка или иную грязную игру ты не отделаешься невинным штрафным в сторону своих ворот. Самая мягкая из мер наказания — твоя команда остается на поле в численном меньшинстве. Значит, в худшем случае — гол, в лучшем — изнуряющая силы оборона, потеря инициативы, предоставление противнику передышки за твой счет. Вот он какой, хоккей. Мужественный, суровый и справедливый.

Хоккей выглядел живописно всегда — освещенное поле в окружении черной ночи и черных трибун, и на нем разноцветные фигурки мчащихся, словно средневековые рыцари с пиками наперевес, хоккеистов с клюшками в руках. А теперь, когда подмостками ему служит молочно-белый искусственный лед дворцов спорта, пересеченный широкими красными и синими линиями, он стал еще красивее и в то же время доступнее, ближе. И игроки в самом деле похожи на витязей — коньки делают всех высокими, а скрытые под формой синтетические доспехи — стройными и могучими.

И еще есть одно достоинство у хоккея, которое ставит его над другими играми. Хоккей не может обмануть надежд зрителя. Вот вы идете 2 мая на Большую арену в Лужники смотреть футбольный матч между чемпионом и обладателем кубка, матч двух самых лучших команд. Вы надеетесь, что он будет интересным. Но можете ли вы за это поручиться? Ни в коем случае. Ну, а уж если одну из двух команд примерно равного класса устраивает ничья, то вы почти наверняка проскучаете на трибуне полтора часа. В хоккее вы можете не угадать победителя, но попасть на скучный матч «Спартак» — ЦСКА вы не можете. С тех пор как класс этих команд выровнялся, каждая игра между ними захватывающе интересна. Ничья может случиться в одном случае из десяти, да и то когда одна команда догонит другую в самом конце. Впечатлений от такой ничьей побольше, чем от любой победы.

Команд вот только хороших у нас маловато, силы чаще всего не равны. Но еще три, еще пять лет, и хороших команд станет больше. Иначе и быть не может. Лосмотрите, где появляются почти готовые игроки для сборной — в Новокузнецке, Усть-Каменогорске, Кирово-Чепецке. Это безошибочная примета того, что вот-вот станет у нас больше команд, хороших и разных. Значит, будущее за нами!

День одиннадцатый
STOCKHOLM

С утра отправился на пароход. После такой победы, как вчера, приятно увидеть всех и поговорить о хоккее. Здесь несколько наших ведущих тренеров. Все хвалят команду так же горячо, как ругали ее накануне матча с американцами. Потом разговор перекинулся на наш внутренний чемпионат. Так уж, видно, устроены хоккейные тренеры — ни о чем, кроме своего дела, ни думать, ни говорить долго не могут. Недавно я перечитывал «Одноэтажную Америку» и наткнулся на один абзац, который даже подчеркнул карандашом. Ильф и Петров приехали в Ныо-Йорк и собирались в путешествие по стране. Но им нужен был спутник-американец. Они искали и никак не могли найти подходящего. И вот они пишут:

«Таким образом, нам требовалось идеальное существо, роза без шипов, ангел без крыльев, нам нужен был какой-то сложный гибрид: гидо-шоферо-переводчико-бессребреник. Тут бы сам Мичурин опустил руки».

Когда я думаю о том, что это за профессия — хоккейный тренер, и какими качествами должен обладать человек, взваливший на себя груз работы в команде мастеров, мне только остается развести руками. Если бы надо было придумать слово вроде того, которым Ильф и Петров охарактеризовали своего будущего спутника, то это слово заняло бы целую страницу. И то, уверен, какая-то необходимая составная часть оказалась бы забыта. Мы, хоккеисты, ведь рассуждаем как: «Вот бы к уравновешенности Чернышева, да горячность Тарасова, да талант возиться с мальчишками Эпштейна, да железную волю Пучкова, да умение проникать в человеческие характеры Богинова, да понимание игры Боброва, да…» Тут уж действительно никакой Мичурин не поможет.

Тренер должен обладать качествами, порой взаимоисключающими друг друга. Он должен быть:

педагогом, что понятно само собой, и администратором, поскольку без хороших полей, без базы для тренировок, без полноценного инвентаря, без создания бытовых условий для игроков весь его педагогический талант пойдет насмарку;

человеком твердого характера, чтобы навести порядок в команде, где собралось два десятка разных людей, и в то же время мягкого характера, чтобы, если надо, сделать исключение для каждого из этих людей, а еще и гибкого характера, чтобы не

оттолкнуть от команды меценатов с их добрыми делами, и оградить команду от их вредного вмешательства в ее жизнь;

семьянином, чтобы понимать нужды игроков, многие из которых имеют жен и детей, и уметь забывать о своей семье, поскольку для тренера такие понятия, как выходной день, нормированное рабочее время, отпуск и еще многое, что необходимо для нормальной семейной жизни, носят очень условный характер;

оратором, обладающим достаточной эрудицией и красноречием, чтобы донести свои идеи и до тех, кто сам много читал, видел, знает, и до тех, кто учился давно и мало, а книгу и вовсе не брал в руки никогда;

человеком азартным и увлекающимся, чтобы увлечь своим пылом других, и бесстрастным, чтобы трезво оценивать обстановку на поле в самых головоломных и головокружительных ситуациях;

фантазером и прожектером, иначе его команда обречена на застой, и скептиком, чтобы не переоценивать свои возможности…

Осенью 1967 года я несколько недель исполнял обязанности тренера «Спартака». Потом меня сменил брат. Мы даже не представляли себе, до чего тяжела шапка хоккейного Мономаха. Поработав, мы поняли не только то, насколько сложна эта профессия, но и то, что тренировать людей, с которыми ты вместе играешь или играл еще недавно, вообще невозможно. Тут нужны совсем иные отношения.

Во время сборов в Алуште один из хоккеистов, человек взрослый и заслуженный, опоздал к отбою, да еще пришел, мягко выражаясь, в нетрезвом виде. Все следующее утро я готовился к разговору с ним, мысленно произносил суровые и обидные слова, которые скажу ему, обдумывал меру наказания, которую определю за этот серьезный проступок. А он явился и, не дожидаясь моей тирады, сам сказал всего два слова:

— Извини, Боб… — Помолчал немного и добавил: — Больше не буду.

На этом наш разговор закончился. Тогда я понял, что мне не создать той грани, которой не было и не могло быть между нами все эти годы. И я вынужден был признать свою капитуляцию.

Потом в 1969 году меня назначили старшим тренером «Спартака», и все же пройдут, наверное, годы, когда я наконец получу право называть себя настоящим тренером.

Большой тренер — обязательно личность, человек яркий и самобытный. Он строит команду как бы по своему образу и подобию. Серый, неяркий человек и команду такую же создаст. А если придет в яркую, интересную команду, то следа в ней не

оставит.

Я уже не раз в этой книге говорил о Чернышеве и Тарасове. Вам знакомы команды ЦСКА и «Динамо». И на ту и на другую наложила огромный отпечаток личность их тренеров.

ЦСКА — это команда-лаборатория. В ней вечно что-то ищут, что-то пробуют. В ней родился поточный метод тренировок, тактика «пять в обороне — пять в наступлении», система с шестью защитниками, в ней прошла испытание новая для хоккея фигура хавбека.

У меня много друзей в ЦСКА. В большинстве своем это люди спокойные и уравновешенные. Но на играх и тренировках они так же неистовы, как их тренер.

«Динамо» сильно своей организованностью и аккуратностью. Они могут сыграть плохо или хорошо, но от намеченного перед матчем плана не отойдут. И еще. Лучшие из нынешних звеньев «Динамо» по манере игры больше похожи на своих одноклубников 50-х годов, чем на сверстников из других команд. И тут личность тренера и лицо команды — как два родных брата.

Николай Семенович Эпштейн работает в маленьком подмосковном городке Воскресенске. Его «Химику» трудно тягаться с московскими командами — 80 тысяч жителей, выбор не тот, Но он оптимист. Он верит, что его игроки — самые талантливые, самые перспективные, самые понятливые, короче, самые лучшие па свете. О каждой своей новой находке — каком-нибудь 16-летнем шкете, в котором и росту, как говорится, «метр с кепкой», — он рассказывает как о будущем Боброве:

— Игрочище! Все умеет! А голова какая! Посильнее Сашки Раi улина будет защитник (Рагулин — тоже его воспитанник).

И он заражает этих мальчишек своей верой в их силы и возможности. И они никогда не робеют на площадке ни перед какими авторитетами. И они нередко отнимают очки и у нас, и у ЦСКА, и у «Динамо». И они почти никогда не опускаются в итоговой таблице ниже четвертого места, оставляя за собой команды миллионных городов, и уже дважды занимали третью ступень пьедестала почета, оттеснив с нее московское «Динамо».

Ленинградскую команду СКА тренирует Николай Георгиевич Пучков. Для меня он идеал спортсмена, да и человека тоже. Мы с ним дружим, мы на «ты», мы вместе играли в сборной, он был моим противником, как вратарь ЦСКА, и вместе с тем он для меня легенда. Его фанатизм, его самоотреченность, его бескорыстная, поистине рыцарская страсть к хоккею, его неутолимая жажда к самосовершенствованию — все это вместе взятое делает в моих глазах Пучкова человеком, которому и подражать-то невозможно, настолько он выше всех нас, грешных.

…Однажды мы с ним случайно встретились перед матчем на Кубок СССР. «Спартак» принимал ленинградцев в Серебряном бору. Мы оба спешили. Предматчевых забот, как всегда, полно. На улице вовсю лил щедрый апрельский дождь. Он что-то сказал мне по поводу предстоящей игры, я ответил. И… мы распрощались только через два часа, промокшие до нитки. Мы и не заметили за разговором, как эти часы промчались. Мы так увлеклись, что забыли о дожде. За эти два часа мы даже не тронулись с того места, где повстречались, и только подняли воротники пальто. Когда мы расстались, я подумал, что такое может случиться лишь с самим Пучковым и тем человеком, который оказался его — именно его, не кого-нибудь другого — собеседником.

Я ни у кого не видал такого отношения к своей игре и тренировкам, как у него. Он считал, что не бывает таких бросков, которые вратарь не мог бы парировать. В каждой пропущенной шайбе он винил только себя и, пропустив гол, мучился, анализировал свои действия, анатомировал ошибку. А потом на тренировках изводил себя и партнеров поисками решения задачи, которую не мог решить во время матча В тренировках время «от и до» для него не существовало. Да и летом, когда все прощались с хоккеем до нового сезона и разъезжались отдыхать, он оставался в Москве, чтобы тренироваться на асфальте.

Я был у него дома и видел его записи. Там досье едва ли не на всех известных нападающих, их любимые точки обстрела ворот, уязвимые места, достоинства. Там же описание игры лучших канадских вратарей, которых довелось видеть Пучкову. Он показывал мне канадские книги о хоккее вообще и об игре вратаря в частности. О/казывается, за границей, пока мы носились по магазинам в поисках красивых рубашек для себя и кофт для жен, он искал эти самые книги, тратя на них все деньги. А чтобы читать их, он изучил английский.

Он стал тренером СКА, учась на дневном отделении Ленинградского института физкультуры. Причем его спортивная и общая эрудиция оказались настолько значительны, что четырехлетний курс наук он прошел года за полтора и получил диплом с отличием.

Прежде мне казалось, что призвание Пучкова — место в хоккейных воротах. Теперь я думаю, что у этого человека два призвания. Второе, не менее яркое, — быть тренером. А может, дело вовсе и не в призвании? Если человек умеет трудиться с такой страстью, если способен отдать тому, за что взялся, всю душу, он найдет призвание во всем.

Наверное, интересно играть в команде, которую тренирует Николай Пучков. Но, уверен, и очень трудно. Ведь те требования,

которые некогда вратарь Пучков предъявлял только к себе, теперь он предъявляет к каждому из своих питомцев. Конечно, невозможно собрать в одной команде одного, даже очень большого, города два с половиной десятка Пучковых. Но когда мы встречаемся со СКА, я явственно различаю в этой команде черты характера ее тренера: железную внутреннюю дисциплину, умение независимо от счета бороться до последнего свистка, суровую требовательность каждого игрока к себе и друг к другу, стойкость перед неудачами. СКА — команда, не уважать которую нельзя.

«Спартаку» везло с тренерами меньше, чем ЦСКА, «Динамо», ленинградскому СКА или «Химику». У нас тоже, правда, были очень интересные и яркие тренеры, много сделавшие для команды, но по разным причинам, порою от них не зависящим, они уходили от нас после двух-трех лет работы.

Первым моим тренером в команде мастеров был А. Сеглин. Ему, так сказать, с рук на руки передал меня В. А. Степанов, много лет проработавший с детскими командами «Спартака». Собственно, я застал уже конец тренерской деятельности Сеглина. Я, как вы уже знаете, был совсем еще мальчишка, в хоккее с шайбой совсем новичок. Узнав, что я не просто на «вы» с шайбой, а вообще видел ее только издали, он велел мне познакомиться с ней поближе, учиться водить и бросать. В этом и заключалась его работа со мной. Как я овладеваю новой игрой, он, по-моему, и не знал. Вообще, его эпоха — эпоха спокойной и малоинтересной жизни команды. Играла она ни шатко ни валко, да иного от нее и не требовали. В ней тихо заканчивали свою не очень бурную хоккейную карьеру полтора десятка стареющих игроков. Они были достаточно опытны, чтобы не дать команде скатиться на дно турнирной таблицы, но недостаточно сильны и честолюбивы, чтобы вытащить ее хотя бы в первую десятку. А когда спартаковскому руководству надоело мириться с этим серым существованием и оно решило вывести свою команду в число лидеров хоккея, Сеглина сменили.

На его место пришел Александр Иванович Игумнов, спартаковец с довоенным стажем, один из родоначальников хоккея у нас в стране. По существу, лишь при нем я почувствовал как следует, что игра в команде мастеров — дело серьезное. Он навел в команде порядок. Он строго спрашивал за опоздания на тренировки и нерадивость. Он немилосердно наказывал нарушителей режима. Он отчислил наиболее «пожилых» (я беру эти слова в кавычки потому, что в спорте понятия о молодости и старости очень условны и своеобразны) и бесперспективных, взяв большую группу молодых и способных хоккеистов, которых тренировал еще недавно в молодежной команде. Среди них был и

Вячеслав Старшинов. Помню, в ответ на недовольное наше ворчание по поводу нового партнера, который поначалу нам активно не понравился, Игумнов уверенно сказал:

— Поверьте моему слову, этот парень через несколько лет станет центральным нападающим сборной.

Как видите, он знал толк в хоккее и хоккеистах. Кстати, в те времена Игумнов был одним из редких в нашем молодом по возрасту хоккее тренеров, кто имел уже солидный стаж практической работы. Еще в 1948 году он входил в состав тренерского совета той самой сборной команды Москвы, которая встречалась с первой приехавшей к нам из-за рубежа командой — чехословацкой командой ЛТЦ.

У Игумнова были свои недостатки. В последние годы он работал с детьми и перенес те методы на нас. Он покрикивал на нас, как на мальчишек, и говорил обычно тоном, не допускающим возражений, и не очень-то выбирая слова для своих разносов. А у нас ведь полкоманды были студентами. И тем не менее именно Игумнов начал закладывать основы той команды, которая спустя два года стала чемпионом страны. Он создал нашу тройку, перевел на места ветеранов Валерия Кузьмина, Владимира Испольнова, Александра Кузнецова.

Все это, однако, не помешало спартаковским руководителям довольно быстро освободить Игумнова от работы. Случилось то, что случалось, да, наверное, случится еще не раз в нашем спорте. Возник конфликт между тренером и той группой ветеранов, чей час уже пробил, но которая никак не хотела уходить из команды. Они-то и использовали какие-то чисто человеческие слабости нашего тренера в борьбе с ним. И руководство, как случается тоже достаточно часто, встало на сторону ветеранов. Игумнов вернулся к своим юношеским командам.

Не думаю, что он очень горевал. Будущее команды мастеров было еще покрыто мраком неизвестности, высокие места в ту пору нам и не светили, а работать в «Спартаке» с детьми — одно удовольствие. Мальчишки ведь в наш клуб валом валят, от желающих отбоя нет. Значит, и выбор богатый. Недаром ведь «Спартак» дал советскому хоккею и Локтева, и Фирсова, и Старшинова, и А. Якушева, и Шадрина, и еще множество хоть и не таких знаменитых, но тоже очень известных игроков. А что может быть приятнее, чем сознание, что ты дал им путевку в большой спорт?

Но так или иначе, а мы остались без тренера. И тоже не в последний раз. Лишь в середине зимы мы узнали, что к нам в команду назначен Александр Никифорович Новокрещенов, работник Федерации хоккея, человек, побывавший в Канаде,

видевший лучшие любительские и профессиональные команды этой страны. Мы были очень рады этой вести. Мы с нетерпением ждали встречи со своим новым тренером. И мы не ошиблись в своих надеждах. Правда, Новокрещенов оказался совсем не тем человеком, каким мы его себе рисовали до личного знакомства.

Нет, пришелец из кабинетов хоккейной федерации не отличался склонностью к теоретизированию и обстоятельным разборам игр, а посещение Канады, этой Мекки мирового хоккея, не придало ему самомнения к самоуверенности всезнайки. Он не открыл нам чудес новой невиданной доселе тренерской методики. В нашем новом тренере оказались два качества, определяющие его человеческую индивидуальность: доброта и горячность. А это, вероятно, были как раз те качества наставника, в которых тогда особенно нуждалась наша молодая команда. Мы, игроки, с одной стороны, и тренер — с другой, как-то очень подошли друг другу по духу и темпераменту. В год прихода Новокрещенова «Спартак» занял шестнадцатое место в чемпионате страны, в следующем сезоне стал шестым, и затем завоевал первенство Союза.

Мы стали чемпионами страны в 1962 году, когда общий уровень мастерства команды не давал нам права на столь высокий титул. Но и победили мы не случайно. То была победа молодого задора, когда нехватка мастерства компенсируется огромным желанием, верой в свои силы, стремлением к самоутверждению, неуемной волей к победе и полным отсутствием робости перед сильными мира хоккейного. На каждый матч мы выходили как на последний и решительный бой и одновременно как на праздник. И наше настроение подогревал тренер, полностью разделявший отношение своих питомцев к игре, к самим себе, к противникам.

Я назвал Новокрещенова человеком горячим. Это, пожалуй, не совсем точно. Он даже не горячий, а кипящий, огнедышащий, что ли. Вот он стоит во время матча впереди нашей скамьи, вцепившись руками в деревянный бортик и устремив взгляд туда, где идет борьба за шайбу. Кажется, разреши он себе разжать руки, и никакая сила уже не способна будет удержать его на месте: он перемахнет через борт и вот как есть, без коньков и в пальто, ринется на лед помогать своим. Он то бледнеет, то розовеет, то шепчет что-то, то переходит на крик, хотя там, на поле, его все равно никто не слышит, начинает какую-то фразу и тут же о ней забывает. А когда судья штрафует кого-нибудь из наших, Новокрещенова опять выручает привычка стискивать борт пальцами: будь они свободны, наш тренер, я думаю, запустил бы их в рот и огласил бы стадион свистом, которому могли бы

позавидовать виртуозы этого дела с Восточной трибуны стадиона «Динамо». В такие моменты неясно было, кто кого должен успокаивать — тренер игроков или игроки тренера…

Возможно, с точки зрения «чистой» педагогики поведение нашего тренера и заслуживало самых суровых упреков. Но его неистовость заражала нас и настраивала в трудных матчах так, что нам не страшен был никакой противник. И я смело могу сказать, что в каждой победе «Спартака» очень большая доля принадлежала Новокрещенову, а каждая неудача команды отнимала у него немало здоровья и, быть может даже, какой-то кусочек жизни.

И добр наш тренер тоже был неумеренно. Ни одна команда не избавлена от своих больших или мелких ЧП. Новокрещенов же просто не умел строго наказывать игроков. Узнав о чьем-то проступке, он распалялся, настраивал себя на самый суровый разговор, готовился быть бесстрастным и непримиримым. Но в последний момент ему становилось жаль нарушителя, и взыскание откладывалось до другого раза. Не то чтобы в «Спартаке» было очень много таких ЧП, скорее наоборот, — мы были дисциплинированней других. Но команда-чемпион всегда на виду, и каждый наш проступок становился предметом всеобщего обсуждения и осуждения, А доставалось в первую очередь тренеру. Влетало ему и из-за меня и моих партнеров по тройке. Наше поведение за пределами поля не вызывало нареканий — мы были известны спартанским отношением к режиму. Но на площадке мы то и дело вступали в перепалку с судьями, обязательно норовили дать сдачи обидчику, словом, едва ли не в каждом матче давали повод для разговора о том, что воспитательная работа поставлена в «Спартаке» плохо.

Доброта нашего тренера обернулась против него. Она послужила одной из причин его ухода. К тому же ему предъявили претензии в том, что он не пользуется наиболее современными методами тренировки. Верно, он не хотел заимствовать у других входивший тогда в моду так называемый поточный метод. Но он вывел команду в чемпионы, и уже одно это давало ему право отстаивать свои взгляды на методы подготовки команды. Никто, однако, не хотел с этим считаться. В следующем сезоне «Спартак» занял лишь третье место в чемпионате. Многочисленным руководителям и меценатам, которых появилось у нас великое множество, как только команда завоевала золотые медали, этого показалось мало, хотя уровень класса не позволял нам в ту пору рассчитывать на стабильные результаты, и судьба Новокрещенова была решена.

Я думаю, что право руководителей клубов в любую минуту

уволить тренера — одно из самых странных и печальных явлений в нашем спорте. Судьба тренера, квалифицированного, серьезного, уважаемого специалиста, находится в руках людей, измеряющих качество работы тренера лишь местом, которое заняла его команда в чемпионате. Получается парадоксальная ситуация. Тренер приходит в команду, которая плетется где-то в хвосте или в середине турнирной таблицы. Поднимет ее новый наставник на одно-два места выше, он может быть доволен жизнью. Но не дай ему бог вывести своих питомцев в призеры или, того хуже, в чемпионы. С этой минуты от него будут требовать только побед и медалей. Всякое место за пределами призовой тройки будет расценено как катастрофа команды и творческий крах тренера. Никто не станет вспоминать, что именно он и вывел еще недавно команду наверх, никто не захочет принять во внимание, что в спорте сезон на сезон не приходится, что кризисы, связанные со сменой поколений, вещь неизбежная.

Вот и выходит, что, борясь за серьезные и стабильные успехи своих питомцев, тренер одновременно копает себе яму.

Тренеры отлично сознают двойственность своего положения. И это нередко останавливает их от серьезных преобразований в командах, от преобразований, которые могут дать плоды через несколько лет. Всякая реконструкция связана со временным отступлением. Но временным оно будет лишь для игроков. Для тренера оно будет постоянным — подъема он не увидит, его к тому времени уже уволят, плодами его начинаний воспользуется кто-то другой. И тренер не идет на революционные шаги, он думает только об одном: как бы залатать дыры, чтобы сохранить команду на ближайший сезон в нынешнем ее виде.

…В начале 50-х годов молодой ленинградский тренер Дмитрий Николаевич Богинов приехал в Горький и начал работать с командой «Торпедо», выступавшей по классу Б. Начинал он, по существу, почти на голом месте. Все будущие горьковские знаменитые хоккеисты во главе с Виктором Коноваленко ходили еще в коротких штанишках. Их-то, в ту пору 16—17-летних мальчишек, и собрал из разных клубов города в свою команду Богинов, с ними отправился в долгий и трудный путь за хоккейной славой.

«Торпедо» поднималось вверх по иерархической лестнице нашего хоккея медленно, но верно, ни разу не отступив на этом пути. Наконец в 1956 году горьковчане пробились в класс А. И тут начался стремительный взлет команды, завершившийся в 1961 году небывалым в истории нашего хоккея успехом. «Торпедо» — первая из немосковских команд, которой удалось подняться на всесоюзный пьедестал почета. Горьковчане заняли тогда второе

место на чемпионате страны. С тех пор минуло почти десятилетие, но к своеобразному рекорду «Торпедо» лишь однажды вплотную подошел воскресенский «Химик», завоевавший в 1966 году бронзовые медали.

Удержаться на пьедестале почета еще на год горьковская команда практически не могла. Надо было подтянуть тылы для новой атаки на этот самый пьедестал. Но руководители горьковского спорта не хотели ждать. «Торпедо» продолжало сохранять репутацию сильной, хорошей команды, но это их не устраивало. Богинову пришлось уехать из города. С тех пор команда снова медленно, но верно движется по турнирной лестнице, но уже в обратном направлении. В сезоне 1969 года она и вообще едва не скатилась по наклонной плоскости за пределы высшей лиги.

А что же Богинов? Он переехал в Киев. В украинской столице была впервые создана хоккейная команда второй группы. Положение нового тренера было более чем незавидное: своего хоккея на Украине нет и где искать игроков для команды мастеров, неизвестно. Богинов кликнул клич по стране, и под его знамена собрались два десятка хоккеистов из тех, кто либо уже, либо еще не нужны были командам своих родных городов.

На первый раз киевскому «Динамо» удалось закрепиться во второй группе, в следующем сезоне — перебраться в первую. Через три года с этой командой вынужден был считаться уже любой противник — на ее счету появились победы над ЦСКА, «Спартаком», московским «Динамо». К титулу Богинова «заслуженный тренер РСФСР» прибавился другой — «заслуженный тренер УССР». Что же, переоценки тренерских заслуг тут не было. Все свои скромные, но очевидные достижения киевское «Динамо» завоевало в тяжких условиях: оно вело борьбу, не имея тылов в массовом хоккее Украины, поскольку его не существует и по сей день, значит не имея собственного резерва, а живя подачками от других команд.

Первенство СССР 1969 года проходило по новой системе. После трети турнирной дистанции шесть лучших команд отбирались в высшую лигу, остальные оставались за ее пределами. Разумеется, не нашлось места в шестерке и киевскому «Динамо», как не нашлось куда более опытным и мощным командам — московскому «Локомотиву», ленинградскому СКА, горьковскому «Торпедо». И тут же все сделанное Богиновым было забыто. В киевском «Динамо» появился новый тренер.

Я хорошо знаком с Дмитрием Николаевичем Богиновым и потому не сомневаюсь, что, придя в новую команду, он вновь возьмется за дело засучив рукава. Но и не стоило бы удивляться и

осуждать тренера, если бы после всего этого он стал бы работать «от сих до сих», работать так, чтобы, с одной стороны, команда не упала в слишком глубокую пропасть, а с другой стороны — не оказалась бы слишком на виду.

Примерно то же, что у нас, происходит в футболе. И бродят из конца в конец страны десятки, а то и сотни вечных странников — футбольные и хоккейные тренеры, люди, не имеющие постоянного жилья, общающиеся со своими семьями в основном посредством писем и телефонных звонков, неуверенные в своем завтрашнем дне, не знающие, застанет ли их следующий сезон и не придется ли им «переквалифицироваться в управдомы».

Я был бы несправедлив, если бы сказал, что такова судьба всех без исключения хоккейных тренеров. Скажем, заслуги А. И. Чернышева и А. В. Тарасова настолько общеизвестны и общепризнаны, что никакие временные неудачи — а они изредка посещают и их команды — не могут поколебать положение этих авторитетнейших специалистов. А в Воскресенске спортивные руководители настолько разумны и дальновидны, что целиком и полностью доверили свою команду Н. С. Эпштейну, который трудится здесь уже полтора десятка лет. Но чаще бывает иначе. И главное даже не в том, что бывает, а что может быть. Тренер практически беззащитен, его не охраняет закон, с ним можно поступить так, как заблагорассудится администратору, и никакой управы на него тренер найти не может. Я совсем не компетентен в вопросах юриспруденции, но думаю, что профессия тренера — единственная «беззащитная» профессия в нашей стране, где закон стоит на страже интересов трудящегося человека.

Вот и бывший наш тренер А. Н. Новокрещенов, выведший «Спартак» в чемпионы, сменил потом (не по своей, конечно, воле) не одну команду, а теперь обосновался на скромной должности второго тренера московского «Локомотива», должности, которая хоть и не сулит славы и лавров, но зато и не угрожает ее владельцу крупными потрясениями.

Некоторое время после ухода Новокрещенова в «Спартаке» не было старшего тренера, а потом в разгар сезона он наконец появился. К счастью, судьба и на этот раз не отвернулась от нас, хотя могла бы: к нам ведь пришел новичок, человек, впервые решивший испытать свои силы в амплуа хоккейного тренера, хотя как спортсмен он снискал себе всемирную славу. Короче, пост старшего тренера «Спартака» занял Всеволод Бобров.

На меня, как, уверен, на любого из нас, весть о том, что нас будет тренировать Всеволод Бобров, произвела потрясающее впечатление. Он успел стать легендарной личностью, еще будучи действующим спортсменом. Ну, а когда оставил и футбол и

хоккей, его имя, как водится, обросло новыми легендами.

Встречи с ним я ждал с большим волнением. А состоялась она в более чем будничной обстановке, в коридоре сокольнического катка, и несколько разочаровала меня. «Спартак» вместе со своим новым тренером уезжал на матчи в Ленинград, а наша тройка задерживалась на день в Москве: нас, как прочих победителей Инсбрукской олимпиады, ждал правительственный прием.

— Смотри, не очень там празднуйте, — вот первые слова, с которыми обратился ко мне Бобров.

Я тогда ничего ему не ответил, но обиделся. О том, как серьезно относимся мы к спортивному режиму, знали все. «Что же он, не мог, прежде чем принимать команду, навести справки?» — подумал я. Только позже я понял, насколько прав был в данном случае тренер. Пока он сам не узнал каждого из нас, не познакомился со всеми как следует, все мы для него были равны, независимо от спортивного звания, прошлых заслуг и репутации.

В Ленинграде, где состоялись наши первые занятия и матчи при новом тренере, мы с удивлением увидели, что и на тренировках и на играх он стоит в стороне, не давая указаний, не делая замечаний, ни во что не вмешиваясь. Л он исподволь присматривался к нам и составлял предварительное мнение о каждом.

И потом, приступив к исполнению своих обязанностей, Бобров не стал, по примеру многих своих коллег, ничего крушить и ломать сразу, меняя все, что было установлено его предшественниками. Он вводил свои порядки спокойно, незаметно и постепенно. Он терпеливо и неназойливо занимался нашим тактическим и техническим образованием, ликвидируя весьма значительные пробелы и в том и в другом.

Точно так же присматривал и подбирал он для своей команды игроков, которые могли бы вместе с ветеранами вступить в равноправный спор с ЦСКА и московским «Динамо» за первенство. Он не гонялся за именами, его не интересовали звезды сегодняшние. Он безошибочным взглядом оценивал, на что способен никому не известный мальчишка, и приглашал подходящего в команду. При этом он ни разу не промахнулся. Чутье на таланты у него поразительное. Он взял в «Спартак» восемнадцатилетних Евгения Зимина, Владимира Мигунько и двадцатилетнего Александра Мартынюка. Если о первых двух много говорили как об интересных хоккеистах и тогда, когда они играли в «Локомотиве», то на нападающего «Крыльев Советов» Мартынюка никто не обращал внимания. Это настоящая находка Боброва. Любопытно, что его талант расцвел по-настоящему уже

после того, как Всеволод Михайлович перестал работать в «Спартаке».

Но далеко не всегда Бобров действовал исподволь. Когда требовала жизнь, он был смел, решителен и готов к риску.

Вернулся в Москву из Куйбышева после службы в армии молодой вратарь Виктор Зингер. Когда-то он занимался у нашего второго тренера Бориса Ивановича Афанасьева. Тот порекомендовал его Боброву.

— Способный парень? — спросил Бобров.

— Был способный, — ответил Афанасьев, сам некогда известный вратарь. — Надо попробовать.

До конца сезона оставался месяц, и «Спартак» претендовал на медали. Но молодой вратарь не мог ждать ответа до осени. И в очередном матче он занял место в спартаковских воротах. Так появился у нас в команде нынешний знаменитый хоккейный голкипер Виктор Зингер.

По доброте Бобров не уступал своему предшественнику. Он мог расшибиться в лепешку, обить пороги всех учреждений, всех инстанций, если надо помочь игроку — обеспечить его ребенка детским садом, или самого — путевкой в дом отдыха, или квартирой, если тот нуждается в улучшении жилищных условий. Попроси у него взаймы любую сумму денег, и можешь не сомневаться — отказа не будет. Он и не напомнит никогда о долге. Однако в доброте своей он отличался от Новокрещенова. Интересы команды в целом были для него превыше всего, и тут он готов встать на горло своей доброте. Он безжалостно отчислил двух неплохих ребят и сильных защитников, двух старых спартаковцев, когда убедился, что иным способом не вернешь их на путь истинный: они не раз подводили команду после тайных попоек. Мы попали в критическое положение: у нас осталось всего четыре защитника, но и это не остановило Боброва.

Так, рукой уверенной и неторопливой, создавал тренер команду, которая так же уверенно и неторопливо, но неотступно шла вперед, ко все более трудным вершинам. 1964 год — третье место, 1965-й — второе, 1966-й — снова второе, наконец, 1967-й — первое. Причем это первое место — самый яркий успех «Спартака» за всю его историю: мы обеспечили себе золотые медали задолго до окончания чемпионата. Но, наверное, даже не это главный итог работы тренера и команды. Важнее, видимо, то, что отныне и надолго, быть может навсегда, мы встали в один ряд с ЦСКА, открыв таким образом новую эпоху в истории советского хоккея, эпоху двоевластия, которое пришло на смену безраздельной гегемонии одной команды.

Нет, не простая удача или стечение обстоятельств стали

причиной наших успехов. И их нельзя отнести только за счет вдохновения или клубного патриотизма. Мы стали серьезной командой, в которой опыт и традиции ветераны передают талантливым новобранцам. Многие спартаковцы, представители разных поколений, либо входили в сборные команды, либо серьезно претендовали на место в них.

В те годы мы трудились изо всех сил и на летних предсезонных сборах, и зимой на льду. И никто не мог пожаловаться на усталость или сфилонить — стыдно было: Бобров везде был с нами — и во время кроссов, и па гимнастических снарядах, и на льду. Играть с ним на тренировках было необычайно интересно. Тут он был во всех отношениях наравне с нами. И, бывало, кто-нибудь, я, например, кричал ему точно как в матче Женьке Зимину:

— Куда ж вы пас отдаете?! Не видите, что ли? Смотреть надо. А то портите только…

— Ну ничего, ничего, исправлюсь, — отвечал он и продолжал играть, стараясь вовсю.

Вот тогда, на тренировках, я понял, откуда бралась его феноменальная результативность. Он обладал каким-то сверхъестественным чувством гола. После его удара шайба или футбольный мяч вроде и летят-то не очень шибко, но обязательно попадают в незащищенный угол ворот. Всякий раз кажется, что ему просто везет.

Его уход был для нас трагедией. И, главное, винить-то нам было некого, кроме самого своего кумира. Его не уволили, он ушел сам, по собственному желанию без всяких кавычек. И мы были обижены страшно. Но когда страсти улеглись, я понял, что поступил он так, как должен был поступить. Его пригласили в ЦСКА, в тот клуб и ту футбольную команду, где прошла вся его спортивная жизнь. А разве я не возвратился бы в «Спартак» откуда угодно?

И все же, я думаю, Всеволод Михайлович одновременно с удовольствием и сожалением возвращается мыслями к тем годам, что провел вместе с нами. Хорошее время вспоминать приятно, грустно только, что оно прошло… Я никогда не забуду, как прощался Бобров с командой, как дрожал его голос и как стояли слезы в глазах этого отнюдь не сентиментального человека. Да и многие из нас вслед за своим тренером подозрительно зашмыгали носами.

…Вот сколько интересных, непохожих друг на друга людей, взявшихся за беспредельно трудную и неблагодарную тренерскую работу, встретилось на моем спортивном пути. Эти совсем разные и по характеру, и по темпераменту, и по степени талантливости,

и по культурному своему уровню люди похожи, как близнецы, в одном: все они, как один, настоящие фанатики, до мозга костей преданные хоккею.

День двенадцатый
STOCKHOLM

Наш матч со шведами все еще на устах у всех наших. Сперва и на теплоходе и в «Мальмене» об игре сборной СССР говорили, употребляя только самые громкие эпитеты. Но чем ближе повторный матч с Чехословакией, тем более тревожный тон и у тренеров и у журналистов. Сегодня я почувствовал это, когда выступал на теплоходе. Тут уже сложился такой обычай: каждое утро туристы собираются в большом холле, и перед ними кто-нибудь держит речь. Сегодня моя очередь.

Слушают меня внимательно и, главное, доброжелательно. Мне это особенно приятно. У меня всю жизнь были очень сложные отношения с хоккейной публикой, и даже в самые лучшие годы и во время самых удачных матчей на мою долю приходилось обычно гневного свиста уж никак не меньше, чем аплодисментов. Лишь в самые последние годы отношение болельщиков ко мне стало меняться в лучшую сторону. И сегодня, как в последнее время на матчах, я чувствую с их стороны уважение и благожелательность.

Однако тон и характер вопросов свидетельствуют, что большой уверенности в благополучном исходе первенства нет. И победа над шведами не принесла особого успокоения.

С теплохода с туристами на их автобусе едем на стадион. Наши играют с финнами. Опять рядовая, серая игра. Рад только за Женьку Зимина. Наконец-то он забил свой первый гол на этом чемпионате. Да еще какой гол! Если бы был специальный приз за самый красивый гол первенства, Женька стал бы сразу одним из основных претендентов. Сыграл он в тот момент в своем духе — сольный проход, обманное движение, вратарь лежит в одном углу, а шайба — в другом.

Перечитывая эту дневниковую запись, я опять ударился в воспоминания.

Что верно, то верно: свиста на мою долю выпадало еще несколько лет назад куда больше, чем аплодисментов. Причем не за рубежом, а дома. Наверное, я в этом отношении могу считаться чем-то вроде рекордсмена. Приближался ко мне разве что Женька, мой брат. Очень сложные и запутанные отношения были у нас с хоккейной публикой. Если бы я сказал, что она, публика, была полностью права, а мы с братом во всем виноваты, то был бы нечестен. Ну, а в молодости я и вообще был уверен, что вся правда на моей, и только на моей, стороне.

У зрителя есть свои любимцы, которых он независимо ни от чего встречает и провожает бурей оваций. К их числу принадлежит, например, Александров — постоянный фаворит хоккейных трибун. А, скажем, Виктор Якушев, игрок такого же класса, всегда немного в тени, к нему относятся благожелательно, но довольно спокойно. Меня же вечно одна часть публики встречала восторженно, другая — неистово освистывала. И этот прием трибун я всегда переносил очень тяжело — обижался, кипятился, хотел доказать его несправедливость и зарабатывал новые нарекания.

Я понимал, что причина такого необычайного отношения ко мне не моя игра, а мой характер. Но меня это вовсе не утешало. Понадобились годы и годы, чтобы расстаться с репутацией злостного нарушителя порядка на поле. Да и сейчас еще я чувствую на себе слишком пристальный взгляд судей, а когда получаю даже двухминутное наказание — вещь в практике любого игрока вполне заурядная, — снова ощущаю себя прежним Майоровым, от которого болельщики постоянно ждали какого-нибдуь подвоха.

Но я давно уже не «тот» Майоров. Я стал старше и опытней. Я научился сдерживать себя. Мне пришлось сделать это: еще можно снести, когда удаляют и распекают ведущего игрока и капитана, но когда такое случается с играющим тренером — а я уже рассказывал, что был им некоторое время, — то тут уж никому ничего не объяснишь. Не буду скрывать: в этой шкуре «примерного ученика», которую я вынужден был натянуть па себя вместе с тренерской должностью, мне было поначалу очень трудно и неловко. Первое время у меня даже игра не клеилась, так много думал я о том, чтобы, не дай бог, не нарушить правила, не пуститься в объяснения с судьями.

Сколько вдалбливал я себе в голову эту истину: не спорь с судьями, даже если они и не правы, пусть ты уверен в своей невиновности, помолчи, доказывать им это можно где угодно, только не на поле. Я теоретически понимал это всегда. Но стоило мне, будучи на поле, услыхать несправедливый (с моей, разумеется, далеко не всегда безошибочной точки зрения) свисток, и я мигом забывал все свои благие побуждения вести себя паинькой. Я мчался к судье, и начинался долгий митинг, который нередко заканчивался тем, что его инициатор, сопровождаемый дружным свистом публики, отправлялся отбывать свой штраф «за пререкания с судьями». И очень много понадобилось уроков, чтобы теория перешла в практику.

Жизнь била меня за характер неоднократно. Но долго ее удары не шли впрок. Видно, люди взрослеют не в одно время. В

нас с Женькой мальчишество жило дольше, чем в других.

Мы с Женькой всегда очень дружили, но — не удивляйтесь — ни с кем — ни с судьями, ни с противниками, ни со зрителями — ни он, ни я не ссорились так часто, не ругались так горячо, как друг с другом. И не из-за чего-нибудь, а из-за хоккея. А уж затеяв ссору, мы забывали обо всем и обо всех. Был в нашей с ним хоккейной жизни один случай, от воспоминания о котором я и сейчас краснею. Да я, может, и не стал бы ворошить прошлое, если б его свидетелями не были другие игроки сборной и если бы мне о нем до сих пор при каждом удобном случае не напоминал А. И. Чернышев.

На первенстве мира в Женеве мы играли против сборной ГДР. Матч складывался легко, счет быстро увеличивался. И только нашей тройке, забившей всего один гол, никак не удается добиться большего. А все мы очень любили забивать голы, всем нам обидно, что остальные нас обгоняют, а у нас игра не клеится. И мы злимся друг на друга страшно. И как только садимся на скамейку запасных, начинаем, вместо того чтобы отдыхать перед следующим выходом, выяснять отношения. Аркадий Иванович пытается нас успокоить, но безуспешно. Кончилось все это тем, что я при всем честном народе замахнулся клюшкой на Женьку, он — на меня, и бог знает, во что это вылилось бы, если бы не окрик Чернышева:

— А ну, марш оба в раздевалку! И чтобы я вас тут больше не видел!

Разозленные друг на друга, считая каждый другого виновным в происшедшем, мы поплелись в раздевалку. Там я опомнился первым:

— Хватит, пошли обратно. Извинимся и попросим разрешения играть…

— Никуда я не пойду. Мне не за что извиняться, — ответил Женька.

Тут же, однако, пришел в себя и он, и мы вернулись на поле. Доиграть матч нам разрешили.

Доставалось и от судей и от зрителей и Славке. Но это уже скорее потому, что нас как-то не принято было на хоккее делить на трех разных людей. И похвала и ругань — все падало на нас троих гуртом. На самом же деле Старшинов всегда был человеком куда более спокойным, чем мы. Его можно даже, пожалуй, отнести к категории флегматиков. Не то чтобы он равнодушно относился к судейским «репрессиям» или молчал на площадке, но такая уж у Старшинова манера: все, что мы кричали на весь стадион, он бубнил себе под нос, и никто не мог разобрать, то ли он действительно ругает судей, то ли недоволен собой, то ли

осуждает за вздорный нрав нас, своих партнеров. И все же тень всей тройки с ее репутацией падала и на Старшинова, и ему не реже нашего приходилось выслушивать нотации прессы и членов спортивно-технической комиссии.

Тон печати по отношению к нам в связи с поведением на поле был разный. Одни журили нас, взывали к нашему разуму, напоминали, что нам, студентам вуза, спортсменам, которые служат во всем ином хорошим примером для других, не пристали вечные скандалы на площадке, призывали образумиться. Именно такая статья появилась зимой 1961 года в «Известиях», и написал ее долго перед тем беседовавший с нами известный журналист В. Васильев. Другие авторы метали против нас громы и молнии, требовали суровых санкций. Самой гневной из всех была заметка в еженедельнике «Футбол». Любопытно, что речь в ней шла не о хоккее, а о футболе. Надо же так случиться, что во время одного матча на первенство Москвы судья выгнал с поля нас со Славкой, а во время следующего — Женьку. Вот когда корреспондент «Футбола» не оставил от пас камня на камне.

Нас ругали, а мы возмущались, обвиняли всех в предвзятости, необъективности, подтасовке фактов. Причем в каждом отдельном случае у нас был повод для спора. В чем-то критики перебарщивали, какие-то факты или детали излагали неверно. Иными словами, какая-то правда была на нашей стороне. И беда паша заключалась в том, что мы, одурманенные обидой, поглощенные копанием в этих деталях, не понимали: правда-то эта маленькая, крошечная. А большой, серьезный счет не в нашу пользу.

Вот, скажем, та история, которую вытащил на свет «Футбол». Сперва я был возмущен тем, как сформулировал судья свое решение о моем удалении: «за удар противника после остановки игры». «Но я же его на самом деле не ударил, — рассуждал я. — Это он меня во время игры по ногам стукнул. За это тот же судья штрафной в их ворота назначил. А я в ответ, уже после свистка, только замахнулся. Чего ж он говорит «ударил»? И я искренне возмущался его бесчестностью. Я уходил с поля под свист трибун. Я пересекал беговую дорожку, когда один из болельщиков крикнул мне какие-то особенно обидные слова. На мгновенье я потерял самообладание. Я нагнулся, зачерпнул с дорожки горсть песка и размахнулся, чтобы запустить ею в своего обидчика. Я опомнился вовремя — опустил руку, высыпал песок и ушел в раздевалку. Каким же оскорбленным и оклеветанным почувствовал я себя, прочитав в «Футболе», что, дескать, Майоров кидался в зрителей гравием! От намечавшегося раскаяния не осталось и следа.

Конечно же, не надо писать «ударил», «кидал», если человек не кидал и не ударял, а только собирался это сделать. Но разве замахиваться на зрителя или соперника, да еще на глазах у публики — не достаточно серьезные проступки, за которые я был достоин и того, чтобы меня выгнали с поля, и того, чтобы попасть в газету? Можно было бы задуматься и вот еще на какую тему. Ну хорошо, хоккейные судьи к нам несправедливы. Они настроены против нас. Но для футбольных-то мы такие же, как все. Однако и они нас не жалуют. Но на эти темы думать не хотелось — куда приятнее считать себя униженным и оскорбленным…

Мы расплачивались за свою репутацию очень дорогой ценой. Как старые рецидивисты всегда на особом подозрении и под особым надзором милиции, так и мы постоянно чувствовали на себе подозрительный взгляд хоккейного судьи. И стоило начаться на площадке какой-нибудь сваре, так подозрение падало на нас как ее зачинателей. Порою я приходил в отчаяние.

…Начинается наш матч с «Локомотивом» в Лужниках. Перед тем как дать свисток на игру, судья подъезжает к нашему тренеру В. М. Боброву и говорит:

— Предупреждаю, что за малейшее нарушение буду наказывать Майорова особенно строго.

…Мы играем в Новосибирске с местным «Динамо». Мой товарищ по команде Валерий Кузьмин, недовольный каким-то решением судьи, произносит довольно громко нелестное замечание в его адрес. Тот все слышит, но не знает, кто оратор. Узнать он и не пытается. Он, ни секунды не раздумывая, удаляет меня с поля на десять минут. Я пытаюсь что-то лепетать в свое оправдание, но он и слушать не хочет. Только когда Кузьмин подъехал к нему и растолковал, как было дело, меня реабилитировали.

А бывало ведь и так, что на скамейку, не зная за собой никакой вины, отправлялся я. Потом об этом становилось известно любителям хоккея и судьям, и первые говорили: «Ну вот, опять этот неисправимый Майоров», а вторые при первой возможности обрушивали на мою голову самые суровые кары хоккейного кодекса.

В общем-то, во всем этом была своя закономерность — я платил старые долги. Понадобилось много лет почти безупречного поведения и несколько месяцев пребывания в роли тренера своей команды, чтобы хоть как-то распрощаться с этой репутацией. И то, повторяю, стоит мне и сейчас за какое-то пустяковое, чисто игровое нарушение оказаться наказанным, как хоккейные трибуны реагируют на это как-то особенно. Видно, память у болельщиков отличная.

Обвиняя судей и публику в пристрастности, я обычно оперировал внешне неопровержимым доводом. Я говорил: «Вот на международных соревнованиях судьи беспристрастны, и тут меня наказывают очень редко, намного реже, чем любого другого игрока сборной». Так оно на самом деле и было. И только теперь, глядя на события, так сказать, «с высоты своего возраста», я понимаю, что никакого противоречия в этом нет. Во-первых, первопричиной «домашних» нарушений была какая-то внутренняя распущенность, а играя за сборную, я умел взять себя в руки, ибо отчетливо представлял себе размеры последствий, которыми грозит команде мое удаление с поля. Во-вторых, для иностранных судей я был игрок как все, а не тот самый Майоров, чье имя вечно склоняют на заседаниях СТК. Ну и в-третьих, иностранцы в большинстве своем не знают русского языка, и словесные дуэли с судьями, которые обычно стоили мне так дорого дома, были в данном случае невозможны.

Я уже говорил, что наказывали меня за проступки часто и сурово. Но самым горьким и суровым, очень больно ударившим по моему самолюбию, было разжалование из капитанов «Спартака», а затем и сборной. Причем в обоих случаях я был наказан за прошлые грехи, это был один из самых старых долгов, которые оставила мне моя прошлая репутация.

Восемь сезонов без нескольких дней был я капитаном «Спартака». Вы даже не представляете себе, как гордился я, став им в результате тайного голосования, где моя кандидатура, одна из нескольких выдвинутых, получила абсолютное большинство. Не буду кривить душой: когда в декабре 1962 года меня избрали капитаном сборной, я не чувствовал себя таким же счастливым. Правда, голосование было и тут, но моя кандидатура была единственной и баллотировалась «по рекомендации тренеров». Да и занял я место Кости Локтева, который был настоящим капитаном — самым опытным и мудрым игроком сборной. Потом в течение трех сезонов подряд я носил в сборной капитанскую повязку.

Да, должен сказать, что если в клубе титул капитана почетный, и только, то в сборной дело обстоит несколько иначе. Там, когда нет с нами тренера, капитан отвечает за все. Помню, однажды в Инсбруке мы уходили домой со стадиона, а тренеры оставались.

— В гостиницу пойдете пешком, — напутствовали они нас. — Это вам вместо вечерней прогулки.

Только мы отошли от стадиона, а тут автобус в нашу сторону. Кто-то один вскочил на подножку, за ним другой, третий, вся команда. Не знаю уж как, но тренеры узнали об этом нарушении

приказа. Досталось за это мне, капитану. И досталось здорово.

Был еще такой случай. Сборная готовилась к сезону в Алуште. Я приболел и на несколько дней был освобожден от тренировок. Как раз в один из этих дней уезжала из Алушты моя будущая жена. Разумеется, я поехал ее проводить. Возвращаюсь на базу и встречаю врача команды.

— Скандал был, — говорит он. — На тренировки не ходишь, а девушек в Симферополь провожать ездишь.

Я тут же пошел к Тарасову объясняться.

— У меня такой порядок, — сурово отрезал тренер. — Болен — лежи в постели, можешь вставать — тренируйся.

— Все верно, — соглашаюсь я. — Но тут дело особое. Тут невеста. Я и больной обязан ее проводить.

— Невеста невестой, но ты же капитан, с тебя спрос особый, на тебя равняются…

На каждом собрании капитан обязан выступать — как говорится, штатный оратор. Должен вдохновлять команду, настраивать на игру. Ну, а если нечего говорить — народ уже и сам «поднялся» или на собрании все уже сказано? Все равно приходится — капитан…

Как видите, иногда капитанская повязка становилась для меня нелегкой обузой. И все же я очень дорожил этим званием. В сборной оно мне стало особенно дорого после того, как я удостоился его во второй раз. Дело в том, что после трех сезонов капитанства меня его лишили. Мы тогда были в Канаде. На собрании перед первым матчем Чернышев сказал:

— Сейчас нам надо избрать капитана. Борис наделал много ошибок и не может оставаться капитаном. Мы рекомендуем Виктора Кузькина. — Тренер не стал объяснять, что это были за ошибки, но я думаю, речь шла о том самом удалении с поля во время футбольного матча, о котором я уже писал.

Спустя год проштрафился Кузькин, и выборы состоялись снова. Это были первые на моей памяти выборы в сборной без всяких предварительных рекомендаций. Опять было собрание, но на этот раз тренеры сказали просто:

— Мы уходим, не будем вам мешать, а вы тут сами выбирайте капитана.

Кандидатов оказалось два — игрок ЦСКА и я. Голосовали открыто. Разумеется, мы, претенденты на капитанский жезл, голосовали друг за друга. И я был тем более горд и счастлив, став капитаном, что большинство участников голосования представляли команду ЦСКА.

Не знаю уж, какими особыми организаторскими дарованиями наделила меня природа, но, по отзывам тренеров, они были

довольны, что в сборной такой капитан. Об этом писал А. В. Тарасов в своей книге «Совершеннолетие», об этом говорится в его многочисленных статьях. Вот например, такое интервью дали тренеры сборной корреспонденту газеты «Московская правда» после окончания первенства мира 1967 года.

«…Кроме того, это прекрасный капитан. За последние годы он возмужал, исправил некоторые отрицательные черты своего характера, а это ведь совсем нелегко. Майоров настоящий вожак, который может поднять команду, повести ее за собой». Когда закончился тот хоккейный сезон и «Спартак» стал чемпионом страны, в «Известиях» появилась заметка А. Тарасова. Он писал:

«Огромна роль в этой победе капитана спартаковцев Бориса Майорова. Он уверенно вел своих друзей к успеху, сумел поддержать в товарищах нужный настрой, даже когда мы забили первые две шайбы».

Так вот я и выводил нашу сборную на лед еще два сезона подряд. А когда начался следующий, осенью 1968 года, перед первым же товарищеским матчем тренеры объявили прямо в раздевалке, что сегодня в каждом из трех периодов капитаны будут разные. Потом капитаны сменяли друг друга каждую игру, ими были Старшинов, Давыдов, Рагулин и Фирсов. В конце концов состоялось собрание, на котором избрали Старшинова.

Что скрывать, мне было грустно. И все же не так, как тогда, когда мне пришлось расстаться с повязкой спартаковского капитана. Как ни говорите, восемь сезонов…

Меня заменили по рекомендации спортивно-технической комиссии, заменили весной 1968 года после нашего матча с московским «Динамо». На поле разразился довольно серьезный скандал, запахло дракой, но хоть я в ней не участвовал, мне вспомнили старые грехи и наказали.

Если б мог я вернуть прошлое и начать снова, имея за плечами нынешний опыт! Ведь быть на хорошем счету у судей, публики, у противника не такое уж хитрое дело. Но настолько лучше ты себя чувствуешь на площадке! Как много сохраняет это тебе сил, душевных и физических!

Минувшим летом я однажды играл за свою футбольную команду на первенстве Москвы против «Динамо». Бегу за мячом и чувствую: сводит ногу. От боли делаю одно неверное движение, опираюсь противнику на плечи. Это известный футболист, очень мною уважаемый, Эдуард Мудрик. Он поворачивается ко мне со сжатыми кулаками. Но я ведь сделал это нечаянно и еще шесть-семь лет назад, не задумываясь, ответил бы на его порыв так, что этот мелкий эпизод превратился бы, возможно, в тяжелый конфликт. Но теперь…

— Извини, Эдик, ногу свело.

— Да брось ты, Боря, извиняться. Бывает…

Он помог мне подняться, и игра продолжалась. И вы знаете, я почувствовал какое-то моральное удовлетворение. Это, может, были первые слова, которыми мы с Мудриком перекинулись за время нашего шапочного знакомства, но вроде одним приятелем у меня стало больше.

День тринадцатый
STOCKHOLM

Завтра последний, самый ответственный матч с чехословаками. А сегодня — выходной, отдых.

Знаю я этот отдых перед решающим матчем. Не отдых, а мучение. Время останавливается, и никак его не столкнешь с мертвой точки.

Я, например, не могу ни спать, ни читать. Просто не знаю, куда деть себя перед решающей игрой. Бродишь из номера в номер, ищешь собеседников, стараешься уловить из ничего не значащих слов, какое у ребят настроение. Ждешь, не заглянет ли кто из знакомых время скоротать.

В общем, понимаю я, как тяжело будет ребятам жить до 19 часов завтрашнего дня. У меня по крайней мере на ближайшую пару часов есть развлечение — матч Швеция — Канада.

Против ожидания матч поначалу складывается для шведов очень трудно. После второго периода они проигрывают 1:2. Надо было видеть в перерыве лица шведских журналистов — растерянные, взволнованные, обиженные. Двое подошли ко мне.

— Чем объясняете такой счет?

— Тем, — ответил я, — что сбились на канадскую игру. Пошли на стычки, драки, на силовые столкновения у бортов. По нынешним временам у канадцев это единственный козырь. Так зачем же вам с него ходить?

Но в третьем периоде все встало на свои места, шведы выиграли.

Вечером удалось поговорить с домом. И мне и моему соседу по номеру Сереже Кружкову. Оба пришли в хорошее настроение: дома все в порядке. Потом до позднего вечера разговаривали о семейных своих делах.

Дело в том, что мы с ним в одинаковом положении. И Галя и его жена ждут ребенка. Только мой будет на пару месяцев старше.

Говорят, что журналист и геолог — самые беспокойные в мире профессии. Нынче здесь, завтра там. Об этом пишут повести, поют песни. Ну, а что же тогда говорить о нас, спортсменах? Как бы там ни было, а для людей, избравших себе любое дело, жизнь дома — обычное и привычное состояние, а отъезды из дому, даже частые, — нарушение устоявшегося быта. И только мы чувствовать должны себя в гостинице и на спортивной базе как дома.

Дочь у меня, к счастью, родилась 3 июня, и до полутора

месяцев я видел ее ежедневно: помогал купать, гулял с ней в Сокольниках.

Мне повезло. А вот у брата моего дочь родилась, когда мы были в Канаде. Игорь Ромишевский получил весть о прибавлении в семействе во время стокгольмского первенства мира.

Впрочем, такое может случиться со всяким. Но потом отец приезжает домой, и все идет нормально. Но тот же Ромишевский пробыл дома меньше недели — каникулы в чемпионате страны закончились, начались почти ежедневные игры, а значит снова поездки. Потом — месяц дома, и снова в путь. К тому же надо помнить, что Ромишевский человек военный, офицер, заочно учится в аспирантуре…

Мы, спартаковцы, уехали в Алушту 14 июля, возвратились в Москву через две недели, а еще через две отправились в Польшу. По возвращении нас уже ждали финальные игры первого турнира сезона на приз газеты «Советский спорт», и тут же, без всякого перерыва, очередной чемпионат страны.

Что ж, ничего не попишешь — такова спортивная жизнь. Никто не заставлял нас выбирать этот путь, каждый из нас сделал однажды выбор сам, и жалобы тут неуместны. И я не стал бы затрагивать эту тему вовсе, если бы не одно обстоятельство.

…Незадолго до начала первенства мира 1969 года из сборной за серьезный проступок был отчислен шестикратный чемпион мира, основной вратарь нашей национальной команды Виктор Коноваленко. Я уже упоминал об этом прежде, а сейчас должен рассказать историю «грехопадения» Коноваленко подробно.

Мы тренировались в Архангельском, и в субботу днем нас распустили по домам, предупредив, что мы свободны до очередной тренировки, которая состоится в понедельник в десять утра. Что ж, почти два дня и две ночи — это совсем неплохо. Рад был и Коноваленко, хотя для него, единственного в команде немосквича, срок отпуска сокращался вдвое: домой он приедет поздно ночью, а выехать из Горького, чтобы поспеть на тренировку, он должен уже в воскресенье вечерним поездом.

В назначенный час вся команда была на тренировке. Не явился лишь Коноваленко. Не было его ни через час, ни через три. Говорят, что появился он перед очами тренеров к концу дня, но в таком состоянии, что был немедленно отправлен восвояси. На собрании команда приняла суровое, но совершенно справедливое решение об отчислении Коноваленко из сборной: подводить команду накануне чемпионата мира — поступок непростительный, и никаких смягчающих обстоятельств тут быть не может.

Но почему же все-таки опоздал на тренировку Коноваленко?

Приехав в Горький, он тут же, на вокзале, купил обратный билет. А когда на другой день собрался на поезд, жена — в который уже раз за эти сутки — сказала:

— Ну неужели ты не можешь остаться еще на несколько часов? Ты поспеешь вовремя. Рано утром в Москву летит самолет. В восемь тридцать он во Внукове, в десять ты на тренировке.

И наш вратарь сдался. И его, как и его жену, легко понять. В ту зиму мы жили напряженной жизнью — чемпионат, международные турниры, турне по Канаде. А он, горьковчанин, был оторван от дома больше, чем мы, москвичи. И он остался, чтобы побыть дома лишнюю ночь…

Утром Москва не принимала, и вылет отложили на один час. Потом еще на один. Потом еще. Коноваленко в Горьком знает каждый человек и каждый второй готов отдать все на свете за возможность дома или на работе, так, будто мимоходом, рассказать приятелям что-нибудь вроде:

— Встретил вчера в аэропорту Витьку Коноваленко. Выпили мы с ним прилично…

А сил отказывать всем этим знакомым и незнакомым, набивающимся на дружбу, у нашего вратаря не хватило. Путь от Горького до Москвы недолог — час. В себя прийти Виктор не успел… Остальное вы знаете.

Повторяю еще раз: я не оправдываю Коноваленко, он подвел товарищей, он поставил свои интересы выше интересов команды, и его наказание заслуженно. Но не правда ли, эта история наводит на некоторые размышления?

Человек живет в большом спорте в среднем 8— 10 лет от 20 до 30. Он приходит в спорт, почти не отведав еще тех истинных и мнимых радостей жизни, о которых знает по книгам или понаслышке и которые мечтает вкусить. И как много среди этих молодых ребят таких, которые, отправляясь после матча не куда-нибудь в Архангельское или Тарасовку, под неусыпный тренерский надзор, а на все четыре стороны, еще на стадионе готовы воскликнуть: «Ловите миг удачи!» И правда ведь — миг. Другой вопрос, будет ли им сопутствовать удача и что понимается под этим словом.

И они выскакивают на улицу, где дежурят уже стайки поклонников и поклонниц, ждущих только слова, только приказа и готовых следовать за своим кумиром куда угодно. А за воротами стадиона столько соблазнов, вот только успеть бы взять как можно больше у этого короткого мига…

Все кажется в эти вольные часы доступным. Да, пожалуй, и не кажется, а доступно на самом деле. Известный спортсмен, которого часто видят на телевизионных экранах и чье имя не

менее часто появляется в газетах, желанный гость повсюду. Рестораны распахивают перед ним свои двери, а девушки — сердца. Даже в переполненном ресторанном зале для него принесут дополнительный столик, а от желающих расплатиться за ужин не будет отбоя.

Пойти в кино или театр? Но это успеется — нас возят на просмотры лучших фильмов и на самые дефицитные спектакли. Почитать книгу? Но что помешает мне заняться этим завтра в Тарасовке или Серебряном бору? А сегодня мой день, в нем 24 часа и ни минутой больше, и надо успеть взять от них все, чего не смогут мне дать две недели пребывания на сборе.

В эти вот вырванные у тренировок короткие часы погони за развлечениями и происходит большинство скверных историй, бросающих тень на весь спорт и спортсменов.

И я опять-таки не оправдываю героев этих происшествий. Никто не обязан оберегать от них совершеннолетних людей, никто не обязан быть им няньками. Сам набедокурил, сам и отвечай — иначе и быть не может. Но одновременно я думаю и об изнанке той неусыпной опеки, которая, в общем-то, имеет благую цель — уберечь спортсмена от мирских соблазнов, помочь ему не отступать от режима сна, отдыха, тренировок, питания. Человек постепенно отвыкает от того естественного состояния, когда он сам должен руководить своими поступками и когда он вообще предоставлен самому себе. Вырвавшись из-под опеки, он уподобляется ребенку, от которого на минуту отвернулась нянька. И он тянется к спичкам, к газовой плите, к фарфоровой вазе и прочим запретным плодам.

Есть такая поговорка: «Береженого бог бережет». Но бдительность даже самых бывалых нянек усыпить не так уж трудно. А ведь контролировать спортсмена можно и тогда, когда он живет дома. Плохо тренируешься, неправильно живешь — это неизбежно скажется на результатах. Не сегодня, так завтра.

Не сомневаюсь, что, привыкнув к самостоятельности, любой спортсмен — мы ведь не дети и не враги себе — сумеет ввести свою жизнь в нормальную колею, распределив время в верных дозах между трудом, спортом, отдыхом и развлечениями. Во всяком случае, отпадет пагубное стремление взять от жизни за день столько, на что остальным его сверстникам не хватило бы и месяца.

День четырнадцатый
STOCKHOLM

Мы опять проиграли. Ребята стоят с понурыми головами и — это я точно знаю — думают об одном: скорее бы проходила вся эта послематчевая процедура — и в раздевалку, подальше от всех, в том числе и от нас, своих зрителей, от нашей жалости и сочувствия. Сейчас их еще не мучит мысль, что золотые медали потеряны почти наверняка. Свою игру выигранную отдали — вот что терзает. Когда в первом круге проиграли, не так было обидно: хуже играли. А сегодня ведь не хуже, а, пожалуй, даже лучше. Они только в первом периоде выглядели сильнее, а во втором и третьем, особенно во втором, мы. По что поделаешь, когда нет счастья? Неужто ушло оно от нашей команды?

Нет, не отвернулось от нашей команды счастье в Стокгольме. Лишь на какие-то несколько часов оно рассталось со своими баловнями — словно для того, чтобы напомнить им о своем существовании, — а потом вернулось опять. Вернулось и принесло им свои драгоценные дары — новые золотые медали чемпионов мира и Европы. Какая это великая вещь в спорте — счастье!

…В Гренобле мы, игроки трех команд, стояли, ожидая, когда нас позовут к пьедесталу почета для награждения. Мы с Голонкой, капитаны сборных СССР и ЧССР, оказались рядом. Он посмотрел на меня печально и сказал:

— Нет счастья…

Помолчал немного и еще раз вздохнул:

— Хорошая у нас команда, а счастья нет. Ничего не поделаешь.

Что я мог ему ответить? Я промолчал. Они действительно были ближе нас к первому месту. Как и сейчас, в Стокгольме. Но счастье осталось верным нашим союзником. Таким же верным, каким было всегда.

1963 год. Стокгольм. Мы не считались фаворитами и начали чемпионат с поражения от шведов. К последнему дню мы пришли с посредственными шансами на первое место. Мы их не потеряли совсем, однако все зависело от стечения множества обстоятельств. Утром играли команды ГДР и США. Стоило американцам забить на один гол больше, чем немцам, и мы выбывали из числа претендентов. Тот многострадальный матч, в котором американцы не использовали нескольких верных моментов, закончился вничью. Спустя два часа следующая

встреча: Швеция — Чехословакия. Победа шведов делает их чемпионами. Они играют дома, они фавориты, они в прекрасной форме. А нам оставляет надежду лишь победа Чехословакии. И снова фортуна за нас: шведы уходят с поля побежденными. Наконец, последняя игра — мы против канадцев. Мы проигрывали им до этого на четырех первенствах подряд, а на предыдущем, в Швейцарии, как раз той же самой команде, с которой играем сегодня, — «Трейл смоук интерс». Сейчас мы обязаны не просто выиграть, этого еще мало. Сейчас мы обязаны забить им как минимум на две шайбы больше, чем они нам. Мы доигрывали матч, а трибуны ревели так, что мы на поле не слышали собственных голосов. Нас осталось на площадке четверо против шести канадцев — еще два наших сидели на штрафной скамье. Но мы удержали счет 4:2. Счет, который давал нам право на золотые медали.

1965 год. Тампере. Матч СССР — Чехословакия. Победитель становится чемпионом, ничья сохраняет нашим соперникам шансы на первое место. Идут последние минуты. Счет 2:1 в нашу пользу. У чехов появляется надежда на спасение — с поля удален наш хоккеист. Чехословацкий вратарь покидает площадку, и вместо него выходит нападающий. Все фоторепортеры, которые до этого равномерно распределились вокруг всего поля, мчатся за наши ворота — снимать решающий гол. Мы с трудом обороняемся, мы прижаты к своим воротам. Шайба все время у противника. Нам она достается лишь однажды, достается на какую-то долю секунды. Она у Леонида Волкова. Раздумывать некогда: Волков швыряет ее подальше от нашей зоны. Провожаемая многими тысячами глаз — зрителей, игроков, тренеров, репортеров, — шайба не спеша, как в замедленной съемке, скользит по изрезанному льду и вползает в сетку никем не защищаемых чехословацких ворот. Все кончено — 3:1. Мы чемпионы. Впереди еще игра с канадцами, но ее результат ничего не может уже изменить.

1966 год. Любляна, Снова все решается в матче СССР — Чехословакия. Но их устраивает ничья, нам нужна только победа. Звучит свисток на игру, шайба переходит на их половину поля, и Старшинов огкрывает счет. Истекает первая минута, а счет уже после броска Локтева 2:0. Тут же Старшинов забивает третий гол, а к пятой минуте нам удается забить еще один. Пять минут, и счет 4:0. Во встречах команд такого класса случай небывалый и почти невозможный. Еще 55 оставшихся минут и мы и они доигрываем по инерции. Если забить за пять минут четыре шайбы в их ворота почти невозможно, то отыграть четыре гола у нас невозможно вообще. Это понимаем и мы и они. Впереди 55 минут

чистого игрового времени, но матч окончен. Мы — чемпионы.

1967 год. Вена. На этот раз все решается в нашей игре с канадцами. Идет упорнейшая и равная борьба. Канадский вратарь Сет Мартин, знаменитый Сет Мартин, обладатель призов лучшего вратаря трех мировых чемпионатов, на этот раз превосходит самого себя. Он творит чудеса. Все наши усилия выйти вперед бесплодны… Смена составов. Фирсов, прежде чем смениться, бросает шайбу в сторону канадских ворот. Фирсов даже не смотрит, куда она упадет, — он ведь бросал просто так, лишь бы подальше от нашей половины поля, — и мчится к скамейке запасных меняться. Но он не успевает перепрыгнуть через борт. На него набрасывается вся команда и душит в счастливых объятиях. Он-то не понимает, в чем дело. Но зато мы видели все. Мы видели, как шайба, скользнув по перчатке неловко пытавшегося остановить ее канадского защитника Маккензи, подлетела к Мартину, как Мартин попытался поймать ее, словно назойливую муху, в ловушку, как он промахнулся и как шайба опустилась позади его конька за линией ворот… Фирсов мог бы повторять свой бросок сотню раз, но, держу пари, не забил бы гол даже посредственному вратарю. А он забил Мартину, который совершил, быть может, единственное неловкое движение за целый сезон. Мы выиграли тогда 2: 1. Последняя игра, которая ожидала нас через день, не имела для нас уже никакого значения.

1968 год. Гренобль. «Нет счастья», — сказал тогда мне Голонка. От чемпионов мира их отделяло всего одно очко. Впервые за пять чемпионатов мира они сделали самый важный и трудный шаг — победили нас. Оставалось доделать начатое — победить шведов, которые были в Гренобле не в форме, которые играли там без Тумбы и Стернера, в составе которых было много молодых, необстрелянных игроков. Нас спасала и ничья, добытая шведами в этом матче. Но шансов на ничью они почти не имели.

Обычно я не смотрю по телевизору матчи, в которых может решиться судьба нашей команды. На чемпионатах мира и без того нервы напряжены до предела. Чаще всего я ухожу на это время гулять, подальше от телевизора, от соблазна узнать, что делается там, на поле. Но тогда, в Гренобле, ничего не мог поделать с собой и я. Холл нашего дома в олимпийской деревне, где стоял огромный телевизор, тянул меня подобно магниту. Когда я пришел, вся команда, исключая Коноваленко и тренеров, была уже там.

…В начале третьего периода шведы ведут — 2:1. Затем счет сравнивается — 2:2. До конца игры еще 13 минут, а сборная Чехословакии атакует и атакует. Кажется, еще одно усилие, и она выйдет вперед. В холл на цыпочках входит Коноваленко и ищет

глазами свободное место. На него шикают, машут руками, гонят: «Уходи, пока не поздно, — тебя не было, и все шло нормально». Коноваленко уходит, смущенно ухмыляясь и как бы давая этим понять, что он-то во всякие дурацкие приметы не верит, но не спорить же со всей командой… Чувствую, что не могу больше сидеть на месте, уставившись в экран, где шайба мечется у шведских ворот. Надо встать и уйти. Я приподнимаюсь со стула и… сажусь обратно. «Пусть все будет как есть, ничего не менять». Будто между тем, что происходит в этой комнате, и тем, что творится на стадионе, есть какая-то связь. Идут последние минуты. Шведы обороняются из последних сил. Но вот шайба у их ворот попадает к Голонке, самому опытному и расчетливому чехословацкому форварду. Он совсем один, и никто ему не мешает. Он сейчас стоит почти на той точке, с которой позавчера забил гол нам. Он осматривается и делает обманное движение. Холмквист попадается на этот обман и ложится под мнимый бросок. Теперь уже и шведский вратарь не помеха Голонке. Простейший технический прием — перебросить шайбу через лежащего вратаря — и победа, а вместе с ней и обладание тремя комплектами золотых медалей — чемпионов мира, Европы и Олимпийских игр. Ни одна из этих медалей, о которых Голонка мечтал все годы своей долгой и блестящей хоккейной карьеры, так и не побывала пока в его руках. А сейчас от всех трех его и его команду отделяет один шаг, который нужен шайбе, чтобы перевалиться через беспомощно растянувшегося на льду Холмквиста…

Голонка бросил прямо в лежащего вратаря. Если бы на тренировке или в игре Голонке надо было сделать такой бросок сто раз, он забил бы любому вратарю 99 шайб. Это была та самая, сотая. «Нет счастья»… Голонка сказал мне о счастье через шесть часов после своего рокового броска в Холмквиста.

1969 год. Стокгольм… Впрочем, о Стокгольмском чемпионате эти записки. Наша команда снова стала первой командой мира, хотя ее победа висела на еще более тонком волоске, чем в Гренобле: теперь нас не спасла бы и ничья между Швецией и Чехословакией, нас устраивал лишь выигрыш шведов.

Говорят: «Человек родился в рубашке». И хоть на самом деле ничего не понятно, объяснение признается исчерпывающим. Но команда, «родившаяся в рубашке», — такое поставит в тупик кого угодно. Никому и ничего не объяснишь ни мистикой, ни приметами. В команде меняются люди. Но те, кто уходит, должны передавать своим преемникам нечто, какой-то талисман, который заставляет служить счастье тебе. Цепь совпадений не может быть бесконечной, за восемь лет она должна была где-то оборваться.

Но вот ведь не оборвалась. Есть, значит, какой-то талисман, какой-то ключ к этой тайне спортивного счастья.

Я опять мысленно возвращаюсь в Гренобль. Погас телевизионный экран в холле нашего дома в олимпийской деревне, и мы бросились по своим комнатам переодеваться к игре. Через 15 минут все сидели уже в автобусе. Мы почти не говорили дорогой. Никто не восклицал: «Отдадим все свои силы победе! Разгромим канадцев!» Ничего этого не требовалось. Каждый знал, что именно так и будет. Нам не терпелось только выйти на лед и ринуться в бой. Мы знали, что наших противников ожидают горькие 60 минут чистого игрового времени, что его не спасет никакая случайность, что мы едем сейчас не за чем-нибудь, а за тремя комплектами золотых медалей и что обратно будем возвращаться, везя с собой этот ценнейший груз.

И не потому пребывали мы в таком состоянии, что канадцы казались нам легким противником. Мы в тот момент не думали о силе противника, мы знали, что не победить не имеем права.

По-моему, канадцы сразу почувствовали, что сегодня бороться с нами невозможно. Мы открыли счет (это сделал Фирсов), находясь на поле в численном меньшинстве. Когда в середине второго периода после броска Мишакова счет стал 2: 0, сомневающихся в огромной зале гренобльского ледяного стадиона не осталось.

В начале игры кто-то из канадцев ударил меня клюшкой в горло, и любое произнесенное слово, а тем более крик доставляли мне ужасные мучения. Но молчать я не мог. Я все время выкрикивал какие-то слова, которых и через минуту не повторил бы — не сумел бы вспомнить. Лишь второй перерыв охладил мой пыл. Я успокоился, поняв, как и все остальные, что все кончено.

— Что молчишь, капитан? Поднимай народ! — неугомонный Тарасов все еще, видно, жил в атмосфере первых периодов.

— Надо ли, Анатолий Владимирович? Все и так летают, как на крыльях.

Гренобльское воспоминание — близкое и потому столь яркое. Я не могу восстановить в памяти подробности более ранних решающих матчей, но одно я помню отлично: на каждый из них мы выходили в таком же настроении, как на эту игру с канадцами. Да, забить четыре шайбы в ворота сборной Чехословакии за пять минут почти невозможно. Но то был для нас «последний решительный», и этим сказано все.

Нет на свете команды ни в одном виде спорта, которая бы проводила все соревнования одинаково сильно, на пределе своих возможностей. Спады и неудачи — вещи в спорте неизбежные. И в

этом смысле сборная СССР по хоккею не исключение. Но «последний решительный» — совсем другое дело. Тут болезни, слабости, сомнения в своих силах — все остается по ту сторону хоккейного поля. С собой мы берем лишь то, что нужно для победы. Такой вот несгибаемой, могучей, полной сил и уверенности в себе, такой — не будем бояться громких слов — непобедимой знаю я нашу команду в решающих матчах последних семи лет. И в этом с ней не может сравниться ни один ее противник, каким бы большим опытом и изощренным мастерством он ни обладал.

Я думаю, что это идет от воспитания. От отношения к общему делу, от отношения, которое каждому из нас с детства прививается дома, в школе, в команде.

Но от сознания того, сколько радости мы дарим своими победами сотням тысяч людей, мы понимаем, что не имеем права лишить их этой радости.

И какая в конце концов разница, что одни покидают команду, а другие приходят вместо них. И те и другие ведь выпечены из одного теста. И потому им, а не кому-то другому всегда улыбается спортивное счастье.

День пятнадцатый

Сегодня полдня бродил по городу, прощался: послезавтра в девять утра домой.

Заодно надо было выполнить слезную просьбу знакомого болельщика — купить лыжную мазь под названием «эксилит». Исходил безрезультатно пешком полгорода — нигде нет, ни в одном магазине. Финский сфикс есть, а шведского эксилита нет. А ведь скажешь дома, что чего-то не достал в Стокгольме, не поверят. Как это так: «Там, у них (Райкин замечательно эти слова говорит, да еще рукой жест такой в «их» сторону делает), и вдруг нет. Быть такого не может…» Оказывается, может.

Днем игрался единственный матч Швеция — США. Игра получилась занимательная. Шведы выиграли 10:4.

Вечер провел с болельщиками.

Можно сказать, всю свою сознательную жизнь я прожил в спорте, но так и не могу до конца понять сущность этой загадочной болезни. Болезни, которой больны футбольные и хоккейные болельщики. В детстве и юности все мы подвержены каким-нибудь страстям — марки, животные, монеты, гербарии. Но у подавляющего большинства все это проходит с возрастом. Футбольная и хоккейная «болезни» не покидают миллионы людей до глубокой старости. Число фанатиков театра, кино, меломанов, библиофилов ничтожно по сравнению с числом болельщиков. Для меня это непостижимая тайна — откуда берут время инженеры, рабочие, школьники, служащие, студенты, если надо прибыть в любой час дня и ночи на игру или тренировку «своей» команды. И откуда они все знают?

Мы поздно вечером возвращаемся из поездки, и, прежде чем распустить нас по домам, тренер предупреждает:

— Завтра тренировка в Сокольниках.

К назначенному сроку подхожу ко входу на каток, и там толпится уже не менее двух сотен ожидающих начала нашего занятия. Большинство из них я знаю в лицо — они из года в год, зимой и летом, следуют за нами повсюду, где бы ни назначена была наша очередная игра или тренировка. Иногда я с удивлением узнаю знакомое лицо перед входом на стадион где-нибудь в Горьком, Ленинграде или Свердловске.

…Это может случиться до или после матча, до или после тренировки, в Лужниках, на «Ширяевке», в Сокольниках или ЦСКА, днем, утром или вечером — место и время действия могут меняться. Но стоит хмне остановиться, встретив знакомого, и я точно знаю, что случится дальше. Это повторялось тысячу раз. О

чем мы разговариваем — тоже неважно. Но спустя пару минут метрах в десяти от нас соберется довольно солидная группа людей. Они будут молча и недвижимо стоять некоторое время на почтительном отдалении от нас. Мет, они затем не разойдутся. Просто они сделают два-три шага вперед. Потом еще, еще… Спустя десять минут мы уже стоим в тесном кольце молчаливых и не пропускающих ни одного нашего слова слушателей. Они могут простоять там сколько угодно, простоять до тех пор, пока мы не распрощаемся. И тогда разойдутся так же молча. Что они узнали? Что нужно им было от нас? Мы ведь не произнесли ни слова о хоккее… Ничего не понимаю.

В этой страсти нет ничего от корысти в общепринятом смысле этого слова. Скорее наоборот. Как сказал Остап Бендер, «Время, которое мы имеем, это деньги, которых мы не имеем». А времени у болельщиков уходит уйма — целые годы.

Но и «рыцарями чистого спорта» болельщиков тоже не назовешь.

Гроссмейстер Тигран Петросян играл свой последний матч со Спасским и был в трудном положении. Чемпионская корона уплывала в другие руки. Каждый свободный час был у него на счету: чтобы проанализировать отложенную партию, подготовиться к следующей, не хватит и суток. Но на все футбольные и хоккейные матчи «Спартака» он являлся аккуратнейшим образом. И после матча не спешил домой. Ему еще надо было во всех подробностях обсудить со знакомыми детали этой игры, прогнозы на ближайшее будущее, выяснить, хорошо ли чувствуют себя спартаковцы, как дела у их главных конкурентов…

Вот вам типичнейший пример этого «корыстного бескорыстия» болельщика. Для своей команды он пойдет на любые жертвы. Но только для своей. Он не бросит важных дел ради интереснейшего матча «чужих» команд, но отложит самое неотложное свидание, чтобы посмотреть на «своих», даже если играют они с заведомым аутсайдером.

Мой приятель, горьковский журналист, рассказывал мне о своих земляках — знаменитых физиках, профессорах, докторах наук — сотрудниках НИРФИ, крупнейшего радиофизического института, которые все, как один, — хоккейные болельщики. Стадион автозавода, где проходят матчи горьковского «Торпедо», находится примерно в часе езды от центра города. Места там ненумерованные, и, чтобы занять удобное, надо приехать не менее чем за час до начала матча. Да сама игра длится два часа. Да обратный путь. Да мороз иногда доходит до 30 градусов. Но всякий раз с пунктуальностью истинных представителей точной

науки ученые НИРФИ проделывают этот тернистый путь. Но вот что интересно. По словам того же журналиста, бывая в командировках в Москве, они не успевают — находятся другие дела — попасть на центральный матч чемпионата в Лужники. Времени не хватает? Да нет, не играет «их» команда — горьковское «Торпедо».

Меня трогает в болельщиках их страстное и искреннее желание принести какую-то пользу, помочь своей команде, сделать для команды, для игроков, для тренеров что-то хорошее. И остается только склонять голову перед изобретательностью, которую при этом проявляют болельщики.

У нас в «Спартаке» каждый игрок знает персонального пенсионера Василия Степановича Рощина. Он из тех, кому известны часы всех наших тренировок, кто не пропускает ни одного нашего матча. При этом он никогда не клянчит пропуск или билетик по блату. Он честно выстаивает в очередях сам. Но это к слову. Знаменит он другим: своими беседами.

Скажем, узнав, что я собираюсь жениться, он долго расспрашивал меня о Гале, о гом, как я представляю себе будущую нашу жизнь.

— Смотри, — закончил он нашу беседу. — Главное, чтобы не была жена домашней собачкой.

Этот разговор состоялся давно, но видите, я его запомнил. Наверное, из-за образного выражения «домашняя собачка». Употребил Василий Степанович его не случайно: к каждой своей «душеспасительной» беседе он серьезно готовится.

Мы уж с ним давно не беседовали. Видно, за меня он спокоен: взрослый, женился, остепенился. А за разговором с молодыми застаю его часто.

Недавно я познакомился с инженером Леонидом Шепшелевичем. Он узнал, что я начал писать книгу, и принес мне толстенную папку, битком набитую вырезками из наших и иностранных газет и журналов. Все эти вырезки посвящены мне. Он собирал их десять лет и вот принес: может, что-нибудь пригодится для книги.

У нас есть болельщики, которые по собственной инициативе ходят по всем московским стадионам и высматривают способных мальчишек. Обо всех своих находках они докладывают спартаковским тренерам. Не всегда их оценки оказываются безошибочными, но с некоторых пор тренеры прислушиваются к сообщениям этих самодеятельных агентов очень внимательно. Да и как же иначе? Это они нашли нам Сашу Якушева — он теперь игрок сборной страны — и Гену Крылова, одного из лидеров молодежной сборной.

…После нашего проигрыша в Гренобле сборной Чехословакии я почему-то все время мысленно оправдывался перед композитором Яном Френкелем. Почему перед ним? Весь вечер накануне матча он провел с нами, весь вечер играл и пел свои песни. Я думал: вот он сделал все, чтобы у нас было хорошее настроение, чтобы мы как следует настроились на матч и победили, а мы… А в Тампере к нам пришел Игорь Ильинский — человек, которого при жизни называют великим актером и на концерты которого невозможно достать билет. И он, не жалея сил и не экономя время, дарил нам свое искусство.

Когда-нибудь социологи, наверное, доберутся и до этой обширнейшей части рода человеческого, которая у нас называется болельщиками, в Италии — тифози, в Югославии — новиячи, словом, в каждой стране по-своему. У социологов будет благодарное поле для исследований. Что заставляет этих людей страдать и радоваться на стадионах? Что объединяет их еще, кроме этой страсти?

Быть может, собственная физическая неполноценность, помешавшая им самим стать тем, кем они мечтали стать когда-то, большими спортсменами? Верно, я знаю людей, которые ни разу в жизни не ударили ногой по мячу, не встали на лыжи, не пробежали полсотни метров, но которые обладают поистине энциклопедическими познаниями в спорте и болеют за нас неистово и неизменно. Но точно так же знают все о спорте и не менее горячо болеют полнокровные здоровяки, в чью жизнь спорт вошел не только как зрелище.

Подавляющее большинство постоянных обитателей футбольных и хоккейных трибун — мужчины. Но я далеко не уверен в том, что они составляют и подавляющее число наших болельщиков. Просто они не так заняты домашними делами, как женщины. Однако я и сам видел и слышал от других, что во время трансляции матчей по телевидению места у домашних экранов распределяются между представителями обоих полов поровну.

…Всякий раз, когда мы выходим из-за кулис лужниковского Дворца спорта в зал, я вижу на одних и тех же местах по левую руку от нас двух хорошо одетых дам — Галину Семеновну и Елизавету Васильевну. Их знает в лицо — и, вероятно, по имени-отчеству тоже — каждый московский хоккеист команды мастеров. У меня, например, такое ощущение, что если бы однажды, выходя на поле, я их не увидел, то удивился бы не меньше, чем если бы на поле вдруг не оказалось ворот… Мы идем дальше, огибая площадку слева, и в первых двух-трех рядах у диспетчерской будки всегда видим стайку молоденьких девушек. Нельзя сказать,

что ее состав неизменен. Постепенно мы привыкаем к каким-то новым лицам в этой стайке. Посидев так месяц-другой, это самое «новое лицо» в один прекрасный день после матча вдруг появляется у нашего автобуса. Раз, другой, третий… Иногда со временем оно исчезает совсем. Но бывает и иначе. Бывает, приходит однажды кто-нибудь из молодых на тренировку с обновкой — золотым колечком на безымянном пальце правой руки. А после тренировки у выхода его уже ждет то самое «новое лицо» и тоже с обручальным колечком. И он говорит мне:

— Знакомься, моя жена…

Теперь я больше не увижу мою новую знакомую в той стайке у диспетчерской будки. Но я знаю, где ее искать, — чуть дальше по пути нашего движения из-за кулис к площадке, на тех местах, где сидят жены спартаковских хоккеистов.

Вот вам и мужчины с их «подавляющим большинством»… Нет, установить закономерности на глазок, без помощи социологов просто невозможно. Но одна черта, объединяющая всех болельщиков, нам, спортсменам, хорошо известна. Все они, как один, гордятся своим званием «болельщик» и своим стажем. И не только гордятся, но в глубине души уверены в своем праве на какие-то привилегии перед прочими смертными. Сколько раз совершенно незнакомые люди подходили ко мне на стадионе или на улице со словами:

— Я двадцать лет болею за «Спартак»…

Эти слова в их устах звучали как пароль или выглядели как удостоверение личности, владельцу которого каждый спартаковец обязан оказывать всяческое содействие. И что вы думаете, так оно на самом деле и получается. После такого вступления у меня язык не повернется сказать болельщику, что я занят или тороплюсь, я покорно отвечаю на все его бесчисленные вопросы. Как-то, совсем недавно это было, после игры, в которой я страшно устал, меня остановил в вестибюле Дворца спорта пожилой человек. Я давно знаю его в лицо, но лично с ним незнаком.

— Я болельщик «Спартака» с 25-летним стажем. Я коллекционирую программы ваших матчей. Мне нужны на всех ваши автографы. — Он достал толстую пачку лужниковских программок и протянул мне. Наверное, не меньше часа заняла у меня эта работа…

Не могу сказать, что этот пароль — «Я — болельщик» сам по себе открывает его обладателю доступ к моему сердцу. Далеко не все болельщики мне одинаково симпатичны. Не понимаю людей, которые могут часами стоять и слушать частные, не имеющие к ним никакого отношения разговоры. Не понимаю людей, которые нормальному отдыху, книгам, всему на свете предпочитают

малопочтенное занятие — бесконечно тереться вокруг спортсменов, ловя каждое слово, таская чемоданчики, выполняя обязанности мальчиков на побегушках. Не понимаю людей, для которых все мы — и их сверстники, и даже те, кто постарше, — «Борьки», «Сашки» и «Кольки» и к которым они не знают иного обращения, чем «ты».

Но как бы там ни было, они, болельщики, самые главные для спортсменов люди. Все самые яркие и счастливые события нашей жизни не только посвящены им и вдохновлены ими, но без их участия потеряли свою яркость, поблекли бы, превратились в заурядные эпизоды. Не знаю, как прочие виды спорта, но футбол и хоккей живут только как зрелища. Они умерли бы, не окажись в один прекрасный день вокруг зеленых и ледяных полей привычных рамок трибун — свистящих, кричащих, бушующих, поощряющих, осуждающих, чутко реагирующих на все, что происходит на поле. И какой пресной стала бы наша спортивная жизнь, вырванная из этого странного и до конца никем не разгаданного мира — мира болельщических страстей.

День шестнадцатый
STOCKHOLM

ВСЕ! МЫ ЧЕМПИОНЫ

В гостинице тихо. Все куда-то разбрелись. Многие на приеме по случаю закрытия чемпионата в ратуше. Я не пошел туда. Ребят и тренеров поздравил после матча — опять пробрался в раздевалку. День сегодня выдался чудесный — солнце, тепло. На стадион отправился пешком. Только уселся, началась игра. Едва успел осмотреться. Народу — небывалое количество. С одной стороны, пришли поболеть за своих, с другой — хотят, наверно, присутствовать при рождении нового чемпиона.

Уже через минуту после начала игры я подумал: нет, не сумели ни игроки, ни тренеры Чехословакии забыть о том, что их сегодня устраивает ничья. Только о ней и помышляют. С расчетом на ничью строят игру. В защите действуют строго и аккуратно, по плану. А впереди — как получится. Впереди у них все время один игрок, остальные оттянуты к своим воротам, следят за крайними форвардами шведов — как бы непрозевать внезапную атаку. Чехословацкие защитники прославились своими внезапными рейдами по тылам противников и высокой результативностью. А сегодня ни один из них даже и не пытается проникнуть на чужую половину поля.

Вообще, нас такая тактика устраивает. В хоккее счет 0:0 удержать на протяжении всей игры невозможно. В хоккее так: кто не забивает, тот проигрывает. Но я вполне допускаю, что чехи пока ведут разведку или хотят измотать шведов, — ведь тот, кто атакует, тратит больше сил. Впереди вся игра, и установка на каждый отрезок может быть разной.

Но пока шведы атакуют. Правда, без особого успеха. Шведы, вообще, всегда раскачиваются довольно медленно. Именно поэтому мы обычно стараемся уже в первом периоде «взять их тепленькими». Иногда это удается.

Пока они переигрывают только благодаря пассивности соперников. Лишь к концу периода их превосходство становится реально ощутимым. И за две минуты до перерыва Олссон открывает счет.

Команды уходят отдыхать. Через десять минут они снова вступят в борьбу, и тогда станет ясно, была ли тактика первого периода для чехов временной. Уверен, что сейчас они пойдут вперед. У них же линия нападения вообще сильней защиты, тем более сейчас, когда их лучший защитник Сухи травмирован и

сидит на скамье запасных. Для них наступление — единственная верная защита.

Второй период. Нет никаких перемен. Все как до перерыва. Ровная, без взрывов, с некоторым преимуществом шведов игра. И вдруг я абсолютно отчетливо вижу, что обе команды борются из последних сил. Игроки просто не могут взвинтить темп — они страшно устали. Когда они садятся отдыхать, вокруг них хлопочут массажисты, когда встают — кажется, через силу перекидывают свои тела через борт. В каждом движении — вялость. Каждый шаг — будто с пудовыми гирями на ногах. Вот они, плоды невиданно длинного и изнурительного чемпионата. Он измотал и нас, болельщиков, а как же измотал он игроков! И на закуску — такой матч.

1:0 в футболе — это половина победы и почти гарантированная ничья. У нас это ничто. Значит, ни секунды передышки усталым нервам. Нет преимущества, нет победы, ничего нет. И так до последней секунды.

Последний период. Никогда еще не было у меня во время матчей такого самочувствия. Я сидел на своем месте, не мог произнести ни слова и весь дрожал мелкой дрожью. А когда шайба после чьего-то броска летела в сторону шведских ворот, я словно проваливался в воздушную яму — внутри у меня что-то обрывалось. Это очень странное состояние. Другое дело, когда игра головокружительно интересна, когда дух захватывает от стремительного темпа и молниеносных комбинаций. А тут ничего этого нет. Ритм скорее может усыпить своей монотонностью. И при всем том такое внутреннее напряжение. Оно все накапливается и накапливается, но некуда его выпустить.

Взрыв произошел за десять минут до финальной сирены. Сборная Чехословакии начала тот штурм, которого ждали от нее с самого начала. Чем могли ответить им шведы? Ничем. Они уже не бегали по площадке. Они ползали. Но они ответили. Они ответили такой самоотверженной защитой, что об нее разбивались все атаки. Они проявили такую силу духа, такое мужество и волю, что это заменило им отсутствующие силы. Эти десять минут непрерывного штурма были десятью минутами беспрерывного триумфа шведского вратаря Холмквиста, который совершал на глазах у всех невозможные вещи. Но и каждый из шведских игроков превратился в эти минуты во вратаря, ложась под шайбу, бросаясь под удары, не щадя себя.

Время шло к концу, и штурм шведских ворот стал ослабевать. Кажется, после стольких бесплодных попыток забить гол чехословацкие хоккеисты разуверились в своих возможностях. К тому же время работало против них. Они торопились, их

передачи теряли остроту, броски — точность. Их самый результативный нападающий Недоманский умудрился не попасть в пустые ворота.

Последнюю отчаянную попытку они предприняли на последней минуте. Дзурила отправился на скамью запасных, а на площадку вышел шестой полевой игрок. И снова шведы выстояли. А когда оставалось несколько секунд до финальной сирены, они перехватили шайбу. Она попала к Стернеру и от его клюшки влетела в незащищенные чехословацкие ворота. Бросок, однако, запоздал — сирена прозвучала мгновением раньше. 1:0.

До чего же спокойно стало сразу на душе. Я вышел в опустевшее фойе «Юханнесхофа» усталый и счастливый. Идти куда бы то ни было не осталось сил. Я уселся за какой-то столик. Не заметил, как подошли и сели рядом еще несколько человек. Один из них, казанский журналист, досгал стограммовую бутылочку «Столичной», и мы впятером тут же распили прямо из горлышка. За нашу победу, за семикратных чемпионов мира.

Конечно, будь я сейчас в команде, я бы и мысленно не стал произносить такой тост — впереди матч с Канадой. Но тут, на стадионе, я присоединился к нему смело. Все ясно — не обыграть канадцев мы сегодня не можем.

Победа в последней игре досталась нам не так просто, как я предполагал. Видно, и наши не двужильные, и их силам есть предел. И все же победа была, и победа уверенная. Никаких шансов на успех не оставили наши ребята канадцам и их болельщикам.

Как все будет дальше, я мог во всех подробностях рассказать заранее. Сначала — качать Зингера, потом — обоих тренеров. Несколько минут всеобщего восторга и неразберихи, и команда выходит на пьедестал. Старшинов стоит с двумя кубками — за первенство мира и Европы — и, подняв их над головой, позирует фоторепортерам. Потом — круг почета. Потом — репортерам позирует вся команда, с врачом, массажистом, руководителем делегации…

Знакомый, из года в год повторяющийся ритуал…

И с трибуны я смотрю на него спокойно, даже чуть скептически улыбаясь наивному проявлению радости этими взрослыми людьми. И тому, как вытянулись они все, словно на параде, и молча, не шевелясь, как в почетном карауле, слушают наш гимн и следят за поднимающимся вверх нашим государственным флагом. Но ведь шесть лет подряд я был участником этой процедуры, шесть лет стоял в одном строю со всеми, стоял, не смея шелохнуться, как в почетном карауле. И шесть раз в жизни в эти минуты мне приходилось сдерживать

готовые брызнуть из глаз слезы.

Восторженность? Наивность? Сентиментальность? Думайте что хотите. Я-то знаю, что это. Только это невозможно объяснить. Это надо пережить самому. К этому надо прийти вместе с командой. Это чувствуешь, только находясь там, по ту сторону поля. Моя жизнь сложилась счастливо: мне довелось пережить это чувство.